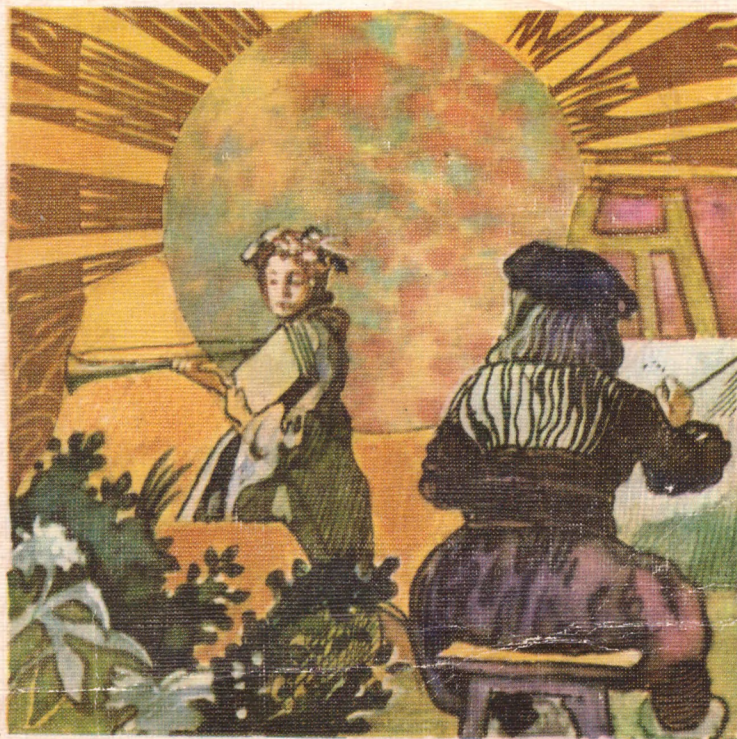

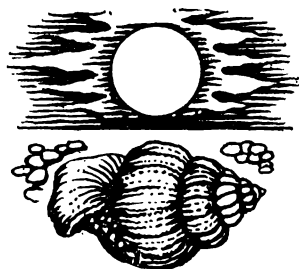
ВЛАДИМИР МАЛОВ ФОРПОСТ «НАДЕЖДА»

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР МАЛОВ
ФОРПОСТ
«НАДЕЖДА»

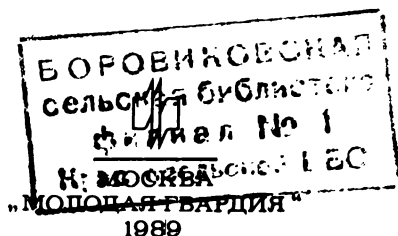
БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР МАЛОВ

ФОРПОСТ «НАДЕЖДА»

ББК 84Р7
М 19

Художник АЛЕКСАНДР КАТИН

М $\frac{4702010200-106}{078(02)-89}$ 144—89

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1989 г.

ISBN 5-235-00646-1

**ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ**

ПОСЫЛКА

Хроника исключительного события

Фрагмент одной из многочисленных газетных статей, связанных с Посылкой:

...Подсчитаем случайности. Случайность, что ЭТО произошло именно здесь, неподалеку от маленькой деревушки в Калининской области, а не в пустыне Сахара, не в канадской тайге и не посреди Австралии, где никто не живет. Случайностью было то, что Посылка — давайте и в самом деле пользоваться таким метким названием, пущенным в ход кем-то из ученых, — вообще попала на сушу, а не угодила в океан, море, крупное озеро. Случайность, что четыре человека оказались поблизости, и поэтому место падения было сразу же найдено. Значит, человечество могло и не заметить, что ему адресована Посылка? Вполне вероятно! Впрочем, может быть, ему еще и не удастся понять, что именно послано.

11 августа. 11 часов 30 минут — 11 часов 52 минуты

Впереди было большое ржаное поле, оно отлого спускалось к далекой полоске кустарника. В просветах полосы виднелась медленная речка с красивым названием Мста. На другом берегу местность вновь поднималась — нетронутый массив луговой травы уходил к горизонту. А слева за рекой был бело-зеленый и высокий островок одинокой березовой рощи, и солнце сейчас висело прямо над ним.

Поправив на плече ремень этюдника, Гелий сказал:

— Никак не могу привыкнуть. Понимаете, здесь каждый раз другой свет. У меня на берегу есть любимое место... сейчас увидите... так вот, я часто пишу один и тот же вид, и каждый раз он другой.

Художник первым ступил на тропинку, чуть видневшуюся в густых колосьях набирающей золото ржи, и стал спускаться к речке. Таня и Кирилл двинулись следом. Маленькая деревушка — всего шесть домов — осталась позади. Сделав первый шаг, Таня подумала: еще только вчера жизнь была самой обыкновенной и состояла из машин, ослепительных огней, близко теснящихся домов в десятки этажей и множества людей; еще вчера был самый обычный городской августовский вечер; но в семь вечера они сели в машину, четыре с половиной часа езды, и утром проснулись совсем в другом мире, время остановилось; и вот теперь есть только эта величавая, спокойная, вечная природа. Так здесь было, наверное, и триста лет назад, и сто, и десять лет назад.

Небо в этот час было прозрачно-голубым и бездонным. Легкий ветерок поднимал на поверхности поля золотую рябь. Воздух был пронизан утренними солнечными лучами; воздух жил какой-то своей особой и загадочной жизнью, наполненной тихим звоном множества крылышек и мягким жужжанием.

— Я думаю, вы не пожалеете, что сюда приехали, — не оборачиваясь, сказал Гелий. — Неделью во всяком случае как-нибудь выдержите.

— Выдержим и больше, — пообещал Кирилл.

— А сейчас программа такая. Я буду рисовать, а вы пока гуляйте, купайтесь, загорайте. Здесь никого нет, ты, Кирилл, можешь быть спокоен: ни интервью, ни автографов, ни разговоров. Устал небось? Ты ж у нас теперь, ну как кинозвезда, как эстрадный певец.

— Теперь, бывает, хоть маску надевай, — беззаботно ответил Кирилл. — Вот художнику, даже такому зна-

менитому, как ты, куда проще. Никто не знает, какой он из себя, видят только его картины.

— А автопортреты? — спросил Гелий.

Лукаво прищурясь, Кирилл осмотрел клетчатую, в старой ковбойке, широкую спину знаменитого художника Гелия Команова и сказал:

— Автопортрет — это значит автовзгляд, который, я считаю, почти всегда ошибочен. Верен только взгляд со стороны, и даже не один взгляд, а нечто среднее, выведенное из множества взглядов, потому что...

Он приготовился развивать эту пришедшую мысль дальше — она понравилась ему, — но Таня вдруг возмутилась:

— Рационалист! Математик! Да как ты можешь сейчас об этом говорить!

— А о чем надо говорить?

— Надо молчать! Если нет ничего больше, только вот это, — она сделала такой жест, как будто хотела охватить сразу все: небо, солнце, поле, рошу, речку, воздух, — тогда надо молчать! Молчать и думать о том, о чем никогда не думаешь в городе.

Художник хмыкнул.

— Пожалуй, Таня права.

— Пожалуй, Таня права всегда, — весело отозвался Кирилл, — но ты-то, мой старый школьный товарищ, становишься на сторону женщины... пусть даже она права!

Они дошли до конца тропинки, прошли сквозь кустарник и оказались на маленьком, поросшем травой уступе, нависшем над песчаной отмелью, треугольником уходившей в реку. Березовая роща на том берегу отсюда казалась уже не пятном, а стала бело-зелеными деревьями, и у каждого был свой возраст, характер, и была своя судьба.

Остановившись, художник снял с плеча этюдник и почти застенчиво произнес:

— Это здесь...

Несколько минут все трое молча смотрели на рошу, как будто открывая в ней все новые и новые черты. Потом с неожиданной твердостью Гелий сказал:

— Вы помните, когда я уговаривал вас ко мне приехать, единственным условием было...

— Да, да, — поспешно ответила Таня. — Мы уходим. — Она потянула Кирилла за руку.

— Возвращайтесь часа через два-три, пойдем готовить обед.

Художник остался один, он не любил, когда кто-то смотрел, как он работает. Не спеша, с удовольствием, он опустил на траву, раскрыл ящик этюдника, вдохнул запах красок и снова посмотрел на рошу, которая теперь, и в это утро, снова, конечно, была совсем другой и новой...

А Таня и Кирилл все дальше уходили по тропинке, вьющейся в кустарнике вдоль берега, повторяя все причудливые извивы русла реки.

Там, где тропинка поднялась на холм, возвышающийся над речкой, они нашли бревно, втащенное сюда кем-то, не пожалевшим сил и труда, и уселись на него, наслаждаясь утром, солнцем, летом и тем, что теперь долго можно было быть вместе. Отсюда все было видно: и рошу, и маленькую фигурку художника вдали. Художник уже установил на треноге этюдника раму с холстом. Еще какой-то человек в старомодном парусиновом костюме сидел на том берегу с удочкой.

— А я-то думала, что здесь нет никого, кроме нас троих, — удивленно проговорила Таня. — Ведь сейчас посмотрит на тебя, узнает и придет просить автограф. — Шутливо-ласково она погладила его ладонь.

Они помолчали и оба сейчас думали об одном. Обоим было трудно поверить, что впереди — дни, наполненные непривычной безмятежностью и покоем, но оба уже знали, что не ошиблись, приняв приглашение художника провести отпуск в его местах, в его доме, а не где-нибудь еще. Им было хорошо.

Человек на том берегу вдруг резко выпрямился, и на солнце блеснула искорка серебра, выхваченная из воды и взлетевшая в воздух.

— Карась, — сказал Кирилл наугад.

И в тот же миг ЭТО случилось.

Ослепительно голубое небо стремительно перечертила узкая ярко-желтая полоса, начинающаяся, как могло показаться, прямо на солнце. Она прошла над вершинами берез прямо к центру огромного луга на том берегу и как будто ушла в траву, исчезла.

Таня и Кирилл вскочили с места, а рыболов от неожиданности выронил удочку, и течение стало медленно увлекать ее в сторону.

Все это заняло, казалось, лишь доли секунды. Все произошло в полной тишине. И казалось, ничего не изменилось, ничего не произошло. Но там, где желтая полоса растворилась в зелени травы, все еще плыли клубы белого дыма, который постепенно рассеивался и таял. И четверо людей застыли в оцепенении, следя за тем, как он исчезает, и не зная, что будет дальше.

11 августа. 12 часов 55 минут — 13 часов 03 минуты

В четыре, вернее, в шестнадцать ноль-ноль, предстояло совещание в Институте, на семнадцать ноль-ноль была назначена встреча с корреспондентом газеты, а к семи у себя дома ждала старшая дочь. Пятнадцатая годовщина свадьбы, уютный семейный праздник.

Донкин вздохнул: все очень отчетливо помнится — ресторан «Прага», четвертый этаж, зал под названием «Второй зимний сад», но вот, оказывается, было все это пятнадцать лет назад. Не иначе как с годами время шабарает скорость: в детстве даже дни кажутся нескончаемыми, но вот теперь... Однако это не его собственная мысль и не его собственное наблюдение, что-то подобное он уже где-то читал или слышал.

В распахнутое окно бил городской шум, но, привычный, он не мешал, хотя жена и дочери всегда говорили, что кабинет лучше бы устроить в той комнате, что вы-

ходит во двор. Что сделаешь — женщины, даже самые чудесные на свете, не способны понять: лучшее решение обычно совсем не то, что с первого взгляда кажется бесспорным. Если привыкнуть к тишине, редкий шум — когда, например, во двор въезжает грузовик, — куда вернее выбьет из рабочей колеи, чем шум посторонний, привычный, который в конце концов перестаешь замечать. Пожалуй, учтя все факторы, можно было бы даже просчитать коэффициенты работоспособности и для тех условий, и для этих; и здесь, в кабинете с окнами на Ленинский проспект, где уровень шума постоянен, коэффициент, безусловно, окажется, выше. С математическими выкладками можно было бы познакомить женщин, и они... все равно останутся при своем мнении.

Донкин улыбнулся: ученый, привыкший иметь дело с формулами и математикой, все и всегда готов перевести на их язык. Сегодня вечером, часам к восьми, когда гости разговаривают, он, чего доброго, проследив за ассоциациями, которые определяют смену тем в беседе, попробует построить соответствующую математическую модель; и она со всей определенностью покажет, какие еще будут подняты в беседе темы, в какое время, и что каждый из присутствующих скажет хозяевам на прощанье...

Академик придвинул поближе чистый лист. Обычная психологическая установка проведена: он напомнил себе о предстоящих еще на сегодня делах и несколько минут отдыхал, размышляя о различных интеллектуальных пустяках. Все, теперь надо работать! На столе лежит рукопись научно-популярной книги о новейших исследованиях комет, которую уже ждет издательство.

Уверенно, твердым почерком Донкин вывел название очередной главы, и сразу же в голову пришла первая фраза. Начало главы должно быть привлекающим внимание и вместе с тем точным, как математическая аксиома. К тому же хорошее начало всегда помогает ав-

тору: если найдена верная интонация, работа идет легче, это многократно подтверждено.

Тяжело прозвонили старинные маятниковые часы в углу кабинета. Тринадцать ноль-ноль, работать можно было до пятнадцати тридцати. Через два с половиной часа работы в книге прибавятся три страницы, установленная ежедневная норма, которую автор выполнял строго и неукоснительно.

Академик написал вторую фразу, подумал, зачеркнул и недовольно поднял голову, потому что в привычный уличный шум вплелся посторонний звук: открылась дверь кабинета. Когда он работал, домашние беспокоили Константина Михайловича лишь в исключительных случаях.

— Костя, извини! — сказала с порога жена. — Возьми трубку...

11 августа. 13 часов 38 минут — 14 часов 02 минуты

Под колеса «Жигулей» летела узкая лента асфальта.

Места здесь — Гелий не преувеличивал — действительно оказались сказочно красивы: слева густо-зеленый августовский лес, справа, когда шоссе взлетало на очередной пригорок, открывалось серебряное зеркало озера Мстино, по которому медленно двигался, постепенно отставая от машины, маленький белый теплоход. Но вчера, поздно вечером, в темноте, Кирилл и Таня, конечно, не могли видеть этого великолепия. Сегодня, совсем недавно, когда Кирилл гнал машину в ближайший город, к телефону, он, понятно, не очень обращал внимания на окружающие красоты. Но теперь, на обратном пути, можно было наконец позволить себе оценить их, правда, не слишком отвлекаясь от главного. А главным было то, что сейчас, после сумасшедшей езды и после разговора с уравновешенным и всегда невозмутимым Донкиным, впервые представлялась возможность подумать, обстоятельно подумать над тем, что произошло.

Так что же произошло? И как все это оценить?

Восстановим события, подумал Кирилл. Итак, двое людей в окрестностях прелестной деревушки наслаждаются утром, солнцем, летом, еще один человек в бесчисленный раз пишет знакомую и вечно новую березовую рощу и, наконец, четвертый, неизвестный, ловит рыбу. И вот в этот покой, в эту идиллию вторгается нечто совсем уж из ряда вон. Очень ярко Кирилл представил себе это вновь: ярко-желтая полоса перечеркивает небо и уходит в землю, в траву, и клубы белого дыма постепенно истаивают, сходят на нет. И четверо людей, повинуясь вполне понятному побуждению, бегут, когда прошло оцепенение, к тому месту, где только что плавали клубы дыма и где желтая полоса ушла в траву.

Забавно, вдруг ни с того ни с сего подумал Кирилл: как хорошо он ни тренирован (а физические нагрузки, переносимые им, не сравнить, пожалуй, с тренингом любого из спортсменов), однако пожилой человек с того берега оказался проворнее, показав прямо-таки феерический спурт. Правда, у него была солидная фора: ему-то, Кириллу, пришлось еще преодолевать речку. Художник Гелий, ровесник, неизвестно от чего уже прилично располневший, оказался последним. И там, где рассеялся дым, все четверо увидели...

Представьте себе идеально ровный круг выжженной травы диаметром метра три. В центре него неглубокая и тоже геометрически правильная воронка, сужающаяся ко дну. И наконец лежащий на дне воронки... Кирилл поискал слово... аппарат, нет, шар... шар ярко-желтого нарядного цвета диаметром сантиметров в тридцать. Шар, упавший с неба, причем явно не метеорит — слишком уж правильная форма, — и не спутник, совершивший вынужденную посадку, — на поверхности никаких следов путешествия сквозь атмосферу.

Справа и слева замелькали дома деревушки. «Валентиновка», — прочитал Кирилл автоматически, и шоссе уже вылетело за пределы местечка, где обычной жизнью жили люди, еще и не подозревающие о том, что

здесь, совсем рядом с ними, около часа назад свершилось нечто, еще никогда не происходившее.

Но так ли это?

Давайте вновь переберем варианты, подумал Кирилл, давайте снова все по порядку. Итак...

Метеорит действительно не может быть столь правильной формы... по крайней мере, на Землю еще ни разу не падал ТАКОЙ метеорит. К тому же метеорит, пролетевший в космосе невообразимо какие дали, не может иметь столь ровный, без всяких оттенков цвет.

Не метеорит.

Но и не искусственный спутник, сделанный на Земле. Иначе, раз он упал с неба, на поверхности шара неминуемо остались бы следы воздушного путешествия, окалина хотя бы. И падение обязательно сопровождалось бы какими-то иными внешними признаками, а никак не желтым пунктиром, словно растворившимся в траве, и все это в полной тишине, совершенно беззвучно, как в немом кино. Значит, получается, что...

Промелькнули дома еще одной симпатичной деревеньки. «В. Котчище», — прочитал Кирилл. До деревни, где жил знаменитый художник Гелий Команов и где все ЭТО случилось, было теперь совсем близко.

Так, значит, получается, что наиболее вероятна такая гипотеза: на Землю прилетел космический аппарат другой цивилизации. Можно в это поверить?

Ну а разве бросился бы он, Кирилл, к машине и помчался бы немедленно звонить академику Донкину, если б не принял он этой мысли сразу же, тут же, едва только увидел желтый шар. И, если разобраться, так ли уж все удивительно? Ведь рано или поздно это должно было случиться, и надо теперь считать, что ему и трем остальным людям, оказавшимся в этот момент рядом, повезло — они стали первыми.

ПЕРВЫМИ!

Кирилл усмехнулся. Вот он, расчетливый, трезвый, аналитический ум. Другой человек, бесспорно, вел бы

себя совершенно иначе в такой ситуации — волновался бы, нервничал, был на себя не похож; он же, спокойно перебрав варианты, отбросив то, что не выдерживает критики (а в данном случае — вот парадокс! — критики не выдерживает любое объяснение, не выходящее за рамки привычного), с полным спокойствием останавливается на варианте совершенно необычном, фантастическом, но зато все объясняющем. (И все-таки надо быть честным — сначала, до того, как пришло привычное спокойствие и способность к точному анализу, он, Кирилл, тоже немного был выбит из колеи.)

Так что же это за шар? Космический корабль с пришельцами весьма миниатюрных размеров? Космический зонд-разведчик, потерпевший по неожиданной причине аварию? Или... или какое-то специальное послание человечеству, какая-то информация, посланная теми, кто ищет контакта с человечеством, и полученная им, Таней, Гелием Комановым и еще одним землянином?

Кирилл резко сбавил скорость и свернул на проселок, ведущий к маленькой деревушке. Должно быть, когда находкой, совсем уже скоро, займутся ученые, название деревушки станет известным всему свету. И тут же, повинаясь неожиданной ассоциации, нить мыслей Кирилла повернула в сторону.

А любопытно, как все сложилось бы, если б на его месте был кто-то другой? Вот у него была возможность тут же, немедленно, выйти на прямую связь с учеными, причем учеными самого высокого ранга. А если б очевидцами падения стали один-два местных жителя? Что бы они стали делать? Сообщили о случившемся в сельсовет? Отвезли бы свою находку в районный центр, в отделение милиции? Сколько времени прошло бы, прежде чем она попала к ученым? Попала бы ли вообще? А может быть, никто так и не заметил бы падения, произошло оно мгновенно, совершенно беззвучно...

Сверху, с проселка, Кирилл увидел речку, березовую рощу на том берегу, луг, на котором по-прежнему были

Гелий, Таня, человек с удочкой, вернее, уже без удочки. Интересно, кстати, кто он такой?

Кирилл свернул прямо на узкую тропинку, ведущую к речке, и стал осторожно спускать машину. На тот берег перекинут мост, но «Жигули» по нему, понятно, не пройдут. Ничего, он оставит машину на самом берегу, до места падения достаточно близко, и ее ярко-синий цвет послужит ориентиром для вертолета...

Ничего на том берегу не изменилось. Желтый шар лежал на прежнем месте. Он не растворился в воздухе, не взлетел снова. А ведь любопытно, могло бы и такое быть, как-то отстраненно подумал Кирилл, все могло бы быть, наверное, если перед нами космический аппарат неизвестного происхождения, посланный на Землю с неизвестными целями.

Кирилла встретили три пары вопрошающих глаз.

— Послушайте, я вас только что узнал, — взволнованно сказал незнакомый человек. — Вы ведь Кирилл Храбростин, космонавт, правильно?

Только теперь Кирилл разглядел его как следует — невысок, худощав, должно быть, очень подвижен, лет пятидесяти.

— Правильно, — сказал Кирилл, — не ошиблись.

— А я учитель из соседней деревни, — заметно растерянно сказал человек. — Спиридонов. Спиридонов Александр Анатольевич. Историк...

Солнце поднялось уже высоко; его лучи отражались в желтой поверхности шара, и он сам казался маленьким, упавшим на Землю солнцем.

— Ничего нового? — спросил Кирилл.

— Ничего, — ответила за всех Таня.

— Ну а что же все-таки, а? — быстро спросил учитель-историк из соседней деревни. — Что вам сказали?

— На всякий случай пока нам велели отойти подальше, — ответил Кирилл.

— Кофе попей, — сказал Кириллу Гелий. — вот я принес из дома термос.

11 августа. 15 часов 14 минут — 15 часов 27 минут

Маленький и юркий вертолет на некоторое время завис над выжженным кругом. Похоже было, что экипаж производил какие-то предварительные замеры. Потом вертолет опустился, и лопасти винта остановились...

Трое молчаливых людей в белых халатах работали деловито и быстро. На траве, внутри лунки, на поверхности шара молниеносно появились какие-то приборы. Были взяты образцы обгоревшей травы и образцы почвы. Щелкал затвор фотоаппарата, стрекотала кинокамера. Потом рядом с лункой появился серебристый контейнер, и трое людей надели стерильные перчатки.

В лунке лежал космический аппарат, прибывший неизвестно из каких далей Вселенной, происходило небывалое еще на Земле и великое событие, но люди из вертолета в этот момент больше всего были похожи на бригаду обыкновенных такелажников, перевозящих груз с места на место.

— Раз-два-три — взяли!!! — скомандовал тот, что был постарше, и три пары рук подняли шар вверх.

— Что за черт! — вдруг изумленно проговорил старший. — Похоже, он ничего не весит. Ну-ка отпустите!

Двое других опустили руки.

— Как пушинка! — объявил старший, держа шар на одной ладони. — Ничего себе!

Желтый шар скрылся в контейнере. Вот контейнер был, наверное, тяжел; его с усилием поднимали все троем.

— А за вами сейчас прилетит другая машина, — объявил старший и дружески, как старому знакомому, кивнул Кириллу. — Вы сами понимаете, это необходимо. Полчаса... даже час на сборы у вас есть.

Дверца вертолета шелкнула, юркая механическая стрекоза взмыла вверх, по лугу пробежала ее тень...

И вот тогда Таня вдруг подумала о том, что и в этот раз полнокровного, до желания немедленно, сейчас же, сию минуту, приниматься за работу, отдыха не по-

лучилось. Это была неуместная, даже какая-то постыдная мысль — рядом с удивительным, невероятным событием, которое, очевидно, было крайне важно для науки, но Таня ничего не могла с собой поделать.

15 августа. 10 часов 00 минут — 12 часов 36 минут

Слепящие юпитеры вспыхнули во всех углах большого зала, как только Президент Академии наук появился в дверях, ведущих на сцену. Тесной группой вслед за Президентом шли ученые. Журналисты уже знали: создана экстренная международная научная Комиссия, по рядам зашелестели произносимые вслух знаменитые имена. Но этот шум был тут же заглушен мощным залпом затворов фотоаппаратов и рокотом кинокамер. Заметававшиеся по залу фоторепортеры и кинохроникеры мешали телеоператорам, и режиссер, чертыхаясь, вынужден был то и дело отказываться от выигрышных крупных планов, заменяя их дальними и средними и думая с тоской, что ЭТУ передачу смотрит весь мир, что другой ТАКОЙ передачи в его жизни больше, наверное, уже не будет.

На миллиардах телеэкранов — больших и маленьких, цветных и черно-белых, стационарных и передвижных, — Президент в этот момент стремительно, крупными шагами пересекал сцену, чтобы встать к микрофону. Ученые, идущие следом, размещались за длинным столом президиума. Потом, уловив момент, телережиссер сумел дать в эфир очень крупный и интересный план: Президент смотрел влево, на дверь, из которой он сам только что вышел на сцену, как будто ждал еще кого-то, опаздывающего. Сейчас же на экранах появилась эта высокая двустворчатая дверь, и миллиарды людей на планете увидели то, о чем уже третий день они говорили, строили предположения, спорили. Увидели не в застывшей неподвижности фотоснимка — газетные фотографии уже облетели весь мир, а в движении, в красках — на цветных телеэкранах; и, быть может, для многих из миллиардов вот только теперь, в этот самый

миг, невероятный, не укладывающийся в сознание факт наконец обрел бесспорную реальность, и не осталось больше места сомнениям.

Низенький столик на колесиках... На нем — прозрачный, герметически закрытый куб-контейнер... И внутри куба — ярко-желтый шар, поверхность которого, отражая слепящий свет юпитеров, тут же вспыхнула множеством маленьких искрящихся солнц...

Теперь щелканье фотозатворов, жужжание кинокамер стали оглушительными. В задних рядах журналисты вскакивали с мест и вытягивали шеи. Телекамеры двигались справа налево, вслед за контейнером, пока столик на колесиках — его везли двое людей в белоснежных халатах — не остановился возле стола президиума. Несколько мгновений телережиссер давал куб-контейнер крупным планом, потом общий вид волнующегося зала.

Президент поднял руку. Шум и движение не стихали. Броуновское движение фото- и кинорепортеров не прекращалось. Телережиссер крупным планом показал всему свету лица четырех человек, сидящих за столом президиума рядом: космонавта Кирилла Храбростина, художника Гелия Команова, молодой детской писательницы Татьяны Храбростиной и школьного учителя Александра Анатольевича Спиридонова. Учитель — весь мир теперь знал, что он преподает историю в маленькой сельской школе, любит рыбную ловлю и московский «Спартак», — заметно волновался. Но наконец на миллиардах телеэкранов снова показалось лицо Президента: пресс-конференция была открыта.

Во всех направлениях мировой эфир пронизали сотни, тысячи голосов: на всех языках переводчики повторяли одно и то же. Слова Президента Академии наук были обыденно просты, привычны, обыкновенны, однако вместе они выстраивались в какой-то невероятный фантастический ряд, в предложения, которые до этого еще ни разу не были произнесены на Земле.

Приветствие, обычное обращение ко всем присутствующим. Затем:

— О беспрецедентном событии, что имело место 11 августа сего года, все уже осведомлены по сообщениям газет и иных средств массовой информации. На руках участников данного собрания есть и специально подготовленные пресс-бюллетени. Все это позволяет мне быть кратким. Итак, суммируя, можно сказать следующее: искусственное происхождение аппарата, попавшего на Землю, не вызывает сомнения. Исследования, проведенные с помощью специальных интроскопометодов, позволяют утверждать, что внутри он полый и в полости размещены устройства неясного пока назначения. Каких-либо излучений не отмечено. Материал, из которого изготовлена внешняя оболочка, на Земле неизвестен. Таковы все предварительные данные. Для детального изучения назначения и конструкции аппарата создана экстренная международная научная Комиссия, в состав которой входят такие известные ученые, как Джон Саймон из Соединенных Штатов, Жан Марке и Мишель Салоп, Франция, Карл Руниус, Швеция, и другие. Сейчас намечается программа дальнейших исследований. Председатель Комиссии — советский ученый, директор одного из ведущих в стране институтов космического, если можно так сказать, направления, академик Константин Михайлович Донкин. И ему же президиум Академии наук поручил провести настоящую пресс-конференцию для представителей газет, журналов, информационных агентств из ста девятнадцати стран.

В Берлине, Мельбурне, Буэнос-Айресе, Аккре, Лос-Анджелесе, Париже, Токио, во всех уголках Земли миллиарды президентов уступили место на телевизионных экранах миллиардам председателей экстренной международной научной Комиссии. Во всех уголках Земли замерли люди, собравшиеся у экранов телевизоров.

...Вопрос корреспондента американской газеты «Вашингтон пост»:

— Не было ли поначалу у ученых такой гипотезы: внутри аппарата есть экипаж космических пришельцев очень малого размера? Или, может быть, погибший экипаж?

Ответ академика К. М. Донкина:

— Во всяком случае, инопланетный экипаж ничем не обнаружил своего присутствия. Данные же, полученные с помощью специальных интроскопометодов, о чем говорил Президент Академии наук, свидетельствуют о том, что аппарат оснащен лишь какими-то устройствами, по-видимому, автоматическими. Впрочем, ученые Земли столкнулись с таким объектом исследований впервые, так что пока полностью ни в чем нельзя быть уверенным.

Вопрос корреспондента японской газеты «Асахи»:

— Можно ли строить предположения о том, из какого района Вселенной прилетел на Землю инопланетный космический аппарат?

Ответ академика К. М. Донкина:

— Нет.

Вопрос корреспондента французской газеты «Франс суар»:

— Не так давно в этом же зале я участвовал в пресс-конференции, посвященной завершению космического эксперимента месье Кирилла Храбростина, совершившего, как известно, первый внеорбитальный и внелунный полет и некоторое время сопровождавшего на космическом корабле ядро одной из комет. Как, месье Храбростин, оцениваете вы тот факт, что именно вам, человеку, обретшему невиданную популярность, а не кому-то еще, удалось впервые в мире встретиться с инопланетянами, пусть и в опосредованном виде?

Ответ космонавта К. Храбростина:

— Я думал об этом. То, что на месте падения космического аппарата оказался именно я, это, конечно, редчайшая случайность. Но ведь такой же точно случайностью это было бы и для любого другого человека,

не так ли? Кроме того, есть какая-то справедливость в том, что первым с неизвестным космическим аппаратом встретился именно космонавт.

Еще один вопрос корреспондента «Франс суар»:

— А месье школьный учитель? Преподавать историю, давно ушедшее время, и вдруг, если можно так выразиться, заглянуть в будущее...

Ответ А. А. Спиридонова:

— Я... я, говоря по правде, об этом не думал, я до сих пор испытываю растерянность от того, что это произошло именно со мной.

Вопрос корреспондента английской газеты «Таймс»:

— Можно ли уже сейчас строить предположения о назначении аппарата?

Ответ академика К. М. Донкина:

— Здесь — самый широкий спектр предположений. Например — аппарат содержит какую-то информацию для нас, землян, возможно, сведения о цивилизации, которой он послан. Или — аппарат не был адресован землянам, но совершил на нашей планете непреднамеренную посадку, вызванную какой-то неисправностью. Каково в таком случае его назначение? Есть и другие предположения. Возможно, перед нами своеобразный космический буй. Возможно, зонд-разведчик, посланный откуда-то миллиарды лет назад и наконец случайно оказавшийся в районе Солнечной системы. Мы помним, что некоторое время назад с Земли была отправлена «космическая посылка» с информацией о нашей цивилизации, отправлена, по сути дела, наугад. Может быть, мы случайно получили такую же посылку другой цивилизации, тоже отправленную на «авось»...

Вопрос корреспондента шведской газеты «Арбетет»:

— Давайте остановимся на одном из предположений. Аппарат содержит какую-то информацию, специально адресованную землянам. Какого рода информация это может быть?

Ответ академика К. М. Донкина:

— Понятно, что на такой вопрос трудно ответить на данном этапе исследований. Но это могут быть, например, сведения о важнейших научно-технических достижениях данной цивилизации, так сказать, односторонний обмен опытом.

Вопрос корреспондента швейцарской газеты «Блик»:

— Если цивилизация-отправитель достигла самых высоких ступеней развития, и в аппарате содержится информация, которая позволила бы земной науке совершить невиданный скачок вперед, что принесло бы это человечеству?

Ответ академика К. М. Донкина:

— Это еще более трудный вопрос. Насколько я знаю, подобные ситуации многократно рассматривались писателями-фантастами. Здесь были разные мнения: преждевременное знание несет только вред, даже гибель, развитие науки должно быть диалектическим. Другое мнение: новые знания, полученные, так сказать, в подарок, позволят высвободить умы, руки, силы человечества для созидания и невиданного прогресса, а значит, для дальнейшего мощного наступления на тайны природы, ибо нет предела знанию, к которому стремится разумное существо. Повторяю: до сих пор такой вопрос рассматривался большей частью на страницах фантастических книг и на нескольких состоявшихся к сегодняшнему дню симпозиумах по проблемам связи с внеземными цивилизациями. Понятно, что это были лишь умозрительные, теоретические разговоры. К решению такого вопроса на самом деле надо быть готовым, но для этого необходимо, чтобы он был твердо и определенно поставлен.

Вопрос корреспондента американской газеты «Лос-Анджелес тайм»:

— Господин Президент Академии наук сказал, что в настоящее время намечается дальнейшая программа исследований. Будет ли, так сказать, оперативное вмешательство? Иными словами, планируется ли просто-

напросто вскрыть этот желтый шарик, чтобы узнать, что там внутри?

Ответ академика К. М. Донкина:

— Да, по всей вероятности, если только не будет найдено какого-то искусственного, специально предназначенного для этого «входа» в аппарат. Пока же самые тщательные исследования не позволили найти такой «вход».

Вопрос корреспондента французской газеты «Фигаро»:

— Среди четырех людей, оказавшихся на месте приземления или падения космического аппарата, была очаровательная женщина мадам Храбростина. Мадам, что вы прежде всего подумали, когда поняли, что перед вами нечто необъяснимое, небывалое?

Ответ Т Храбростиной:

— Подумала о том, что и в этот раз совместного от пуска не получилось, придется возвращаться в Москву.

Вопрос корреспондента мексиканской газеты «Новедадес»:

— Синьора Татьяна Храбростина с особым качеством юмора, свойственным только женщинам, разрядила напряженную и наэлектризованную обстановку в этом зале, вызвав смех и улыбки. Но вернемся к серьезным вопросам. Как и с помощью каких средств ученые могут вскрыть аппарат, не повредив его содержимое?

Ответ академика К. М. Донкина:

— Средства могут быть самыми разными: от архаичной пилы-ножовки до, например, плазменной горелки с регулируемой глубиной резания. Впрочем, пила-ножовка названа скорее в шутку. Внешняя оболочка оказалась очень твердой, потребуются более совершенные методы.

Вопрос корреспондента канадской газеты «Глоб энд мейл»:

— Космический аппарат приземлился на территории определенной страны. Если он действительно содержит

ценнейшую научно-техническую информацию, позволившую бы совершить невиданный технологический скачок, не означает ли это, что одна из стран получит невероятное и дарованное свыше преимущество над другими?

Ответ академика К. М. Донкина:

— Мне кажется, ответом на вопрос служит уже и само создание экстренной международной научной Комиссии. Знания, конечно, будут принадлежать всему человечеству. Замечу только, что если речь пойдет именно о знаниях, посланных нам в подарок, на мой взгляд, вероятно, очень и очень нелегко будет понять язык, на котором к нам обращаются, иными словами, расшифровать информацию.

Вопрос корреспондента итальянской газеты «Стампе»:

— Среди четырех людей, ставших очевидцами падения внеземного космического аппарата, кроме синьоры Храбростиной, синьора космонавта и синьора школьного учителя, был синьор художник. Каковы впечатления у человека искусства?

Ответ художника Гелия Команова:

— Несмотря на естественное изумление... Все было очень неожиданно... В общем, я сделал ряд набросков в блокноте. Может быть, когда-нибудь я нарисую картину. Она будет единственной в своем роде.

Вопрос корреспондента индийской газеты «Таймс оф Индия»:

— Председатель экстренной международной научной Комиссии дал понять, что нелегко будет вскрыть оболочку космического аппарата. Может ли случиться так, что Комиссии так и не удастся выяснить назначение космического аппарата, несмотря на все усилия и современную научно-техническую оснащенность?

Ответ академика К. М. Донкина:

— Можно вполне допустить, что задача на данном этапе окажется неразрешимой, что современный уровень науки не позволит решить космическую загадку. Но что

это значит?.. Я ждал такого вопроса и теперь ответом на него хотел бы завершить данную пресс-конференцию, потому что, по-моему, все другие вопросы, которые только могли быть, достаточно полно освещены... Так что же будет, если современная наука остановится перед неразрешимыми трудностями, если космический аппарат не пожелает открыть своих секретов? Что ж, тогда человечество подождет своего часа, подождет того момента, когда новые знания, приобретенные самостоятельно, помогут ему справиться и с этой задачей. И вот тогда-то, наверное, а не сейчас, если речь действительно идет о посланной нам научно-технической информации, люди окажутся более достойными того подарка, что упал с неба.

17 августа. 9 часов 10 минут — 10 часов 12 минут

Все было приготовлено еще накануне вечером, члены Комиссии собрались к восьми утра и теперь о чем-то тихо переговаривались, стоя тесной группкой в углу; начало было назначено на девять, но Донкин все еще медлил. Он большими шагами ходил взад и вперед по просторной лаборатории, хмуро поглядывая то на членов Комиссии, то на толстое стекло-иллюминатор большой герметической камеры, за которым застыли готовые к работе механические руки-манипуляторы.

Ночью Константин Михайлович плохо спал — впервые за многие годы, — утром проснулся разбитым, обычная получасовая зарядка не помогла, и сейчас председатель экстренной международной научной Комиссии пытался разобраться в себе. Нервничал? Да нет, вряд ли. За многие годы он полностью научился владеть собой. Вот и тогда, после сумасшедшего телефонного звонка космонавта Кирилла Храбростина, отдав все необходимые распоряжения, он вернулся к работе и написал еще две страницы своей научно-популярной книги о новейших исследованиях комет. Научился-таки отключаться от всего, что в данный момент могло помешать, научился думать только о том, что сейчас, в эту минуту, было

главным. Так почему же тогда он так долго не мог уснуть накануне?

И вдруг Донкин отчетливо понял, что мешало ему, что заставляло его сейчас тянуть с началом и что ночью заставляло ворочаться с боку на бок, считать до тысячи, потом включить свет и наугад открыть «Сагу о Форсайтах», потом снова считать до тысячи, до двух тысяч, до пяти...

Досада! Досада!!

Подсознательная досада на то, что не нашлось, не смогли они найти какого-то другого решения, кроме плазменной горелки и этих вот железных рук, которые сожмут сейчас ярко-желтый шар и подставят его ослепительному, разрушающему тонкому жалу.

Точно так же, наверное, дикарь из каменного века, увидев перед собой, скажем, сейф с цифровым набором, открывал бы его дверцу, колошматя по ней каменным топором, вместо того чтобы набрать код. Да они такие же дикари, только вместо каменных топоров, рубил, скребков, что там еще, — плазменная горелка. Дикари, не знающие, каким другим способом открыть дверь. А возможно, решение здесь простейшее, ведь и дикарь смог бы своими грубыми, неуклюжими пальцами повернуть наборный диск, если кто-то ему подсказал бы. Но кто подскажет сейчас дикарю из Калифорнии Джону Саймону, парижским дикарям Жану Марке и Мишелю Салопу, еще десятку дикарей из других мест, в том числе и собственных соотечественников самого главного дикаря, вождя остальных, академика Константина Михайловича Донкина?

Председатель экстренной международной научной Комиссии оценивающе взглянул на сухопарого, длинно-го как жердь и немного развязного американца, своего давнего друга. Хорош же он был бы в набедренной повязке, с каменным топором! Французы тоже были бы ничего себе в таких одеждах: маленький, круглый, совершенно лысый дикарь-астрофизик в золотых очках

Марке и, напротив, с густой черной шевелюрой, с мушкетерскими усами и бородкой знаменитый дикарь Салоп, недавно выступивший с новой умопомрачительной гипотезой о пульсарах. Ну что, дикари, беритесь за топоры, вождь приглашает всех к нашему сейфу, в котором скрывается...

Так что же в нем скрывается?

Донкин поднял руку. Этого жеста ждали: за стеклянным окном герметической камеры вспыхнул свет. Рядом с камерой, вмонтированной в стену, засветился большой телеэкран; на нем должен был пойти уникальный телерепортаж о вскрытии ярко-желтого шара, прилетевшего из неизвестности. За спиной Донкина началось движение: члены Комиссии гурьбой потянулись к экрану, и, пожалуй, это и впрямь напоминало толпу первобытных охотников, вышедших за добычей. Вдобавок профессор Рене ван дер Киркхоф — Донкин узнал его по голосу — на ходу пробормотал про себя какие-то заунывные голландские слова, прозвучавшие точь-в-точь, как заклинание шамана перед началом охоты. Но теперь — все ненужные мысли прочь, теперь нужны спокойствие, сосредоточенность, уверенность. Надо будет только потом поинтересоваться у остальных: не было ли у них такого же ощущения досады, бессилия...

Человек белом халате, сидящий у окна-иллюминатора, положил пальцы на ручки пульта управления и взглянул на Донкина.

— Начали, начали! — быстро сказал председатель международной научной Комиссии по-английски — рабочим языком Комиссии был принят английский, — и на телеэкране тотчас появилось крупное, больше натурального, изображение Посылки, лежащей на дне камеры.

Подчиняясь человеку за пультом, к ярко-желтому шару медленно двинулись две механические руки. Все ближе, ближе... Стоп! Железные руки, действуя с вели-

чайшей осторожностью, с двух сторон обхватили шар и медленно стали поднимать его вверх.

Человек за пультом надел темные защитные очки.

Ярко-желтый шар теперь был точно в центре камеры. В левом углу телеэкрана появились цифры: температура внутри камеры, температура поверхности шара... Поверхность шара была на десять с лишним градусов ниже температуры воздуха. Все присутствующие уже знали эту удивительную особенность: материал, из которого был изготовлен шар, имел постоянную, строго определенную, до тысячных долей градуса, температуру, которая никогда не менялась.

— Начали, начали, Миша! — нетерпеливо повторил Донкин.

Третья механическая рука подняла вверх плазменную горелку. Секундная пауза, и из сопла горелки вырвалась огненная струя. На цветном экране было хорошо видно, как меняется ее цвет — от красного к оранжевому, от желтого к белому. Цифры в углу экрана, отмечающие тысячные и сотые доли градуса — температура внутри камеры — начали меняться, сначала неспешно, потом все быстрее и быстрее. Пламя горелки стало узким и похожим на короткий и острый клинок кинжала. Человек за пультом — спина его словно окаменела — медленно придвигал механическую руку-манипулятор, словно бы и в самом деле сжимающую рукоятку этого разящего клинка, к ярко-желтому шару.

— Русский клинок против галактической брони! За кем победа? — Джон Саймон попытался разрядить напряжение, потому что густая, вязкая тишина, царившая в лаборатории уже несколько минут, в этот момент достигла совершенно уже немыслимого, невозможного предела.

— Предлагаю пари, — добавил американец, — первым не выдержит клинок. Ставлю два против одного.

— Джон, Джон, — укоризненно пробормотал голландец.

Острые пламени коснулось наконец поверхности шара. На некоторое время клинок застыл неподвижно, затем, как показалось, он немного вошел в глубину, но впечатление было обманчивым, потому что острое его просто-напросто рассыпалось тысячью мельчайших огненных брызг.

В правом углу телеэкрана появились другие цифры — ряд нулей.

— Глубина проникновения — ноль целых, ноль десятых, ноль сотых и ноль тысячных миллиметра, — вслух прочитал Донкин, хотя о значении этих цифр знали все.

Медленно, почти незаметно для глаза, плазменная горелка стала перемещаться. По намеченному плану огненное острие должно было описать круг точно по диаметру шара. Затем, если это не приведет ни к какому результату, пламя проверит каждый квадратный миллиметр поверхности... если есть только хоть один уязвимый миллиметр.

— Глубина проникновения — ноль целых, ноль десятых, ноль сотых, ноль тысячных, — снова вслух прочитал председатель экстренной международной научной Комиссии. — Увеличим температуру пламени.

Горелка отошла в сторону, и теперь заговорили все разом, как будто только этого момента и ждали. Лаборатория наполнилась нестройным гулом, обрывками фраз:

— ...Если температура шара постоянна...

— ...В любом материале есть уязвимые точки, линии, их надо только нащупать...

— ...Думаю, даже максимальная температура пламени...

— ...Все-таки, ставлю два против одного...

— ...Джон, вы бываете просто несносны, и это именно сейчас, сегодня...

Пламя горелки теперь стало ослепительно белым.

Молодой человек за пультом оглянулся на академика Донкина.

— Тогда три против одного, — громко сказал американец. — Причем учтите: я не меньше кого-либо хочу узнать, что там у него внутри.

— Зачем же тогда спорить? — поинтересовался Морис Клеман, бельгиец.

— Черт побери! — огрызнулся американец. — Да просто для того, чтобы отвлечь вас от мысли, что мы так и не сумеем вскрыть этот, как по-русски говорят, шарик-орешек!

— Джон, вы хороший, надежный товарищ! — с чувством произнес Мишель Салоп.

Теперь, когда пламя горелки вновь приблизилось к шару, тишина в лаборатории уже не была столь густой и напряженной — неутомному американцу удалось все-таки разрядить нервное напряжение. Когда узкий огненный кинжал снова, как это могло показаться, вошел в глубь шара, Мишель Салоп даже сострил: если внутри экипаж пришельцев-малюток, гарнизону сейчас самое время выбрасывать белый флаг! Держались они, конечно, молодцами, но...

— Но глубина проникновения — ноль целых, ноль десятых, ноль сотых, ноль тысячных, — сказал Донкин.

Горелка еще ближе подошла к шару и на несколько минут застыла в неподвижности. Пламя по-прежнему разбивалось о поверхность шара, не оставляя на ней даже микроскопической царапины. Тогда горелка снова стала медленно перемещаться, словно нащупывая, где же все-таки у этого шара уязвимое место.

Похоже, что не было!

Проходили минуты, десятки минут, желтый шар поворачивался в разные стороны, пламя не пропускало ни одного участка его поверхности; и теперь в лаборатории снова воцарилась гнетущая, напряженная тишина. Донкин вдруг почувствовал, что у него смертельно, невозможно устали ноги, — наверное, никогда в жизни,

так казалось в этот момент, — не испытывал он такой усталости. Горелка теперь работала на последнем пределе мощности, но температура шара не поднялась даже на тысячную долю градуса. И ни один из квадратных миллиметров поверхности не уступил огненному ножу.

— Три против одного, — в гробовой тишине пробурчал американец.

— Ладно, — сказал Донкин. — Сделаем короткую остановку, если члены Комиссии не против, и сменим положение исследуемого объекта.

Механическая рука с горелкой отодвинулась, пламя погасло. Теперь, через несколько минут, предстояло сделать еще одну попытку и, вероятно, последнюю. Сейчас руки-манипуляторы опустят шар на дно камеры и сменят свое местоположение. Тогда пламя горелки пройдет по тем участкам поверхности, которые до этого были закрыты железными «пальцами», и, может быть, именно там и отыщется ахиллесова пята ярко-желтого шара... но скорее всего ее не существует.

Шар, находящийся до этого в полной неподвижности, дрогнул и стал опускаться вниз. Механические руки бережно опустили его на дно и разжались, отойдя немного в стороны. Одна из рук поднялась повыше, другая опустилась. Потом руки снова сжали шар, повернули на девяносто градусов вокруг оси и опять разжались. Одна из рук сместилась вправо, другая влево; и они вновь потянулись к шару, чтобы теперь захватить его окончательно и поднять вверх, к горелке...

За всем тем, что произошло в следующий момент, никто не успел уследить: все произошло мгновенно, в сотую долю секунды. На дне камеры только что лежал шар, и тут же вместо него появились две половинки шара. Позже, когда видеозапись повторяли с большим замедлением, можно было увидеть, как шар некоторое время чуть покачивался на дне камеры, потом замер, а затем на его поверхности, строго по «экватору», появи-

лась ярко-красная нить. Тут же верхняя половина поднялась в воздух, в воздухе отошла в сторону, перевернулась и мягко легла рядом с нижним полушарием. Верхняя половина была пуста, а нижняя заполнена желтого цвета деталями самых причудливых форм, в которых на первый взгляд не было никакого порядка. Детали были кубовидными и цилиндрическими, коническими и торообразными, детали были объемными и плоскими; и, однако, во всем этом нелепом желтом нагромождении угадывался все-таки некий центр, что-то самое главное, потому что одна из деталей — узкая длинная пластинка — имела другой цвет, была ослепительно красной.

Но все подробности этого внезапного превращения были увидены уже позже, позже появилась и все объясняющая версия — верная ли только? — для того, чтобы открыть шар, необходимо было просто придать ему строго определенное положение, что и сделали случайно руки-манипуляторы; а в первое мгновение члены Комиссии, ученые со знаменитыми именами, молча застыли, оцепенело глядя на телеэкран. Стыдно признать, но у Мориса Клемана действительно даже был раскрыт рот, потому что никто не ожидал, что ЭТО произойдет так просто.

Желтая мешанина непонятных деталей и ярко-красная пластинка среди них...

Сразу приковывающая к себе взгляд ярко-красная пластинка.

Джон Саймон пришел в себя первым и кинулся к окну иллюминатора, словно бы усомнился в исправности телеаппаратуры, но аппаратура была в порядке: на дне камеры действительно лежали две половинки раскрывшегося шара, и точно так же, как на телеэкране первой бросалась в глаза узкая ослепительного красного цвета пластинка сантиметров в десять длиной...

21 августа. 9 часов 03 минуты — 12 часов 30 минут

Так вот, летел себе спокойно — или стоял на месте,

все относительно — эдакий космический буй внеземного происхождения, посылал куда надо и кому надо какие-то сигналы, скорее всего навигационные, но потом случилась какая-то неисправность, авария: и вот космический буй упал на Землю. Теперь же большая группа людей не спит ночами и сбилась с ног, потому что пытается найти то, чего нет и для чего буй попросту не предназначен: записанные неведомым способом и образом драгоценные для человечества научно-технические сведения, до которых самим землянам еще вот как далеко, или хотя бы записанную информацию о существах, изготовивших этот ярко-желтый шарик, случайно найденный четырьмя землянами близ деревушки, которая знаменита теперь не меньше, чем города Париж, Токио и Рио-де-Жанейро. А за тщетной работой этой вымотавшейся группы людей следит затаив дыхание весь мир, репортеры пишут черт знает что, изо всех сил напрягая свою тусклую, скупую фантазию, потому что члены Комиссии дают интервью весьма неохотно. Но это понятно: кому захочется много распространяться о косности своего ума и о том, что ничего, ровным счетом ничего пока он не в силах понять.

Программа? Есть, конечно, детально разработанная программа исследований, вот сейчас пришла пора исследовать Красную Пластинку на атомном уровне... Но может быть, программа — это всего лишь ряд совершенно ненужных в данном случае действий, а на самом деле необходимо что-то совсем другое.

Донкин устало потянулся. Он сел за пульт электронного микроскопа только что, но тело уже налилось тяжестью, пальцы рук, лежащие на кнопках, были непослушны и тяжелы. Усталость накопилась за эти дни — и физическая, и душевная.

И не только от работы, от этих бесчисленных проб на намагниченность, физико-химических анализов, интроскопирования и так далее. Если в международной Комиссии полтора десятка ученых, значит, неминуемы

легковоспламеняющиеся научные споры, дискуссии, в которых сталкиваются разные мнения, концепции, разный опыт, причем нередко в пылу полемики уважаемые ученые оказываются весьма далеки от главного, от Посылки. И председателю экстренной Комиссии приходится мирить, уговаривать, улаживать, настаивать на своем.

Любопытно, кстати, когда председатель Комиссии в последний раз работал с электронным микроскопом? Донкин добросовестно попытался припомнить, и получилось, что в незапамятные времена. Теперь большую часть работы он делает за письменным столом, в кабинете, а в лабораториях, с приборами, аппаратурой, работают более молодые коллеги. Все правильно: в самое пекло боя на фронте науки идут молодые солдаты и офицеры, а старый маршал руководит сражением с возвышенного командного пункта. Но вот сейчас случай такой, когда все сражения начинает именно маршал, а уж потом уступает место в строю другим.

Время шло. Но Донкин снова, как и перед вскрытием шара, медлил, хотя чувствовал — плечами, спиной, — как нетерпеливы люди, стоящие сейчас за его креслом. Перед работой нужна психологическая установка. Он всегда так настраивался на работу: уже на рабочем месте, перед тем, как взять перо, а теперь вот за пультом микроскопа, давал волю «потoku сознания», возникали самые разные, иногда неожиданные ассоциации, а между тем, всегда это получалось, ум, воля все ближе подходили к той черте, за которой уже ничего не остается, только всецелая поглощенность работой.

Так почему, собственно, Красная Пластинка — именно так, с заглавных букв, называется она теперь во всех газетных репортажах с легкой руки какого-то журналиста — центр Посылки, почему именно в ней должна скрываться каким-то образом зашифрованная информация?

Если она есть. Если вообще что-то есть.

Все-таки все они, уважаемая Комиссия и он сам в том числе, все они действительно дикари!

Дикари двадцатого века, среагировавшие на красный цвет только потому, что он отличается от всего остального содержимого Посылки.

И быстро убедившиеся в том, что никаких следов записи на Красной Пластинке нет. Нет и признаков намагниченности, которую можно было бы преобразовать в электрические импульсы и попробовать понять, содержится ли в них какой-то смысл. Не дает пластинка никакого излучения. Внутри ее ничего не скрыто, материал однороден. Нет, наконец, на пластинке и простейшей информации — каких-нибудь знаков, рисунков.

А если не красный цвет?

Но то же самое можно сказать и о любой другой детали Посылки: каждую исследовали точно таким же образом, как и Красную Пластинку. Нет никакого видимого смысла и в самом расположении этих деталей. Такой вариант тоже рассматривался, но электронный мозг, проанализировав этот невероятный желтый хаос, учтя форму этих разнообразных деталей, их размеры, не усмотрел и тени намека на какие-то скрытые закономерности.

Нечего говорить и о том, что о назначении этих желтых деталей пока даже догадываться не приходится, неизвестно даже, с какой стороны, с помощью каких средств пробовать ответить на этот вопрос.

В глазах Донкина вдруг мелькнул веселый огонек.

Ведь не ожидали же они, в самом деле, что в Посылке окажется стандартная магнитофонная кассета, которую можно вставить хоть в «Весну» или «Электронику», хоть в «Сони» или «Хитачи». И что голос на русском или английском языке произнесет примерно следующее:

— Здравствуйте, дорогие братья по разуму! Вы от нас немного отстали, но мыслить можете, а это уже хорошо. Так что мы вас сейчас быстренько малость под-

тянем, потому что это наш долг. Значит, так: во-первых, ядерная и термоядерная энергетика, чем вы так увлекаетесь, это полный бред, слушайте внимательно, что надо делать на самом деле... Поняли? Записали? А теперь о межзвездных перелетах — ничего нет проще, знаете ли... Поняли, что надо? Да, чуть было не забыли, вы уж извините, работы много... Вам ведь еще небезынтересно узнать, как становятся бессмертными. Для этого вот что надо сделать... Поняли? Записали? Желаем дальнейших успехов! А мы, извините, отправимся дальше, работы у нас много...

Все, теперь психологическая установка проведена, даже усталость куда-то отступила, пора за работу. Он будет работать до половины первого. Потом встреча с Президентом Академии наук, а его сменит кто-нибудь из ассистентов, один из тех, что стоят сейчас за спиной. И работа будет идти круглосуточно. И опять они все-таки начали с нее, с Красной Пластинки.

Донкин нажал клавиши пульта. Микроскоп был, конечно, самым совершенным, новейшим и потому уникальным: пока два-три экземпляра такой модели на всю страну, хотя любой из институтов многое отдал бы за такое чудо.

На экране вспыхнуло изображение. Пятна, точки, какие-то полоски. Атомная структура невероятно малого кусочка неизвестно где и неизвестно зачем изготовленной Красной Пластинки, упавшей на Землю в ярко-желтом шаре. И ничего особенного не было в этом изображении, обычный, увеличенный до тех размеров, чтобы можно было увидеть глазом, атомный мир.

21 августа. 13 часов 00 минут — 13 часов 10 минут

— Ничего нового, Константин Михайлович?

Председатель экстренной международной научной Комиссии молча положил на стол Президента Академии наук пачку цветных фотографий.

— Первые снимки атомной структуры? Любопытно!

— Пока ничего любопытного, — ответил Донкин.

Президент разложил из фотографий небольшой пасьянс.

— Хаос... а мы надеялись, что в атомной структуре проявятся, может быть, какие-то осмысленные закономерности, так сказать, зашифровка, — проговорил он после некоторого молчания. — Впрочем, на глаз судить почти невозможно, но, судя по вашим словам...

— Конечно, — сказал Донкин, — электронный мозг уже поработал со снимками. Закономерностей никаких, структура беспорядочна.

Президент встал и прошелся по кабинету из угла в угол.

— Насколько я знаю... мы с вами, Константин Михайлович, встречаемся каждый день... насколько я знаю, все пока идет по намеченной программе.

— Да, — ответил Донкин. — Но мы с вами знаем также, что пока ни один из пунктов не принес результатов.

21 августа. 21 час 38 минут — 21 час 52 минуты

Изображение атомной структуры Красной Пластинки, которую разворачивал электронный микроскоп, уже несколько часов подряд не исчезало с экрана. Слева направо по нему быстро двигался хаос беспорядочных пятен, точек, полос. Но оператору — с 20 часов за пультом микроскопа работал голландец Рене ван дер Киркхоф — не было необходимости смотреть на экран: цветное фотоизображение, еще более увеличенное, чем на экране, длинной лентой проходя перед глазами оператора, наматывалось на барабан. Впрочем, и за фотолентой голландец следил уже не столь внимательно, как в начале работы. Профессор был немолод, одышлив, тучен и за полтора часа уже устал. Говоря по правде, он не имел бы ничего против, если б его как можно скорее сменили — за спиной стояло достаточно квалифицированных русских операторов, молодых людей с хорошей реакцией и крепкими нервами. Но он сам изъявил желание сесть за пульт, отработать смену, и, значит, надо

было... как это по русской поговорке?.. Назвался груздем... да-да, назвался груздем, сиди за пультом электронного микроскопа...

И именно один из этих молодых людей за спиной профессора заметил то, что ускользнуло было от его собственного внимания.

На цветной фотокопии изображения вдруг трижды промелькнул, как сигнал, один и тот же узор.

Хаос прекратился, теперь атомы Красной Пластинки, похоже, выстраивались в каком-то пока еще неясном, неопределенном, но порядке.

Рене ван дер Киркхоф откинулся в кресле. Джон Саймон прерывисто кашлянул. Мишель Салоп негромко сказал себе под нос что-то неразборчивое — по-французски.

22 августа. 5 часов 17 минут — 6 часов 21 минута

Асфальт под колесами был темным, его уже умыли поливальные машины, первыми начинающие день в жарком летнем городе. Теперь, закончив работу, вереницы машин стояли у обочин, водители на тротуарах, собравшись группками, беседовали о чем-то своем; и Кирилл, проносясь по пустынным еще улицам, вдруг подумал, что и у них, пожалуй, основные темы бесед, как и везде — Посылка, Красная Пластинка, бессильны или нет ученые, чего вообще стоит земная наука, и, если ученые разгадают все-таки загадку, как люди будут жить дальше, что изменится на Земле?

Кирилл быстро взглянул на Таню, сидевшую рядом; наверное, ей тоже сейчас в голову пришла та же мысль.

Константин Михайлович Донкин позвонил в пять утра. Кирилл собрался ровно за три минуты. Тане потребовалось на сборы десять минут, случай, надо признаться, исключительный; и сейчас «Жигули» мчались сквозь туманную утреннюю Москву, и стрелка спидометра то и дело заходила за положенные шестьдесят.

Он вдруг снова все очень отчетливо вспомнил: ржаное поле, отлого спускающееся к полосе кустарника, тихую речку с красивым именем Мста, огромный луг на том берегу и высоко поднятый березовый островок. Прекрасным было то утро, может быть, одним из лучших в жизни.

А потом — желтая полоса, стремительно и беззвучно перечертившая небо, ровный круг выжженной травы, неглубокая лунка и ярко-желтый шар на дне ее.

Посылка!

Странно, первой пришедшей тогда мыслью была такая — это же как в плохой фантастике...

Кирилл свернул направо и оказался на длинном и широком проспекте, совершенно пустом в эти минуты, и «Жигули» понеслись с совершенно уж преступной скоростью, даже Таня испуганно съежилась на своем месте. И, вероятно, именно эта сумасшедшая скорость заставила Кирилла вспомнить еще и то, как тогда, после того, как упала с неба Посылка, гнал он машину в ближайший город, чтобы позвонить по междугородному автомату академику Донкину, — кому же еще? — как долго не мог найти нескольких пятнадцатикопеечных монет, и как бессвязно пытался объяснить в жаркой духоте кабины, что произошло.

Константин Михайлович тогда был, напротив, невозмутим — он как будто ждал, что именно в этот момент Кирилл позвонит и скажет, что упал неизвестный космический аппарат.

Константин Михайлович сегодня утром тоже был, как всегда, невозмутим. Первым делом он извинился за столь ранний звонок. Потом коротко, в подробности не вдаваясь, пригласил Кирилла и Таню немедленно приехать в Институт, где все эти дни шла работа с Посылкой. Еще раз извинился и повесил трубку.

И такой разговор мог означать только одно...

Кирилл резко затормозил, еще раз свернул направо, промчался по короткой улице, обсаженной липами-под-

ростками, и затормозил у подъезда кубовидного стеклянно-бетонного здания. Здесь уже стояли несколько машин и в том числе — Кирилл узнал номер — машина Президента Академии наук.

На широких ступенях подъезда приплясывал от нетерпения знакомый журналист из «Комсомольской правды». Одно из двух: он оказался здесь в этот невероятный час или потому, что был наделен каким-то сверхъестественным чутьем, или же просто никогда отсюда не уходил. Журналист, уповая на довольно близкое знакомство, сделал, конечно, умоляющие глаза, но створки стеклянной двери, пропустив Кирилла и Таню, тут же снова захлопнулись.

От незнакомого плотного человека, стоящего за дверями, Кирилл получил необходимые указания: надо было подняться на второй этаж, войти в комнату прямо против лестничной площадки. Танины каблучки гулко и быстро застучали по ступенькам. Кирилл — следом — поднимался большими прыжками. Пролет, еще один. Дверь...

В небольшом зале был полумрак; впереди белел экран, перед которым собрались несколько десятков человек. Казалось, говорили все разом, и причем каждый только сам с собой, слов не было слышно в сплошном гуле. Это похоже на премьеру кинофильма, вдруг подумал Кирилл. Кинофильма, о съемках которого много говорили и которого с нетерпением ждут. И тут же он воочию представил то, что сегодня произойдет уже через несколько, может быть, часов: во всех странах прервутся обычные радио- и телепередачи, с печатных машин пойдут дополнительные тиражи газет, и люди во всем мире, ожидая, затаят дыхание...

Ожидая? Что ожидая?

Готовых рецептов, где хранить радиоактивные отходы? Как прокормить население планеты? Как летать быстрее света? Как сохранять в чистоте атмосферу, почву, воду? Готовых ответов на все вопросы, которые че-

ловечество не смогло разрешить самостоятельно... пока не смогло или вообще никогда не смогло бы?

И вот сейчас, еще немного... они будут одними из первых, они раньше всех узнают то, ради чего пересек невероятные дали космоса этот ярко-желтый шар неизвестных хозяев, живущих неизвестно где.

Все, что происходило дальше, позже Кирилл вспоминал так, как будто он сам был участником какого-то невероятного кинофильма с запутанным, непонятным, не имеющим никакого объяснения сюжетом. Действующими лицами этого фильма были три десятка человек в зале и белый экран. Действующим лицом был председатель экстренной международной научной Комиссии академик Донкин, который невозмутимо и кратко объявил, что принцип зашифровки информации понят, что электронный мозг трансформирует запись в изобразительный и звуковой ряд, и что начало ИХ передачи уже можно смотреть и слушать. Действующим лицом было недоумение, когда академик — столь же невозмутимо — предупредил: первые кадры ИХ передачи оказались совершенно неожиданными, их никак нельзя было предвидеть... Действующим лицом была звенящая, напряженная тишина в зале, когда на экране появились яркие, сочные краски изображения.

Кусочек густо-синего неба с неправдоподобно большими пятнами звезд. Таких звезд не бывает...

Силуэты причудливых зданий с узкими щелями светящихся окон.

Булыжная мостовая и справа — желтый навес, под которым на небольшом возвышении стоят круглые столы. Да нет, не круглые, форма их неровна, изломана...

Несколько фигур — под навесом и на мостовой. Фигур человеческих, земных и вместе с тем наделенных теми чертами, каких никогда не увидишь в окружающих тебя людях.

Причудлива, сложена из крупных мазков картина, действительность видоизменена; но так ее увидел

однажды большой художник, и вечер этот под синим неземным небом, под звездами-пятнами, остался на холсте навсегда.

— Но ведь это... — неуверенно начал кто-то в зале.

— Ван Гог! — очень громко, как будто он сделал неожиданное и важное открытие, сказал Мишель Салоп.

В полумраке зала люди задвигались и зашумели. С экрана не сходило изображение знаменитой картины Винсента Ван Гога, когда-то написанной во французском городе Арле. Потом свет померк, и тут же появилось изображение другой картины.

Стол с письмом, книгой, подсвечником, трубкой и тарелкой с луком.

С третьей картиной — за зеленым столом с двумя желтыми книгами, подперев щеку рукой, сидела женщина с усталым, скорбным и добрым лицом — в зале зазвучала музыка.

Нежная музыка, казавшаяся невесомой, прозрачной, воздушной...

— Моцарт, — недоуменно сказал кто-то в темноте.

— А картины Ван Гога из музея в Оттерло, — неожиданно резко сказал Рене ван дер Киркхоф. — Что мы смотрим?

Новая картина: крупные, даже кажущиеся грубыми мазки, из которых складывается странное небо, дерево, разделившее небо на две половины, — похоже, что в каждой свое собственное солнце, дорога, две фигуры на переднем плане и повозка-одноколка вдали.

— Оттерло, — недоуменно повторил голландец, и изображение сменилось.

Лампа под потолком едва освещает каморку, в которой сидят за столом пять человек; женщина слева застыла, чуть наклонив над чашкой чайник... Потом на экране появилась пожилая женщина с метлой, в деревянных башмаках, отбрасывающая черную тень на желто-зеленую стену... Нежная, трепещущая мелодия не

обрывалась; казалось, что она растворяет стены темного зала, открывает глазам и сердцу что-то такое, чего не видишь повседневно, обычно...

Еще одна картина. Коричневые тона — здание и над ним крылья мельницы.

— Мулен де ля Галетт, — растерянно прокомментировал Салоп. — Монмартр...

— Что это? И... почему? — резко спросил кто-то невидимый в темноте, и в этот же момент изображение погасло, и музыка оборвалась.

Еще несколько минут все как зачарованные продолжали смотреть на пустой экран. Потом в зале зажегся свет, и в первом ряду поднялся Председатель экстренной международной научной Комиссии.

— К сожалению, пока можно было посмотреть только вот это. ЭВМ продолжает трансформировать информацию в звуковой и изобразительный ряд, все это мы будем смотреть кусками.

В зале теперь снова была напряженная, наэлектризованная тишина. Академик Донкин помолчал, оглядывая собравшихся в зале — три десятка человек, первыми узнавших, что принес из космоса ярко-желтый шар. Кашлянул, чуть отпустил узел галстука, безукоризненного, как всегда.

— Думаю, нет необходимости говорить о том, что я поражен не меньше любого из вас, — произнес академик с каким-то видимым усилием. — Объяснений тому, что происходит, у меня нет.

Он помолчал.

— Но могу объяснить... не все из собравшихся это знают, только члены Комиссии и те, что непосредственно работают с ЭВМ... могу объяснить найденный наконец принцип зашифровки информации и ход расшифровки.

Он еще немного отпустил узел галстука, потом машинально вдруг сделал такое движение, словно собирался сорвать его с шеи, но рука тут же отдернулась.

И тогда Кирилл понял, какая безмерная усталость, должно быть, давит сейчас на плечи этого человека, которого он всегда знал одним и тем же — ровным, спокойным, готовым работать, если надо, в любое время суток и вроде бы просто не умеющим устать.

22 августа. 14 часов 00 минут — 16 часов 21 минута

Итак... Информация, принесенная из Вселенной и расшифрованная электронным мозгом, содержит изображение картин Ван Гога и запись музыки Моцарта... Но как это могло случиться? Почему? Может быть, ошибся непогрешимый электронный мозг? Но только почему его ошибка привела именно к такому невозможному, невероятному результату?..

В погруженном во мрак зале снова была напряженная, звенящая тишина. Около семи часов три десятка людей, первыми на Земле узнавших содержание Посылки, провели в нервном, нетерпеливом ожидании. Неожиданность оказалась непомерной, ошеломляющей. И вот сейчас... Что дальше?

Тишину разорвал аккорд, особенно резко прозвучавший в темноте. Аккорд был похож на удар: мощный многоголосый звук струнной группы, на фоне которого, как бы в тени, прозвучали голоса нескольких духовых инструментов.

Короткая пауза, слушателям как бы давалась возможность прийти в себя после неожиданного первого удара. Затем один за другим зазвучали другие аккорды, казалось бы, поначалу нестройные, даже какие-то неустойчивые, но словно бы окружающие исподволь проявляющуюся первую отчетливую музыкальную фразу. Ведущая тема крепла, обретала силу, стремилась к определенности, законченности.

Несколько минут спустя эта законченная музыкальная тема мощно повторилась; казалось, теперь в ней принимали участие все инструменты невидимого оркестра, звуки заполнили зал, отражаясь от стен, потолка,

они были настолько густыми, плотными, что их хотелось потрогать в темноте руками, положить на ладони...

В ведущую тему вступила еще одна мелодия, словно бы соперничающая с первой, но соперничество было неравным, вторая тема проявлялась лишь в коротких выступлениях гобоя и флейты, и противостоял им весь мощный оркестр...

И вспыхнул свет на экране.

Узкая извилистая дорога с двумя колеями уходила в глубь леса. Деревья справа и слева уже пожелтели, ветер нагнул самое высокое дерево вправо; облака постепенно наливались синевой, сулящей холодный осенний дождь, но двое путников в старинных голландских одеждах не спешили и о чем-то спокойно беседовали с пожилой женщиной, выглядывающей из калитки уютного дома под деревьями. Уютом, покоем веяло от картины, и была вместе с тем в ней какая-то сила — та самая, какую всегда чувствует человек в природе, в земле, в воде, в деревьях, в облаках — неистребимая сила вечной и нескгибаемой жизни.

Мощно ударили все инструменты невидимого оркестра, ведущая тема снова густо заполнила зал, и в ней — рядом с картиной на экране особенно отчетливо — тоже звучала та же великая сила праздника жизни, перед которой отступает все, что только встает на ее пути — горе, несчастье, даже сама смерть.

Изображение на экране померкло на мгновение, лишь для того, чтобы уступить место другому.

У молодой женщины, жившей три с лишним века назад, лицо было лукавым и грустным. В картине было много темных тонов — драпировка стола, платье, брошенное на спинку кресла, пол комнаты. Старинное окно в частом переплете пропускало мало света, и от этого комната напоминала большую клетку; но в руках грустно-лукавая женщина держала лютню, бывшую ее верной подругой, и, должно быть, мелодии, звучащие в ком-

нате-клетке, помогали женщине жить, надеяться, мечтать, верить...

И, должно быть, они помогли ей, помимо отпущенного срока, прожить и еще сотни лет — на этом холсте, который голландский художник когда-то, закончив работу, положив последний мазок, снял с подрамника, не зная, какой удивительный путь — по разным людям, разным собраниям — начинает сквозь время его картина.

Ведущая тема, теперь в медно звучащих фанфарах, стала торжественной и ликующей. Неумная, вечная жизнь снова победила, как побеждала всегда, потому что не может быть иначе...

Пауза. Затем — снова музыка. На этот раз неторопливая, полная спокойной грации. Легкую скрипичную мелодию сопровождают чередующиеся изящные аккорды духовой и струнной групп, тихое постукивание литавр. И — новая картина: прямо на зрителя смотрит мужчина в черном; взгляд его тверд и прям, он — военный, в правой руке — древко знамени. Потом — четвертая картина, пятая, десятая.... двадцатая.

Снова зазвучала та же музыкальная тема, что какое-то время назад окончилась в ликующих звуках фанфар. Композитор, когда-то сочинивший эту великую музыку, подходил к финалу. И вот он, финал! Последние мощные аккорды невидимого оркестра, и невидимый дирижер где-то в последний раз взмахнул палочкой, оборвав этот ликующий, звенящий поток звуков.

Тишина.

Но на экране продолжали сменяться картины: портреты мужчин и женщин, сельские виды, пейзажи. И снова зазвучала музыка, на этот раз грустная, напевная.

И оборвалась так же внезапно, как началась, погасло изображение на экране, все кончилось.

Несколько минут в зале была полная абсолютная тишина. Никто не двигался, никто не проронил ни слова.

— Знаете, что это было? — спросил потом кто-то,

невидимый в темноте, и сам же ответил: — Бетховен, первая симфония...

— А знаете, что мы смотрели? — в тон ему отозвался характерный резкий баритон Рене ван дер Киркхофа. — Все картины из нью-йоркского «Метрополитена». Голландская школа...

— Я ничего не могу понять, — сказал кто-то третий. — Ничего не могу понять!

22 августа. 18 часов 00 минут — 23 часа 17 минут

Вагнер... Тициан... Тулуз-Лотрек... Григ... Рафаэль...

23 августа. 10 часов 00 минут — 14 часов 41 минута

Чайковский... Рубенс... Ренуар... Тернер... Леонардо да Винчи... Сен-Санс... Рембрандт...

24 августа. 10 часов 00 минут — 15 часов 02 минуты

Шуберт... Веронезе... Ван Дейк... Халс... Гойя, Мане... Беллини... Веласкес... Гоген... Сезанн... Брамс...

27 августа. 11 часов 31 минута — 11 часов 36 минут

В 11 часов 31 минуту померкли краски на экране и умолкла музыка. Но вместо очередной картины — тысячи их прошли за последние дни в этом зале перед глазами трех десятков людей — на экране показался странный черно-белый орнамент. Он трижды исчезал и вновь появлялся, как какой-то сигнал, как позывные. В звенящей тишине зала люди затаили дыхание, ожидая, что вот сейчас, наконец-то, на экране появится то, что все объяснит, что существа, приславшие на Землю этот удивительный фильм, состоящий из картин великих художников Земли и великих мелодий, написанных композиторами Земли, теперь сообщат землянам все остальное... что?

Долговязый американец Джон Саймон поднялся во весь рост. Жан Марке до боли в пальцах сжал подлокотники кресла. Рене ван дер Киркхоф на мгновение почему-то закрыл глаза.

Но теперь экран был пуст. В тишине зала раздался скрежещущий металлом голос, которым наделили

электронный мозг — для прямой связи с операторами — его создатели:

— Никакой другой информации нет.

Вспыхнул свет. Люди ошеломленно смотрели друг на друга. Каждый все эти дни надеялся, что рано или поздно невероятное, невозможное получит какое-то объяснение, что объяснение обязательно есть в информации, посланной ИМИ в ярко-желтом шаре, упавшем на Землю.

— Никакой другой информации нет, — вновь проскрежетал голос, словно бы не поверивший, что его поняли с первого раза.

В прежней гробовой тишине люди стали подниматься с мест, как поднимаются обыкновенные зрители, когда фильм закончился. Красная Пластинка была пройдена до конца. Никакой другой информации не было. На Землю упали из Вселенной изображения картин великих художников Земли и звуки музыкальных шедевров, созданных на Земле, и ничего больше. Загадку нельзя было разрешить, оставалось только признать свое поражение и вернуться к прежним делам. Красная Пластинка была пройдена до конца, при желании можно было б вновь посмотреть и послушать эту невероятную запись, присланную на землю в Посылке.

И, поднимаясь со своего места и поддерживая Таню за локоть, Кирилл, человек, нашедший посылку, вдруг растерянно подумал: он не знает, что потрясло его больше — невероятность, невозможность, необъяснимость всего того, что случилось, или же это многочасовое, непрерывное, ни с чем не сравнимое общение с тем лучшим, что создал на Земле человек. Наверное, подумал он, сейчас у каждого было то же самое чувство.

Фрагмент из стенограммы пресс-конференции Председателя экстренной международной научной Комиссии академика К. М. Донкина:

...Вопрос корреспондента канадской газеты «Глоб энд мейл»:

— Господин Председатель, сейчас, когда история с Посылкой все больше уходит в прошлое и все меньше остается надежд, что ошеломляющая загадка будет все-таки разгадана, может быть, вы выскажете личное отношение к тому, что случилось?

Ответ:

— А что, собственно, случилось? На долгом, тернистом пути познания человечество столкнулось еще с одной, очередной загадкой, объяснить которую пока не просто. Позволю себе напомнить, что в истории науки было множество ошеломляющих загадок, и каждая в конце концов получала разумное объяснение.

Вопрос «Глоб энд мейл»:

— Но согласитесь, не просто объяснить такой факт: на Землю падает космический зонд внеземного, бесспорно, происхождения, а информация, найденная в нем, относится к нашим, земным художникам и композиторам. Из космоса человечество получило сведения о себе самом же...

Ответ:

— Действительно непросто объяснить такой факт, и, видимо, объяснение, которое всех удовлетворит, окажется бесспорным, абсолютным, будет дано не скоро. Но, согласитесь, немалая заслуга земной науки уже хотя бы в том, что мы смогли узнать об этой загадке. Представьте, что этот желтый шар из космоса был бы найден, скажем, в девятнадцатом веке? В начале двадцатого? Тридцать лет назад? Мы в своей работе шли ощупью, пробуя то одно, то другое средство, а ученые прошлого не смогли бы даже этого: не было должного научно-технического оснащения. Загадка, стоящая перед ними, оказалась бы, таким образом, куда более серьезной, чем наша. Не навязывая никому своего мнения, повторю: мы были гораздо в более выгодном положении,

чем были бы наши коллеги-предшественники, и, может быть, загадка для нас не так уж и неразрешима.

Вопрос корреспондента французской газеты «Фигаро»:

— Господин Председатель, последние слова заставляют заподозрить, что у вас есть какая-то гипотеза, все объясняющая. Так ли это?

Ответ:

— Есть. Но прежде я хотел бы ответить на многочисленные письменные вопросы, связанные с дешифровкой. Газеты уже писали о том, каким образом наши неизвестные отправители зашифровали содержимое Посылки, и о том, как найден был принцип расшифровки. Но поскольку во многих записках, присланных мне, содержится одна и та же просьба рассказать об этом подробнее, выполняю просьбу. Итак... Всем известно, что программа исследований предусматривала изучение Красной Пластинки на атомном уровне — в том случае, если не будет обнаружено каких-либо других признаков записанной информации. Такие признаки действительно не были обнаружены, и, если не ошибаюсь, этот печальный факт даже дал возможность кое-кому из вашего уважаемого журналистского цеха усомниться, так сказать, в дееспособности нашей Комиссии...

Реплика корреспондента американской газеты «Лос-Анджелес таймс»:

— К вам лично, господин Председатель, это не относится. В вас мы верили!

К. М. Донкин:

— Благодарю, но у меня бывали моменты, когда я сам в себя не верил... Давайте, однако, вернемся к делу. Итак, каким образом в настоящее время человек записывает информацию? Думаю, присутствующие в зале радиорепортеры и телеоператоры хорошо это знают. Звук или изображение преобразуется с помощью специальных устройств в электромагнитные колебания, а электромагнитные колебания записываются на магнит-

ной ленте. При воспроизведении происходит обратный процесс. Между звуком и изображением есть лишь та разница, что для записи и воспроизведения изображения необходима, по сравнению с записью и воспроизведением звука, несравненно большая скорость. Красная Пластинка не имела и следов намагниченности. Все это заставляло предположить, что информация, если только она была, записывалась как-то иначе. Но как? Теперь давайте вспомним размеры Красной Пластинки — ясно, что и «размеры» записи должны были быть очень невелики. Теоретически можно записать информацию, если расположить атомы какого-то предмета в строго определенном порядке — чтобы потом можно было «развернуть» это расположение, как разворачивает электрические сигналы телевизор, преобразуя их в изображение на экране, состоящее из стольких-то строк по вертикали, из стольких-то по горизонтали. Правда, человек пока еще не умеет произвольно располагать атомы создаваемых им новых веществ. А вот существа, приславшие нам Посылку, как оказалось, умеют это делать. С помощью электронного микроскопа мы усмотрели, после некоторого первоначального хаоса, определенную закономерность в расположении атомов Красной Пластинки. А дальше все было довольно просто, разумеется, если учитывать возможности современной науки. Перебрав бесчисленное число вариантов, электронный мозг нашел в конце концов то самое «число строк по вертикали и по горизонтали», которые и позволили нам посмотреть записанную информацию. Разумеется, я говорю обо всем этом в самых общих чертах, опуская многие подробности, но основной принцип именно таков.

Вопрос корреспондента шведской газеты «Арбетет»:

— Это можно понимать так — вместо магнитофона или видеомангнитофона наши неизвестные друзья создали какой-то аппарат, который перестраивает структуру веществ?

Ответ:

— Именно так! Впрочем, может быть, речь идет не о перестройке вещества. Может быть, вещество просто создается в процессе записи. Представьте, чем больше записывается информации, тем больше становятся размеры Красной Пластинки.

Вопрос корреспондента английской газеты «Таймс»:

— Можно ли сравнить преимущества, какие дает атомный способ записи информации по сравнению с нашим, магнитным?

Ответ:

— Невероятная компактность, прежде всего. В Красной Пластинке бесчисленное количество атомов, и вы знаете, сколько часов длился записанный в ней удивительный фильм о художниках и композиторах Земли.

Вопрос корреспондента итальянской газеты «Стампе»:

— Господин Председатель, мы сгораем от нетерпения... Вы сказали, что у вас есть гипотеза, объясняющая то, что произошло. Вы поделитесь с нами?

Ответ:

— Не предлагаю считать мою гипотезу аксиомой, но постараюсь обосновать свою точку зрения. Итак, вернемся к истокам событий. Четыре человека, в том числе космонавт Кирилл Храбростин, совершивший не так давно уникальный полет рядом с кометой, становятся свидетелями падения на Землю некоего предмета. Ученые быстро доказывают его внеземное происхождение, человечество взбудоражено, ожидая, что внутри предмета скрыта какая-то информация и, говоря прямо, рассчитывая на то, что эта информация кое в чем ему поможет, даст возможность разрешить те проблемы, с которыми самому ему на сегодняшний день не справиться. После некоторых усилий специально созданная группа ученых действительно убеждается в том, что информация, посланная нам из космоса, действительно есть. Но какая? Совершенно невероятная, такая, какую меньше всего можно было ожидать. Вместо ожидаемых научно-

технических откровений или хотя бы сведений о существах, приславших на Землю Посылку, человечеству показали то, что оно и без этого должно бы хорошо знать — много картин великих художников, и дали возможность лишний раз послушать великую музыку, созданную на Земле. Причем во время просмотра удивительной ленты, смонтированной в конце концов электронным мозгом из атомов-сигналов и записанной с помощью специальных устройств на пленку, меня все время не покидало ощущение того, что автор этого фильма словно бы специально ходил по музеям и концертным залам, записывая с помощью своего удивительного аппарата то, что его привлекло. Но что, если действительно так оно и было? Давайте вспомним: в самой первой части фильма были картины Ван Гога только из одного музея. Во второй была показана голландская живопись из нью-йоркского «Метрополитена», позже были картины из Прадо, Лувра, нашего Эрмитажа, парижского Музея импрессионизма, мюнхенской Новой галереи. Повторю это: здесь никак не освободиться от впечатления, что некто специально запечатлевал лучшие из картин, созданных на Земле, записывал в разных концертных залах лучшую музыку, чтобы потом поделиться всем этим с какими-то другими существами. Иными словами, у нас на Земле какое-то время работал разведчик-инопланетянин, которого больше всего интересовало земное искусство. Почему? Может быть, потому, что произведения искусства — лучшая информация о том, что собой представляет человечество, на что мы способны, что от нас ждать. А может быть, и потому, что земное искусство — явление уникальное для других цивилизаций, это тоже часть моей гипотезы, и, значит, наше искусство имеет огромную ценность. И в то самое время, когда человечество ожидает каких-то научно-технических откровений, помощи других, «старших» цивилизаций, оно само, оказывается, способно дать что-то братьям по разуму, несмотря на свой довольно низкий научно-технический

уровень, несмотря на то, что пока делает лишь первые шаги в освоении космоса. Если это действительно так, Посылка оказала человечеству куда большую услугу, чем ожидали: она заставит людей лучше присмотреться к себе самим, не так ли? Но повторяю, это всего лишь гипотеза.

Вопрос корреспондента французской газеты «Франс суар»:

— Господин Председатель, гипотеза весьма изящна и остроумна. Мне, как французу, особенно приятно предположить, что картины, созданные французскими мастерами, нужны не только землянам, но еще и кое-кому в космосе. Но как быть с таким вопросом: запись картин и музыки, сделанная инопланетным разведчиком, не была отправлена с Земли, а, наоборот, упала на Землю из космоса?..

Ответ:

— Что же, здесь вновь область гипотез. Одно допущение влечет за собой другое, не правда ли? Так почему же не предположить, что инопланетянин отправлял космический аппарат из какой-то точки Земли, но произошла неполадка, и аппарат снова вернулся на Землю, опустившись рядом с небольшой деревушкой в Калининской области Советского Союза? Есть у меня, впрочем, и еще одна гипотеза на этот счет, может быть, совсем уж фантастическая. Хотя, впрочем, чем она фантастичнее других?.. Итак, многих удивило странное совпадение: почему Посылку первым обнаружил космонавт, только что впервые вышедший в открытый космос. Но, возможно, это было совсем не случайно. Предположим, что кто-то, постоянно не выпускающий нас из вида, был совсем рядом с космическим кораблем Храбростина во время полета. И Посылка потом была адресована именно космонавту. Цель была такой: напомнить нам, что в космос мы выходим не только с достижениями техники и науки, что у нас есть громадные духовные ценности, может быть, повторяю, уникальные для многих дру-

гих цивилизаций, а значит, необходимые не только нам, но и им...

Вопрос корреспондента швейцарской газеты «Блик»:

— Господин Председатель, еще один вопрос, по-видимому, последний в этой пресс-конференции. Информация расшифрована, есть целый ряд интересных и все объясняющих гипотез. Но будет ли продолжена работа с Посылкой? Возможны ли еще какие-то открытия?

Ответ:

— Работы хватит на долгое время, надо ждать и открытий, если не сейчас, то в будущем. Каких? Возможно, нам удастся понять назначение всех других деталей Посылки — по-видимому, они обеспечивают возможность полета в космосе и, вероятно, с очень большой скоростью. Возможно, тщательное и всестороннее изучение Красной Пластинки позволит открыть принцип, позволяющий создавать вещество с произвольным расположением атомов, и мы сами сможем создать аппарат для такой сверхкомпактной записи информации. Нетрудно понять, какие это даст возможности, учитывая переживаемый информационный взрыв. Но как бы то ни было, повторю — самое главное открытие уже сделано: человечество теперь будет относиться к себе самому немножко не так, как прежде. Открыть самого себя — самая трудная задача на свете. Но и самая важная. Понять то, что ты нужен кому-то другому, — не менее важное открытие. Я не настаиваю на своей гипотезе. Но мне кажется, какой бы ни оказалась в конце концов истина, Посылка поможет сделать именно эти открытия.

...ОСТАЛСЯ ОДИН...

Слева, там, где к шоссе вплотную подходил лес, краски были уже желто-красными: надвинулась осень, хотя дни все еще были наполнены солнцем. Но воздух теперь был по-осеннему прозрачен, и звуки тоже стали

осенними — гулками и отрывистыми, и не похожими на приглушенные голоса лета.

Стрелка спидометра поднималась к высшей отметке. Впрочем, шоссе в этот час было почти пустым — лишь изредка попадались навстречу длинные коробки служебных транспортов, возвращающихся из Порта в Город, — и поэтому человек в машине успевал замечать и краски осени. Когда шоссе взлетело на пригорок и сверху открылся вид на громадную территорию Порта — Порт уходил далеко вперед и вправо, — человек резко затормозил, поставил машину у обочины и отворил дверцу.

Воздух был теплым. Плиты шоссе тоже нагрелись на солнце. Не так, как нагреваются они летом, в июле или августе, но все-таки от них и теперь поднимались невидимые волны тепла. Лето промчалось неожиданно и незаметно, пролетело в ворохе неотложных дел; но солнце хотело дать хоть еще немного тепла тем, кто не замечал его летом. Человек усмехнулся, пересек шоссе и с наслаждением ступил на траву.

На опушке, выдвинутый вперед, к шоссе, стоял огромный, почерневший от дождей и времени пень. Человек тронул рукой его теплую поверхность, нагнулся, чтобы сорвать гриб, выросший между мощными корнями, а потом сел спиной к лесу и стал смотреть на серебристые постройки Порта. У человека было еще немного свободного времени.

Там, далеко, шла своя особенная жизнь, никак не похожая на то, что было здесь, в этом тихом, спокойном, большом лесу. Там разъезжали между служебных построек какие-то машины, издали похожие на крошечных золотистых жучков, там напряженно и внимательно работали службы, там почти поминутно садились тяжелые корабли, и на плиты перрона сходили по трапам ученые, деловые люди, туристы.

Странно, подумал человек, в Порту всегда шумно, там всегда что-то грохочет, звучат металлические слова команд, а отсюда, с пригорка, все выглядит так, как на

старой, двухсотлетней давности ленте немого кино: пестрая картина, полная действия и жизни, сопровождается лишь почти неслышным шелестом листьев, травы и веток. Он снова усмехнулся: мысль была очевидной, бесспорной, но в первый момент показалась глубоким философским наблюдением.

Медленно вращаясь, в воздухе проплыл желто-красный лист. Человек подставил ему ладонь, но в последний момент лист изменил направление и улетел в сторону. И почти тотчас же на краю горизонта показалась какая-то серебристая капля, и, медленно увеличиваясь, она опустилась за дальними постройками Порты. Машинально человек взглянул на часы: французский корабль «Эспуар» пришел точно по расписанию.

«Эспуар»... Слово красивое, звучное. Перевод его он знал — надежда. Он повторил это слово вслух, слушая свой голос, и перед его глазами вдруг снова появился этот кусочек будущего, выхваченный Установкой неизвестно из какого времени — мелькающие на экране цветные пятна и полосы, голоса двух людей, обрывки разговора, имеющего прямое отношение к нему самому.

Человек встал. Под ногами зашуршали трава и опавшие листья, земля мягко пружинила. Он шел не оборачиваясь, и лес смотрел ему вслед.

Он захлопнул дверцу машины. Звук двигателя был по-осеннему резок. И быть может, именно этот звук заставил человека помедлить и еще некоторое время задумчиво, не шевелясь, затаив дыхание, смотреть влево.

Колыхались ветви деревьев, исполняя какую-то сложнейшую и сыграннейшую партию в таинственном и вечном танце. Порывы ветра оголяли ветки, и сорванные листья отправлялись в короткие полеты по самым замысловатым траекториям. Лес жил своей, ни на что не похожей и ни с чем не сравнимой жизнью; и так было и так будет всегда, какие события ни происходили бы рядом с ним или далеко от него.

Теперь человек смотрел вперед, на серебристую лен-

ту дороги. Он знал: лес будет тянуться слева еще километров десять. Потом в его глубине мелькнут постройки научного центра — здесь, рядом с Портом, был один из самых крупных в мире научных центров, — и среди других зданий покажется на мгновение кристалл Института времени. А потом, еще через несколько километров, шоссе сделает поворот, и лес кончится так неожиданно и резко, словно его и не было вовсе, и вместо него будет совсем другое: громадное полупрозрачное здание Управления космолота, длинные корпуса навигационной службы и дальше — бетонные плиты причалов. Где-то там, у одного из причалов, стоял готовый к старту «Альбатрос», и до старта оставались теперь уже какие-то десятки минут.

Машина тронулась с места едва заметно, но тут же набрала прежнюю головокружительную скорость.

Человек ехал вперед, к этому повороту.

1

В лифте Андрей оказался не один — спутницей была белокурая девушка в светло-розовой форме диспетчерской службы. Девушка скользнула взглядом по лицу Андрея, потом по нашивкам на рукаве, и тогда в ней сразу произошла какая-то перемена. Глядя прямо перед собой, на план Управления, прикрепленный к стене кабины, Андрей чувствовал, что спутница разглядывает его как-то чересчур уж внимательно, и это внимание было странным. Андрей резко оторвался от плана — Управление, как ему казалось, он знал наизусть и смотрел на стену лишь для того, чтобы занять чем-нибудь взгляд, но кабина в этот момент остановилась, и надо было уже выходить. Он вышел, чувствуя, что девушка, пока закрывается дверь, продолжает смотреть ему вслед.

Углубившись в длинный коридор, Андрей оглянулся и пожал плечами. В нашивках его не было, разумеется, ничего примечательного. По ним можно было узнать

только количество времени, проведенного в космосе, и количество рейсов с литерой А — субсветовых. И того, и другого набиралось, конечно, уже вполне прилично, и все-таки ничего особенного, до рекордсменов далеко. На куртке был также личный номер, по которому, ознакомившись с соответствующими списками, можно было узнать его имя, но имя ничего не могло значить для совершенно незнакомой — в этом он был уверен — девушки. Что еще? Да, еще эмблема «Москвы» и капитанский знак.

Он быстро пошел вперед.

Напрасно он только что подумал о том, что знает Управление наизусть. За последний год здесь кое-что изменилось: коридор, например, поворачивал почему-то не налево, как прежде, а направо. У поворота Андрей в нерешительности остановился, и сейчас же рядом с ним как из-под земли вырос робот-путеводитель. Его выпуклые глаза-фотоэлементы смотрели на капитана «Москвы» вопросительно. Потом фотоэлементы слегка повернулись на осях — робот рассматривал нашивки. И тут же, не дожидаясь вопроса, электронный справочник проскрежетал с восклицательными интонациями:

— Вам направо! Все правильно! Здание недавно реконструировано! Вас ждут в голубом крыле! Помещение А-1306!

Андрей пробормотал положенные слова благодарности. Номер помещения, где его ждали, он знал и без этого: номер был указан на вызове, лежащем в кармане. Откуда, однако, могло быть известно роботу, что он должен идти именно туда, а не куда-нибудь еще? Андрей повернул направо. Здание и вправду было реконструировано: новый коридор не был похож на все остальные. Он оказался вдвое шире и весь искрился голубыми огнями — светились стены, потолок и даже пол. Пройдя немного вперед, Андрей понял: свет этот имел определенное функциональное назначение. Мерцание голубых огней каким-то непостижимым образом за-

ставляло сосредоточиться, концентрировало внимание и волю, видимо, подготавливало посетителя к тому, чтобы во время предстоящего разговора, экономя время, не говорить ничего лишнего, только самое важное и необходимое. Собственно, Андрей и так знал, что разговор предстоит короткий: вызов, пришедший к нему в космогостиницу, мог означать только одно — требование представить отчет об экспедиции на четвертую планету звезды 70 ТВ, с которой только что вернулась «Москва». Отчет был давно готов и лежал в пластиковой папке, которую Андрей держал под мышкой. (Должно быть, с этой папкой у него был не очень привлекательный, канцелярский вид.) Сдача отчета должна была сопровождаться краткой беседой с Петренко или его заместителем Суслопаровым, после чего Андрей Ростов, капитан «Москвы», субсветового корабля экстра-класса, мог, видимо, отправляться на все четыре стороны — в отпуск.

Но почему все-таки робот точно знал, куда ему надо идти? А эта девушка?..

Два курсанта, выскочившие из какой-то двери, увидев Андрея, отчего-то остановились, лица у обоих были изумленные. Уже за спиной Андрей услышал негромкие, приглушенные голоса и снова пожал плечами. В Управлении определенно творилось нечто странное. Но теперь он слегка смутился и, уже не оглядываясь, быстро прошел в голубое крыло Управления. И вот оно, помещение А-1306.

Сначала — уютный холл, в котором стоял стол секретарши. Космотелетайп отбивал последние новости из Вселенной, где на разных планетах, на разных кораблях, больших и маленьких, на исследовательских станциях работало сейчас очень много людей. Трудно даже представить, сколько. У стола Андрей остановился и достал из кармана вызов.

Секретарша была суховатой, пожилой и, пожалуй, слегка чопорной. Оторвавшись от зеленой папки с до-

кументами, она с большим интересом рассмотрела посетителя с ног до головы и с каким-то непонятным удовлетворением констатировала:

— Так это, значит, вы?

— Собственно, — начал Андрей почти раздраженно, — по моему вызову не мог прийти никто другой. Я хочу сказать...

Но чопорная секретарша улыбнулась и тогда сразу перестала быть чопорной. В общем-то, она была еще и далеко не пожилой. Ее глаза оказались зелеными и очень теплыми. Она нажала на своем пульте какую-то кнопку, и створки больших дверей сразу же раздвинулись. Это Андрею понравилось: значит, не надо ждать в приемной, его сразу приглашают войти. Как истый пилот, тесных канцелярий он не любил.

— Входите, он ждет, — сказала секретарша чуть ли не ласково, и Андрей переступил порог.

И тогда он растерялся. Потому что кабинет оказался совсем не таким кабинетом, в каких ему приходилось бывать прежде. Этот был огромным, и казалось, что в нем нетрудно заблудиться среди внушительных, чуть ли не до потолка, моделей кораблей, знаменитых в истории космофлота, среди стеллажей с космическими лодками и книгами, и среди многих других вещей, которые здесь, в Управлении, могли быть только в единственном кабинете. Значит, его вызвали именно сюда. И если так, действительно случилось нечто из ряда вон выходящее. Но что могло случиться?

Это был кабинет генерального директора.

Капитанов кораблей, пусть это даже экстра-классный субсветовик «Москва», к генеральному директору приглашали не часто.

Письменный стол в кабинете был огромным — не меньше шести квадратных метров. Андрей, увидев его, прежде всего подумал о том, что такой стол должен быть чертовски неудобным: надо иметь руки баскетболиста, чтобы дотягиваться до самых дальних его угол-

ков. Стол подошел бы человеку ростом метра в два, не меньше. И Андрей не удивился, когда навстречу ему из-за этого необъятного стола поднялся человек именно такого роста. Никогда прежде с генеральным директором Андрей не встречался, и только лицо его было знакомо капитану «Москвы» по стереофотографиям — крупное, добродушное лицо с полными губами и мягким подбородком. С космосом, манящим и пугающим, трудным и порой жестким, даже безжалостным, такое лицо не вязалось никак — оно могло разве что принадлежать директору космогостиницы. Однако голос... Голос генерального директора, казалось, не имел ничего общего с его лицом. Голос легко наполнял просторный кабинет и, отражаясь от стен, даже создавал некое подобие эха. Причем было заметно, что хозяин кабинета трогательно старается говорить потише и этим явно совершает над собой усилие. Лет так четыреста или пятьсот назад с таким голосом можно было идти в боцманы парусного флота.

С вопросительно-утвердительными интонациями генеральный директор пророкотал:

— Андрей Ростов, капитан «Москвы», прежде первый помощник на «Волге», а еще ранее — второй пилот «Сокола». Выпускник Высших навигационных курсов. Пилот экстра-класса, сто семнадцать полетов, из них двадцать четыре субсветовых и пятнадцать испытательных. Последний рейс — субсветовая экспедиция на четвертую планету системы 70 ТВ. Возраст — двадцать девять лет. Садитесь!..

Ни в какие бумаги генеральный директор не заглядывал. Все это было сказано на память и поэтому казалось удивительным. Андрей машинально опустил в кресло. Впрочем, голубые искры в коридоре, видимо, свое дело сделали: его растерянность быстро прошла. Вызов сюда, к самому генеральному, был, разумеется, странным, но никаких особенных грехов он за собой не помнил. Последняя экспедиция прошла строго по гра-

фику; в Порту «Москва» опустилась секунда в секунду.

— Я вас понимаю, — медленно сказал громадный человек за громадным столом, — сейчас вы удивлены.

Он все время смотрел Андрею в лицо и как будто чего-то ждал. Андрей повертел на коленях пластиковую папку с отчетом. Удивительно, подумал он вдруг и нехотая, отчет о столь продолжительной экспедиции оказался таким коротким... Но в нем, как ни странно, было изложено все, ни строчки невозможно прибавить, как ни старайся. Перехватив взгляд Андрея, генеральный директор почему-то слегка поморщился.

— Отчет вы сдадите моему секретарю, — сказал он сухо, — она сама передаст его Петренко. У нас разговор пойдет о другом.

Капитан «Москвы» выпрямился и перестал вертеть в руках папку. Хозяин огромного кабинета с огромным столом продолжал смотреть на него внимательно, испытующе, с интересом. В кабинете было на удивление тихо, и, быть может, поэтому бас генерального директора был особенно впечатляющим.

— Разговор будет вот о чем, — прогрохотал бас. — Я вас вызвал, чтобы узнать о ваших дальнейших планах.

— По регламенту мне положен отпуск, — осторожно сказал Андрей. — Я собирался поехать домой, в Ливны. Экспедиция продолжалась полгода, и я вместе со всем экипажем...

Он тут же осекся, подумав, что говорить с генеральным директором об отпуске по меньшей мере смешно — разрешение на отпуск ему дают совсем другие люди, но было уже поздно.

— Разумеется, отпуск положен! — прогремел хозяин кабинета. Зачем-то он покрутился на вращающемся кресле, по-прежнему не сводя при этом глаз с лица собеседника. — Разумеется, вы вправе поехать не только в Ливны, но и куда-нибудь в Австралию или же на Венеру или, если хотите, на Маршалловы острова. Но ме-

ня сейчас интересует другое: что вы намерены делать дальше?

— Рейсы «Москвы» расписаны вперед на два года. Участие в Тридцать второй комплексной, а затем экспедиция в систему 75 НМ.

Генеральный директор встал и прошелся по кабинету. Он смотрел на Андрея с высоты своего баскетбольного роста и о чем-то сосредоточенно думал.

— Давайте не будем терять время попусту, — сказал он наконец. — Экипаж «Москвы» действительно отправится в отпуск. Что же касается вас, вы останетесь здесь. По-прежнему будете жить в космогостинице, в Городе, и ежедневно приезжать в Порт.

Капитан «Москвы» с грустью посмотрел в пол.

— Вы назначены начальником экспедиции на Теллус, — очень будничным тоном сказал генеральный директор. — Вот это я и хотел вам сообщить. Вы, конечно, вправе отказаться, но вы знаете, что в космофлоте, помимо писаных законов, есть неписаные, и что еще никто и никогда не отказывался, если его назначали в новую экспедицию, и тем более начальником экспедиции.

Резким движением Андрей отложил папку и тоже встал. То, что было сказано, он понял не сразу. Вероятно, он казался таким изумленным, что лицо генерального директора, и без того добродушное и мягкое, стало совсем уж добрым и обрело мягкость чуть ли не отеческую.

— На Теллус? — выдохнул Андрей. — Не понимаю! Это ведь та самая экспедиция...

Генеральный директор благодушно кивнул.

— Совет остановился на вашей кандидатуре. Здесь было многое учтено: ваш обширный опыт и участие в самых разнообразных экспедициях. Ваша молодость. Наконец, даже та злополучная катастрофа при посадке на Энтайю, когда вы... когда вам, словом, были благодарны очень многие. Не скажу, что ваша кандидату-

ра прошла единогласно, но теперь это уже неважно. Вопрос решен. И уже несколько часов ни для кого не секрет, что капитан Андрей Ростов, бывший командир «Москвы», отныне начальник первой сверхсубсветовой экспедиции.

2

У входа в Управление космофлота бил фонтан; здесь же стояли несколько разноцветных скамеек. Если отбросить пластиковый вход в здание, венчавший разноцветные ступени, сложенные из лунного базальта, вдруг снова вошедшего в архитектурную моду, фонтан и скамейки вокруг него могли показаться картинкой из далекого прошлого. Но может быть, человеку именно это и надо: разумное сочетание старого и нового, дерзкое устремление вперед и слегка элегическая память о том, что было когда-то?..

Андрей подумал: в космос уходят сейчас корабли, устройство и внешний вид которых двести лет назад нельзя было даже представить, а вот наземные машины, например, те, что мчатся по шоссе, почти полностью, по крайней мере внешне, сохранили тот вид, который был у них в конце XX, начале XXI века. Таких примеров можно было привести множество — разумное, необходимое человеку сочетание старого и нового...

Пластиковая папка была теперь пустой: когда Андрей уходил, секретарша генерального директора, зачем-то взвесив отчет на ладони, убрала его в свой стол. Андрей положил папку на скамейку и сел рядом, и стал наблюдать за радужным мерцанием фонтанных струй.

Странно, к мысли о том, что он — начальник первой сверхсубсветовой, Андрей привык почти сразу же, на это потребовалось ровным счетом минут десять, не больше. Сначала была, конечно, растерянность от неожиданности, потом — какое-то не очень ясное сомнение, сомнение, которое поднималось, видимо, из каких-то самых

потайных уголков души. Вот какое сомнение: почему, собственно, именно он, а не, скажем, капитан Истомин, славящийся целеустремленностью и рациональностью? Или... или?.. А потом было в один миг промелькнувшее и очень четкое, как наяву, представление о том, как это будет: момент старта, потом секундная темнота, потом несколько кратких мгновений полета, и корабль сразу же, почти без всякого перехода, оказывается в очень далеком, невообразимо далеком, чужом мире. Это представление было дерзким, в тот момент Андрей понял, до чего же оно было дерзким; и вот, как ни странно, именно от сознания дерзости все вдруг и встало на свои места. Он, Андрей Ростов, — начальник первой сверхсубсветовой. Ничего очень уж особенного в этом не было, кто-то должен был стать начальником.

В фонтанных струях играла маленькая радуга. Очень ярко светило июльское солнце, и воздух был горячим и влажным. Андрей вытянул ноги, устраиваясь на скамейке поудобнее, и стал собирать в памяти все то, что знал прежде об экспедиции, начальником которой стал так неожиданно для себя.

Оказалось вдруг, что знал он, в общем-то, не так уж много. Он прикрыл глаза, потому что самый дерзкий солнечный луч вдруг ударил ему прямо в лицо, и стал думать обо всем, что случилось, теперь уже не наспех, а рассудительно и не спеша.

Отказаться он мог, это была правда. Однако никто никогда действительно не нарушал неписаных законов космофлота, и уж тем более никто и никогда не отказывался, когда его назначали начальником экспедиции, как бы сложна и опасна ни была эта экспедиция. Это тоже была правда...

Без особой связи с настоящим он почему-то вспомнил свою первую субсветовую экспедицию. Тогда старт был ночью, и темная громада субсветовика — это был старичок «Победитель», теперь ставший тренировочной базой для курсантов, — стояла в дальнем углу Порта,

тускло освещенная призрачными огнями прожекторов. Все было очень буднично и просто. Стался седой туман, и, возможно, от этого, когда Андрей шел по мокрым плитам перрона, его вдруг начала бить мелкая неприятная дрожь. Потом были: упругое покачивание трапа под десятками ног, металлический скрежет задраиваемого люка, прохладная обивка взлетного кресла. Впрочем, внутри Солнечной системы «Победитель», понятно, шел с обычной, хоть и очень большой скоростью. Субсветовой режим начинался за пределами системы. И момент превышения он, надо признаться, так и не заметил, и надо было, чтобы Юра Иващенко, старый приятель, подмигнул и показал на информационное табло, где появились первые цифры уже совершенно новых полетных характеристик. В общем, ничего примечательного, никаких особенных ощущений не было в тот момент...

Блондинка в светло-розовой форме диспетчерской службы быстро сбежала по ступенькам подъезда и пошла через площадь, огибая фонтан слева. Приглядевшись, Андрей узнал в ней свою недавнюю спутницу по лифту. Девушка определенно куда-то спешила, но успела все-таки бросить на Андрея короткий взгляд и, слегка поколебавшись, кивнула ему как знакомому. Светло-розовая форма была ей к лицу. Однако блондинкам, подумал Андрей машинально, больше идет голубой цвет; интересно, как бы она выглядела в голубом? Но девушка уже скрылась в подъезде маленького кубовидного дома, где находились диспетчерские службы ближних, в пределах системы, рейсов, и Андрей с грустью вдруг подумал о том, что на Земле он бывает редко, слишком редко...

Так что он знал о первой сверхсубсветовой экспедиции? Вот что: слухи о ней ходили уже несколько лет, но лишь недавно стало известно, что первой сверхсубсветовой будет экспедиция на Теллус. На очень далекий, манящий Теллус, откуда издавна шли непонятные

сигналы, которые никак не удавалось расшифровать до конца.

Теллус, однако, располагался столь далеко от Солнечной системы, что об экспедиции к нему нечего было и думать... с помощью обычных субсветовых кораблей. Открытие Коровяком и Муртазаевым эффекта сверхсубсветовой скорости впервые дало такую надежду, но потребовались годы, прежде чем можно было всерьез думать об экспедиции. Об экспедиции на Теллус, которую возглавит он, бывший командир «Москвы».

Андрей сосредоточенно наморщил лоб. Было в этой экспедиции что-то примечательное, что-то такое, чего он никак не мог вспомнить; и это прямо было связано с эффектом сверхсубсветовой скорости, еще не изученном до конца. Но что?

Он поднялся и взял папку под мышку. В этот же момент струи фонтана вдруг резко взмыли вверх и стали вдвое выше. Теперь вода, рассыпаясь брызгами, уже не журчала, а грохотала, и радуга в струях, став гуще и ярче, ослепила глаза. Андрей зажмурился, от подобных эффектов он отвык. В следующее мгновение после того, как он открыл глаза, он опять увидел на ступеньках кубовидного здания розовую девушку и теперь сам улыбнулся ей. Он подумал о том, что спустя всего несколько минут ему станет известно, возможно, и то, как ее зовут, и то, что она делает здесь в Порту. Тайна, которая окружает эту девушку сейчас, станет тогда меньше, и от этого будет радостно и слегка грустно.

Как, собственно, на Земле знакомятся теперь с девушками? Он был последний раз на Земле полгода назад, да и всего-то несколько дней. Может быть, он окажется сейчас неловким, скажет что-нибудь не то?..

И вот когда Андрей уже пошел девушке навстречу, огибая фонтан, он вдруг вспомнил то неизвестное, что так упорно ускользало у него из памяти.

Эффект Коровяка — Муртазаева еще не был понят до конца, были у него какие-то совершенно неясные за-

кономерности. И одна из этих закономерностей позволяла отправить экспедицию на Теллус только в этом году. А следующая могла состояться только... только двести сорок семь лет спустя.

Возможно, когда-нибудь закономерности эффекта поймут до конца, это случится даже обязательно, потому что нет ничего, чего бы не узнал человек рано или поздно, если он хочет узнать. Но сейчас выбор был только таким: или сейчас, или двести сорок семь лет спустя.

3

— Знакомьтесь! — прогремел генеральный директор и с высоты своего баскетбольного роста посмотрел на Андрея. — Начальник экспедиции Андрей Ростов. Пилот экстра-класса. Выпускник Высших навигационных курсов. До последнего времени — капитан «Москвы».

Поднявшись с места, Андрей быстро взглянул в лица всем остальным. Их было четверо; одетые в ярко-красные тренировочные костюмы, они сидели в ряд на длинном диване. Двоих Андрей знал — пилотов-навигаторов Колю Пороховника и Женю Пономарева. Третьим был высокий, дочерна загорелый человек южного типа, который, кажется, тоже был знаком, однако где он с ним встречался? Четвертый, совсем незнакомый, на первый взгляд показался Андрею очень застенчивым, очень тихим, очень робким. Кто это?

Генеральный директор представил всех одного за другим. Загорелого здоровяка звали Владимир Ивашкевич, и тогда Андрей тотчас же вспомнил: экспедиция на Кассандру, когда от трех кораблей остался только один, потому что видимая поверхность планеты оказалась оптическим обманом — обманом не только для зрения, но и приборы тоже поддались ему, уникальный случай, о котором до сих пор спорят ученые. И единственным кораблем, который опустился на Кассандру благополучно, был корабль Ивашкевича.

Коля Пороховник, Женя Пономарев... Имя четвертого члена экипажа Андрею ничего не сказало: Сергей Крылов, человек с уникальной пока специальностью инженера по оборудованию сверхсубсветовиков.

Теперь было особенно заметно, что генеральный директор стесняется своего роста. Церемонию представления экипажа и командира он постарался провести как можно быстрее и тут же поспешил снова опуститься за свой громадный стол.

— А теперь, когда вы знакомы, — генеральный директор покрутился на своем вращающемся кресле, — еще несколько слов. Вот о чем: у вас очень мало времени. На все тренировки, на освоение корабля, на подготовку — шестьдесят четыре дня. Старт четырнадцатого сентября. По причинам, вам известным, старт возможен только в этот день.

Люди на длинном диване задвигались и завздыхали. Впрочем, так было всегда, во все времена: всегда казалось немислимым уложиться в срок подготовки, и все всегда устраивалось наилучшим образом. Генеральный директор это отлично знал. Сидевшие на диване, конечно, знали тоже. На мягком, добродушном лице генерального директора появилась тень улыбки.

— Вот и отлично! — прогремел бас. — План подготовки — вот он. — Баскетбольная рука легко дотянулась до дальнего конца стола и подала Андрею зеленую папку. — Руководить подготовкой будут лучшие специалисты наземных служб. В том, что подготовка займет только два месяца, нет ничего удивительного. Особых сложностей, как это ни кажется странным, с экспедицией нет. Сверхсубсветовик в управлении легче, чем любой другой корабль. Экспедиция будет непродолжительной...

Человек, сидящий на диване слева, самый юный член экипажа, согласно кивнул.

— Название корабля — «Альбатрос», — вставил он.

— А начнете вы с того, — заключил бас, — что пря-

мо сейчас познакомитесь с кораблем. У вас будет хороший экскурсовод. Один из членов вашего экипажа, — генеральный директор посмотрел на Крылова, — не только специалист по оборудованию сверхсубсветовика, но и прошел уже специальную подготовку, которую теперь предстоит пройти вам.

Взгляды четырех членов экипажа переместились на Крылова, и Андрей вдруг увидел, что тот невероятно, даже недопустимо для космолетчика молод. Значит, от молодости застенчивость и робость. Но он знал, пройдут годы, и на это лицо ляжет другая печать; на нем отразятся бессонные ночи, смертельный риск, может быть, утраты и тяжелые поражения. Но все это, он знал, только на одних чашах весов, а на других, которые окажутся, должны оказаться тяжелее, — вечное и дерзкое и никогда не утолимое желание быть там, где не был еще никто. Поразительное чувство того, что тебе подвластны громадные, в голову не укладывающиеся, ни с чем не соизмеримые расстояния, что ты можешь называть неизвестные планеты именами дорогих тебе людей. И еще уверенность в том, что за тобой, там, где ты был первым, пройдут потом многие, чтобы сделать еще больше, чем сделал ты.

Генеральный директор поднялся из-за стола, пожал им всем руки, и пять человек молча вышли в длинный, искрящийся коридор. У фонтана, в струях которого снова играла радуга, уже стояла длинная сигара специальной служебной машины, и Ивашкевич, опередив всех, галантно распахнул дверцы и с заметным южным акцентом сказал, впервые нарушив молчание:

— Ну вот, путешествие началось!

Укрытый ярко-желтым чехлом сверхсубсветовик «Альбатрос» стоял в дальнем углу Порты. Когда машина, лавируя до этого среди громад кораблей экстра-класса и туристских лайнеров, проходящих короткую профилактику, наконец затормозила, в первое мгновение Андрей испытал только разочарование. Техники уже

снимали чехол, и на свет появлялось сооружение, меньше всего похожее на современный корабль. Формы «Альбатроса» оказались неуклюжими и даже как-то допотопны; рядом с «Москвой», например, он мог бы показаться, пожалуй, ее далеким предком из тех героических, почти легендарных уже времен, когда в космос уходили примерно так же, как тысячи лет назад отправлялись в плавание по океанам на утлых, боящихся штормов и зависящих от волн и течений скорлупках-кораблях. И размеры «Альбатроса» вполне соответствовали его старомодному облику — он был меньше той же «Москвы» раз в пятнадцать. И вдобавок ко всему цвет первого сверхсубсветовика был невероятно тусклым, отдающим чуть ли не ржавчиной.

Должно быть, на лице начальника экспедиции слишком уж ясно проступило разочарование, должно быть, схожие чувства отразились и на лицах остальных членов экипажа, потому что юный Крылов улыбнулся. Улыбка была не просто веселой, но еще и загадочной и, пожалуй, слегка сочувствующей.

Еще несколько минут они осматривали корабль снаружи. Ивашкевич, подойдя к обшивке «Альбатроса», тронул ее рукой и состронл забавную гримаску. Пороховник и Пономарев, держась все время рядом, как близнецы, обошли корабль кругом. Молчаливые, деловитые техники сворачивали пластиковый чехол в плотный рулон. Проем входного люка уже был обнажен, и Сергей Крылов, инженер по оборудованию сверхсубсветовика, первым поднялся по ступеням трапа и жестом пригласил подняться всех остальных.

Вот так всегда — трап всегда пружинит под ногами, любой из трапов пружинит всегда одинаково. И, когда ступаешь на трап — Андрей испытал это множество раз, — особенно остро и ярко проявляется ощущение будущего полета. И почему-то по трапу всегда хочется взбежать бегом, даже если ты уже не стажер-практикант, а начальник экспедиции.

Рубка управления «Альбатроса» оказалась непривычно маленькой, площадью не более шести квадратных метров. Приборов здесь было на удивление мало, зато кресла пилотов выглядели небывало массивными, конструкции сложной и непонятной.

Каюты приятно удивили — они были неожиданно удобны и комфортабельны, таких не найти, пожалуй, и на некоторых туристских лайнерах. Кают-компания, отделанная дубовыми, под старину, панелями, теперь снова повсеместно входящими в моду, оказалась помещением просто роскошным; на полу был пушистый ковер, на полках буфета блестела укрепленная в специальных гнездах фарфоровая и хрустальная посуда. Целую стену занимал стеллаж с видеотекой, собранию которой могли бы позавидовать многие видеотеки на Земле.

В кухонном отсеке — самая обычная автоматика. Скафандры, стоявшие, как полагалось, рядом со шлюзовым отсеком, тоже были обыкновенными, модель Б-12. Дальше — резервуары с водой и холодильники с положенным рационом продуктов. Еще дальше — маленький гимнастический зал и маленький бассейн.

И наконец, вот он, отсек двигателей, непонятно пока еще как устроенное и как живущее сердце корабля, — сплошная путаница проводов, каких-то блоков и деталей. Но есть впереди шестьдесят четыре дня, чтобы все это узнать до тонкостей, не бояться случайностей.

И вот только здесь, когда он пытался проникнуть взглядом в хитросплетение проводов и невероятное нагромождение деталей, все вдруг встало на свои места, и Андрей Ростов вновь ощутил — теперь уже с кристальной и бесповоротной ясностью, — что действительно начинается полет к манящему Теллусу, и что есть уже маленький коллектив людей, собранный для этого полета, и что есть корабль, который шестьдесят четыре дня спустя отправится в самое дерзкое из путешествий, которые когда-либо до этого начинал человек.

...Четыре часа занятий утром и четыре часа днем — таков был распорядок дня. Занятия, тренировки, консультации. Огромная группа людей, специально собранных для подготовки экспедиции, окружала экипаж — профессора, техники, специалисты различных служб. А в центре всего — они, пять человек экипажа. Характеры, постепенно раскрывающиеся в многочасовых занятиях, в библиотеке, в бассейне, на баскетбольной площадке. Пять сложных и совершенно непохожих один на другой миров-характеров, состоящих из своих собственных привычек, взглядов, вкусов, знаний. И все более точное и гармоническое взаимодействие этих миров-характеров, питающихся сейчас одинаковыми знаниями и навыками, одинаковыми понятиями и одинаковыми ощущениями.

Веселая непоседливость, живость Ивашкевича и серьезная невозмутимость Коли Пороховника. Скромность, застенчивость юного Сергея Крылова, за которой угадывается, однако, отличная специальная подготовка. Сдержанность, хладнокровие Пономарева.

Плохое настроение Жени Пономарева, который никак не может освоить полуавтоматический режим двойного фиксатора блока С-87, и травма у Ивашкевича — нога повреждена на футбольном поле. День рождения Пороховника, со всей возможной торжественностью и некоторым количеством шампанского отмечаемый в ресторане космогостиницы; и постоянная готовность Сережи Крылова объяснять всем то, что еще не ясно, даже после восьми часов напряженных занятий.

Был воскресный полет на Гавайские острова ради короткого отдыха, был ватерпольный матч с командой английского субсветовика «Бигль», были субботняя экскурсия в парижский Лувр и концерт, который вдруг устроил Ивашкевич, который, как выяснилось, отлично играет на скрипке...

Но прежде всего — занятия и тренировки, занятия и тренировки, четыре часа утром и четыре часа днем.

В лесу было сумрачно; сквозь сложное переплетение листьев и веток сверху, на дно леса, едва пробивался зеленый свет. Солнце уже начинало клониться к западу, и полутона света были мягкими и словно бы приглушенными. Стволы и земля, усыпанные прошлогодней хвоей, за длинный день нагрелись, и теперь сами источали тепло, смешанное с чудесным и неповторимым запахом.

Подняв ветку, низко нависшую над тропинкой, Нина обернулась и удивленно, как будто бы эта очевидная мысль пришла ей в голову только что и впервые, сказала:

— Как странно! Чего только не сделал человек на Земле, что только не построил, а вот лес не изменился совсем. Он такой же, каким был и лет двести назад.

— Он изменился, — ответил Андрей, — некоторые растения исчезли, и вместо них появились другие.

Он наклонился и сорвал стебелек, увенчанный крошечными фиолетовыми колокольчиками.

— Десять лет назад такого растения не было. Оно появилось именно потому, что исчезли какие-то другие виды. Исчезли, вытесненные самыми разными причинами, в том числе и деятельностью человека, далеко не всегда умелой. Кое-что мы об этом знаем, правда? А на смену исчезнувшим пришли другие растения, более приспособленные к изменившимся условиям.

Присмотревшись, он сорвал бледно-зеленый цветок с четырьмя лепестками.

— Такого раньше не было! Ему, наверное, всего лет пятьдесят...

— Удивительно, — сказала Нина. — Ты так редко бываешь на Земле, а знаешь о ней гораздо больше, чем я.

— Наверное, именно поэтому. В полетах все время думаешь о Земле, и поэтому стараешься узнать о ней

как можно больше. Ты никогда не думала о том, по какому принципу комплектуются видеотеки кораблей? Кассеты по истории Земли, по ботанике, биологии, палеонтологии, зоологии, этнографии. Кассеты с фильмами-путешествиями в самые разные уголки Земли. Каждый астронавт — это прежде всего специалист по Земле. Наверное, и в самом деле далеко не каждый землянин знает о своей планете и о ее проблемах так много, как мы. Я знаю ребят, которые в знании, скажем, биологии или этнографии не уступят даже специалистам...

Нина рассмеялась и пошла дальше. Сегодня она была не в светло-розовой форме диспетчерской службы, которая была ей так к лицу, а в легком желто-зеленом платье, которое шло ей еще больше. Андрей осторожно отвел перед Ниной упругую ветку и пошел следом. Сейчас, в этом теплом июльском лесу, ему было очень хорошо. Он чувствовал себя здесь дома, и ему хотелось, чтобы этот день никогда не кончался. Вздохнув, он посмотрел на часы.

— А вдобавок мой отец был ботаником, преподавателем ботаники в школе. Он и умер в лесу, у нас под Ливнами, проводя урок.

Он помолчал, а потом вернулся к тому разговору, который прервался на время и сменился другим.

— А дальше все было просто, — сказал он. — Нет, я не шучу. Самым трудным делом в моей жизни действительно оказалась учеба. Суворовский принцип: тяжело в ученье... Очень тяжело!.. Я даже не знаю, как выдержал, потому что из десяти человек весь этот путь до конца могли пройти только двое, остальные отступали, занимались потом чем-нибудь другим. Ну а после учебы — экспедиция за экспедицией. Вот это было действительно нетрудно, потому что я был подготовлен ко всему, хотя случались, конечно, всякие неожиданности. Были и неприятности, как без них...

— А у меня все не так! — ответила Нина. — Вся

жизнь — на Земле и такая простая работа. Диспетчер ближней службы! Никаких случайностей, все буднично и привычно. Был, правда, один случай... впрочем, тоже ничего интересного.

Тропинка свернула влево и стала спускаться в небольшую лощину. На дне ее негромко журчал ручеек. Андрей перепрыгнул через него первым и протянул Нине руку. Потом тропинка снова стала подниматься вверх, и снова был густой аромат хвои и смолы, исчезнувший было в лощине.

— А сколько вокруг всего! — сказала Нина. — Например, наш научный Центр! Один Институт времени, по-моему, целый огромный мир. Ты что-нибудь слышал об их работе?

— Об этом все слышали, — сказал Андрей.

— Вот — настоящее дело! Или то, чем занимаешься ты. Я часто думаю о том, каково это — видеть чужие планеты, самые разные, своими собственными глазами. Не на экранах, не на изображениях, как видел их почти каждый на Земле, а вот так, прямо перед собой, когда можно протянуть руку и коснуться какого-нибудь камня на Эмпаране, или сделать самый первый шаг где-нибудь еще.

— Увидеть собственными глазами, — пробормотал Андрей.

Он опять наклонился и сорвал цветок одуванчика. Вот одуванчик был старожилом этого леса; точно таким же он был и в XX веке, и в XXI, и в XXII. Когда пух одуванчика разлетелся, а потом медленно стал опускаться, Андрей резко отбросил стебель, и зеленые стены жаркого июльского леса, обступившие Андрея со всех сторон, вдруг словно раздвинулись, уйдя в бесконечность. Не слышно стало журчания ручья, еще доносившегося снизу из лощины, почему-то вдруг замолкли птицы, а солнце, пробивавшееся сквозь ветви на нижний этаж леса, стало далекой и едва заметной звездочкой, мерцавшей где-то на самом краю чужого и не-

привычного небосвода; и тогда он начал рассказывать...

Волнистые голубые туманы, окутывающие Кассандру, — туманы, поднимающиеся всегда неожиданно, непредсказуемо и скрывающие от глаз все, что только есть на планете, а есть там очень немного: равнины, поросшие оранжевыми колючками, и небольшие холмы, в которых скрывается главное богатство Кассандры — минерал хан-чуастек, добываемый здесь колонией землян уже несколько лет...

Багровое солнце Прозерпины, выползающее из-за близкого горизонта и низко нависающее над планетой. В его палящих лучах быстро тает корка льда, покрывающая за ночь поверхность планеты, потом вода испаряется, а когда солнце в зените, камни с зловещим грохотом трескаются от жары, трещины проходят по почве, словно морщины, рисунок трещин меняется на глазах, отчего вся поверхность планеты кажется живым, страдающим существом...

Мягкие уютные лощины, поросшие изумрудной травой, ручьи с прохладной водой и леса, дающие в полдень мягкую тень... Это — Эмпарана, чудеснейшая планета, казалось бы, созданная для того, чтобы на ней жили такие же люди, как на Земле; но людей, разумных существ, здесь нет, — есть лишь стада странных, неповоротливых жвачных животных с крайнезамедленной реакцией...

Островная планета Хитайя — беспредельный океан теплой воды и редкие острова, поросшие мощными кражистыми растениями. Желтый пляжный песок, озера с пресной водой, туманы, иногда надолго закрывающие небосвод...

Мрачная, тускло освещенная Афродита; разумных существ нет... Ослепительно красочная, насыщенная сотнями различных полутонов Ирина; разумных существ нет... Песчаная Электра, вся пронизанная атмосферным электричеством; разумных существ нет... Их нет ни на одной из планет, уже освоенных человечеством, продви-

гающимся во Вселенной все дальше и дальше. Конечно, космос нужен людям не только ради возможных встреч с себе подобными. В космосе, на разных планетах, есть многое, что насущно нужно Земле, ради этого снаряжаются все новые и новые экспедиции, но...

Он кончил рассказывать и снова очутился в этом жарком лесу. Солнце опустилось чуть ниже, лучи его падали теперь под другим углом, и цвета леса стали иными — более глубокими и мягкими. Краски Нининого платья от этого тоже слегка изменились, и сама Нина тоже была немного другой. Более задумчивой? Пожалуй, но была еще какая-то неуловимая перемена — какая?

Андрей тряхнул головой. Лес, родной, чудесный, гостеприимный, ласково шелестел листвой и приветливо кивал вершинами громадных сосен. Ничего подобного не было ни на одной из планет, даже на Эмпаране, и ничего не было прекраснее Земли, ее рек, полей, вот этого леса в нескольких десятках километров от Порты, и странной, непонятной была эта сила, которая вновь и вновь манила человека в неизведанные миры, сквозь пустыни космоса. Ничего во всей Вселенной не было прекраснее этого леса и этого дня, медленно, незаметно переходящего в теплый, чудесный вечер, и этой девушки в желто-зеленом платье, медленно идущей впереди...

Тропинка свернула вправо и сразу стала вдвое шире, теперь по ней можно было идти рядом, и тогда Нина спросила:

— И ты думаешь, что на Теллусе...

Андрей вздохнул, и стены леса словно снова раздвинулись; он вновь почувствовал себя в такой привычной, в такой странной беспредельности — крошечная живая крупинка в пустоте, которую не измерить ничем. Можно было ответить искренне, но эти слова прозвучали бы очень красиво и показались бы, наверное, патетическими, выпренными и поэтому просто смешными.

— Я думаю, что мне очень повезло, — сказал он.

Тропинка снова сузилась. Теперь ее пересекали мощные узловатые корни огромных сосен, подступивших к тропинке вплотную. Потом справа показался громадных размеров муравейник и сразу после него — большая поляна, на краю которой лежала ель, поваленная когда-то ураганом.

— Давай отдохнем немного, — предложила Нина и выбрала себе уютное местечко среди ветвей поверженного гиганта. Андрей сел рядом.

— Помнишь, как мы впервые встретились? — тихо спросила Нина. — Ты тогда показался мне совсем не таким, как сейчас.

— Каким же?

— Строгим, серьезным. — Нина засмеялась. — Капитан «Альбатроса», шутка ли?!

— Теперь, когда мы с тобой встретились уже не в первый раз, — ответил Андрей, — думаю, что уже не кажусь тебе строгим и серьезным. Хотя там, где надо...

Солнце опустилось еще ниже. Белокурые волосы Нины стали теперь в его лучах золотистыми, и на лицо упала тень, сделав его таинственным, как лица на портретах мастеров Возрождения. Непонятым, непостижимым казалось то, что этот вечер может когда-нибудь кончиться, непостижимым было то, что с этой девушкой можно хоть на один миг расстаться, и еще никогда прежде Андрей не испытывал такого чувства. Он ближе придвинулся к Нине, и от всего того, что происходило в его душе, на мгновение прикрыл даже глаза, чувствуя на лице тело уходящего солнца.

— Я скоро вернусь с Теллуса, — пробормотал он.

...Занятия, тренировки, лекции, консультации. Стремительные, короткие дни, проходящие в треугольнике между космогостиницей в Городе, Управлением космического флота с его тренировочным центром и тем дальним углом Порты, где стоял «Альбатрос». На тридцать чет-

вертый день подготовки, вернувшись вечером в свой номер, Андрей понял, что ничего уж сверхсложного в будущей экспедиции нет, и тогда он слегка растерялся: одна из основных заповедей астролетчика гласила, что расслабляться, успокаиваться нельзя никогда, какой бы легкой не казалась задача. Сейчас он ощущал какое-то странное благодушие; впрочем, наверное, он просто устал, и, значит, надо было как следует отдохнуть. Он нажал на столе кнопку и, когда на экране появилось лицо Нины, извинился — встретиться с ней сегодня он не мог. Нина, как он уже знал, умела понимать все.

А на тридцать пятый день стало ясно — сложностей с экспедицией вполне хватает, и, значит, все встало на свои места. Вечером этого дня они с Ниной предприняли путешествие в соседний город, на концерт заезжей знаменитости скрипача Альтафини, а потом долго были в также знаменитом ботаническом саду с прославленной коллекцией растений, собранных на самых разных планетах и сумевших приспособиться к климату Земли.

Еще через два дня, во время очередной тренировки, в рубке управления «Альбатроса» Женя Пономарев пережег блок К-201, и, чтобы не выходить из графика, техники и инженеры восстанавливали его всю ночь. А наутро вдруг нагрянул с инспекцией генеральный директор, и вот тогда выяснилось, что к экспедиции еще ничего не готово — по мнению директора, тренировки шли малоинтенсивно, и экипаж, увы, не понимал важности и трудности поставленной задачи. Распекая всех пятерых, а заодно и ведущего очередное занятие знаменитого астрофизика, специалиста по теории звезд, генеральный директор по обыкновению улыбался, и лицо его было благодушным и добрым. Единственным, кто осмелился ему возразить, был тихий и застенчивый Крылов. С высоты своего роста генеральный директор рассмотрел его с большим интересом, шумно вздохнул и вдруг снисходительно: «Хорошо рычишь, лев, — громогласно объявил он, — продолжайте!»

Пестрые, шумные, суматошные дни, похожие на калейдоскоп.

Специалисты по сверхдальному космосу начали интенсифицированные лекции о Теллусе, — вернее, о том, что было известно о нем. Известно было очень мало, в основном на лекциях речь шла о предположениях. Предполагалось, что у звезды как минимум восемь планет. Предполагалось, что по крайней мере две из них были земного типа. Из мощных информационных передач, постоянно поступающих с Теллуса вот уже вторую сотню лет, пока поняли только то, что родина цивилизации — вторая от звезды планета, и то, что цивилизация колонизировала обширный район Вселенной в окрестностях своей звезды, и что ее корабли уже проникали на такие расстояния, какие земным кораблям были совершенно неподвластны. Значит, эффект сверхсубсветовой скорости на Теллусе уже был известен? Над расшифровкой сигналов издавна работала специальная Комиссия, и несколько лекций для экипажа «Альбатроса» прочитал ее новый глава, француз Жерар де Брие.

Инженерные службы уже проводили придирчивые экзамены по всему, что касалось устройства и оборудования «Альбатроса». И вот уже только две недели остаются до старта, до начала путешествия, в которое экипаж сверхсубсветовика устремится уверенно и дерзко.

А на пятьдесят девятый день, возвращаясь вечером из Порта в космогостиницу и проезжая, как обычно, мимо научного Центра, Андрей почему-то — позже он с удивлением вспоминал это, — подчиняясь какому-то необъяснимому побуждению, остановил машину у обочины и стал пристально рассматривать каменно-стеклянную громаду Института времени.

В склоненных лучах вечернего солнца здание казалось огромным кристаллом, выравставшим в этом лесу долгие тысячелетия, — кристаллом загадочным, завораживающим воображение. И на несколько коротких мгновений Андрей забыл о том, что возле космогостиницы,

у фонтана на площади Возвращения, его уже должна ждать светловолосая девушка Нина.

5

Все, что было потом, что началось на следующий день после этого вечера, показалось ему причудливым, невероятным сном. Сном, который никак не мог быть реальной действительностью, потому что события его были невозможными. Сном, который вот-вот должен был кончиться, и после него надо было проснуться — с тем чувством облегчения, с каким всегда просыпаешься после тяжелого, неприятного сна.

И странно: потом, всего несколько дней спустя, когда Андрей пытался вспомнить, как именно все случилось, вспомнить все подробно и ясно, во всех деталях, он не смог сделать этого. Все словно было окутано неясной дымкой, скрадывающей второстепенное и едва-едва приоткрывающей главное. Ум Андрея, ясный, строгий ум астролетчика, никак не мог мириться с этой вязкостью, зыбкостью впечатлений, с этой неясной дымкой, окутывающей все происходящее, — ничего подобного прежде в его жизни не было, но события, суматошные, невероятные, невозможные события продолжали оставаться в его памяти ирреальными; и он все острее чувствовал себя человеком, словно бы наблюдающим все со стороны и знающим, что все это не больше, чем сон; просто сон никак не кончается.

Среди этих невозможных и непостижимых событий — прерванное на полуслове очередное занятие и странно изменившееся лицо руководителя, которому, нарушая все неписанные законы подготовки экипажа, какой-то посторонний человек подал сложенную вдвое бумажку. Среди этих событий — сбивчивый, сумбурный разговор с руководителем в соседней комнате, когда остальные члены экипажа «Альбатроса» могли только гадать, почему так неожиданно прервалось занятие.

В окна бил нестерпимый солнечный свет, за окнами еще продолжалось жаркое лето, несмотря на то, что август на календаре уже сменился сентябрем. Свет отражался в полированных до зеркальности деталях тренировочных приборов и расплескивался по стенам множеством солнечных пятен, разбросанных в немыслимом беспорядке. Солнечные лучи пересекали лабораторию в самых разных направлениях, в лучах кружились пылинки, на потолке играли сразу две радуги; и, может быть, именно из-за такой пестрой картины и возникло впервые это ощущение ирреальности, немыслимости происходящего, которое потом еще долго не покидало Андрея.

Он прочитал то, что было написано в записке, положенной на стол руководителю, и прежде всего перед его глазами вновь отчетливо встала эта вчерашняя картина — выросший в лесу огромный кристалл Института времени, внутри которого шла какая-то таинственная, не очень понятная работа. Работа, которая, как говорили все, вот-вот должна была принести результаты.

И вот они, эти самые первые результаты, смысл их изложен в записке.

Он вдруг представил, хотя ни разу не был в Институте времени, лабораторию с приборами, назначение которых было ему непонятно, усталых людей в разноцветных рабочих халатах и установку, которая могла пронзать время, как иглой, высвечивать тонким и острым лучом далекое будущее, чтобы показать на экране его фрагментарные куски.

Андрей встал, в комнате, когда он прошел из угла в угол, гулко отдались шаги. Руководитель, немолодой человек с седой головой и резкими чертами лица, с громким именем одного из самых знаменитых в прошлом капитанов-астролетчиков, следил за ним, и выражение его глаз было непонятным; быть может, он думал о том, как бы повел себя в такой ситуации он сам, скажись сейчас на месте Андрея Ростова, начальника

первой сверхсубсветовой. Быть может, просто ждал — пожилой, опытный, мудрый человек, — что именно теперь сделает его молодой коллега, какое примет решение, потому что сейчас или чуть позже решение надо будет принимать обязательно.

На деталях приборов сверкало солнце. Казалось, комната раскалялась все сильнее, и этого тоже не могло быть на самом деле, это тоже было возможно только в мучительном, тревожном сне. Андрей остановился посреди комнаты, бросил короткий взгляд на руководителя, будто застывшего в одной позе, онемевшего, и пошел к остальным четверым, к своему экипажу.

И среди этих событий, уже несколько дней спустя казавшихся призрачными, ирреальными, — бешено мчащиеся по шоссе Порт — Город машины, и короткий поворот налево, к кристаллу Института времени... Спускающийся по ступеням подъезда навстречу к подкатывающим одна за другой машинам директор Института Хромов... Генеральный директор космофлота, неуклюже, согнувшись вдвое, вылезаящий из машины... Еще какие-то незнакомые люди, теснящиеся у входа и поднимающиеся по ступенькам... И наконец длинная анфилада лабораторий и закрытая чехлами, из-под которых был виден только один экран, непонятная и загадочная установка, пронзающая время.

Он уже потом во всех подробностях узнал, как работала установка, узнал всю историю поисков, которые шли здесь, в Институте времени, уже несколько десятков лет — с того времени, когда впервые появилась практическая возможность подойти к реализации идеи Ларисы Бродецкой о том, что во времени есть «коридоры», по которым можно заглянуть в будущее, что возможно создать установку, которая могла бы пронзать лучом-импульсом время и приносить в настоящее информацию о будущем. Когда-нибудь этот луч-импульс станет послушным, его можно будет направить в любую точку Земли, в любой, заранее определенный миг вре-

мени, и он вернется из будущего с цветной зрительной картиной и звуковой записью, когда-нибудь будет так...

Но теперь, впервые прорвавшись в будущее, луч принес лишь груды смутных образов будущего, смешанных в нелепой последовательности и, видимо, выхваченных из самых разных временных отрезков.

Они впятером, весь экипаж «Альбатроса», сидели перед экраном установки. Здесь было еще очень много людей, люди вздыхали и покашливали, негромко переговаривались, но иногда наступала мертвая, невероятная тишина. Когда запись обрывочных картин будущего прекратилась, ее начали демонстрировать снова. И Андрей Ростов, сжав ладонями голову, снова стал всматриваться в экран, дожидаясь тех слов, которые где-то в будущем были сказаны о его полете на Теллус.

Невероятным было то, что среди обрывочной, сумбурной информации из будущего было и это — слова о том, что ждало экспедицию; но ведь столь же невероятным было абсолютно все: луч-импульс, скользящий сквозь время, экран, освещенный призрачными картинами будущего, принесенные из будущего звуки.

...Непривычно широкая магистраль, заполненная рядами машин, среди которых мелькали иной раз и самые обыкновенные, привычные и сегодня машины, — этот кусок будущего был отделен от настоящего, видимо, совсем небольшим временным промежутком.

...Потом в ореоле цветных расплывчатых пятен — запись была очень нечеткой, обрывочной, — берег моря, на который накатывались волны. Берег был совершенно пуст, только на песке лежала забытая кем-то книга. Ветер шелестел страницами и постепенно засыпал книгу песком. Солнце висело низко над горизонтом, и по волнам тянулась к берегу желтая, слепящая глаза дорожка. Неясной была эта картина, но зато очень отчетливыми, стереофоническими оказались звуки: мерный рокот волн, шелест песка.

...В калейдоскопе цветных пятен, резких вспышек,

мерцающих огней — огромное здание, не похожее ни на что, просто причудливое нагромождение деталей, в которых, казалось, не было никакого порядка. Рядом со зданием, однако, бил самый обыкновенный фонтан. Здание стояло на городской площади, но площадь оказалась странно безлюдной, только в самом углу ее, почти неразличимая на экране, на каменных плитах играла маленькая девочка в белом платье. Эта картина была совершенно немой.

...Ее сменила другая: женщина-блондинка в белом халате работала в химической лаборатории. Здесь все было привычным и совершенно неотличимым от настоящего — такая же в точности лаборатория могла быть и в расположенном неподалеку комплексе химических институтов. Возможно, в этот раз луч-импульс принес кусочек совсем уж близкого будущего, отделенного от настоящего, может быть, днями. Женщина быстро и уверенно занималась своим делом, и Андрей подумал о том — мысль была не очень уместной в этот момент, не обязательной, потому что главным было другое, то, что прямо относилось к его экспедиции; но все-таки мысль появилась, — подумал о том, что, как странно: женщина из недалекого будущего даже не подозревает, занимаясь своей обычной работой, что луч-импульс фиксирует каждое ее движение, каждый жест. В этом было что-то такое, что могло бы показаться, наверное, неделикатным, если не употребить другого слова, более резкого... Но Андрей не мог думать об этом долго, потому что вот уже сейчас, спустя секунды, с экрана снова должны были прозвучать слова, относящиеся к нему самому, к будущему полету «Альбатроса», до старта которого теперь оставалось только двенадцать дней. И вот...

...Померкло четкое изображение химической лаборатории. Теперь по экрану слева направо ползли пульсирующие разноцветные волны. Потом замелькали цветные пятна, но цвета вдруг исчезли, и хаос на экране

стал черно-белым. Изображение не появлялось на экране, но уже были слышны какие-то звуки — сначала неясный шорох, затем какой-то протяжный скрип, и, наконец, по-прежнему без изображения — оно вообще так и не появилось в этом фрагменте будущего, — прозвучали слова, хаотичный и обрывочный разговор двух людей:

— ...я работал, — сказал мужской голос, — я ничего не знал...

Пауза.

— ...Теллус... — сказал другой голос, — космическим экспедициям...

Долгая, продолжительная пауза, и пятна на экране снова стали цветными.

— ...Это что-то невероятное, небывалое, — сказал тот же голос.

Очень короткая пауза, вспышка на экране, вслед за которой среди пятен на мгновение вроде бы мелькнули черты мужского лица и тут же вновь исчезли за пятнами.

— ...Очень печально... — сказал все тот же, второй голос. — Очень... очень жаль...

— ...Неудача, — почти без паузы отозвался первый собеседник, — очень тяжело... Из экипажа «Альбатроса»...

Пауза.

— ...Он остался один... остался один... остался один, — с некоторыми промежутками произнес второй голос, и сразу же на экране вспыхнула картина, относящаяся, бесспорно, совершенно к другому: ослепительно зеленый тропический лес, в глубине которого высилось непонятного назначения решетчатое сооружение. На самом верху его была открытая площадка, где стояли, глядя в одну сторону, несколько человек... Впрочем, такое изображение мгновенно исчезло, уступив место следующему.

Их было еще несколько, этих фрагментарных картин,

выхваченных из будущего и принесенных в настоящее. Потом запись кончилась, ее стали повторять в третий раз. И тогда в третий раз прозвучали эти слова:

— Он остался один... остался один... остался один...

6

Генеральный директор долго перекладывал на своем гигантском столе какие-то бумаги, потом внимательно и неестественно медленно читал, надев очки, одну из бумаг, и губы его шевелились при этом, как будто он повторял текст про себя, чтобы лучше его понять. Дважды в кабинет заходила секретарша — та самая, которая когда-то показалась Андрею чопорной и сухой. Секретарша что-то негромко говорила, и генеральный директор так же негромко отвечал ей. Когда секретарша проходила мимо Андрея, она всякий раз внимательно осматривала капитана «Альбатроса», и выражение ее глаз было необычным — казалось, она что-то подсказывала ими Андрею, что-то говорила... но что?

Ивашкевич, сидя в кресле напротив, нервно барабанил пальцами по крышке маленького стола. Пороховник и Пономарев, оба в красных тренировочных куртках, разместились на диване и с одинаково напряженными лицами смотрели в окно, за которым шла обычная, повседневная жизнь Порты. Там же на диване примостился и Сережа Крылов, он внимательнейшим образом изучал пол под ногами.

Медленно, испытующе, Андрей осмотрел всех четверых. О том, что должно быть сказано вскоре в этом кабинете, он уже знал: ни о чем другом сейчас просто и не могла идти речь. И он думал, что может сказать каждый из экипажа, когда надо будет дать ответ на вопрос генерального директора — дать ответ в первую очередь не для других, а для себя самого, потому что вот это как раз такой случай, когда решение в первую очередь касается тебя, когда оно покажет сначала тебе,

и только потом всем остальным, кто ты и чего ты стоишь.

А что скажет он сам, капитан «Альбатроса»?

Андрей переменял позу и на мгновение прикрыл глаза. Было уже очень многое передумано, казалось, что им-то самим решение уже принято, решение бесповоротное, но вот сейчас он понял: он и сам еще не знает, что ответит, когда придет его очередь отвечать. А почему так? Ответ надо искать не в настоящем, не в сегодняшнем дне, а в прошлом, потому что любой поступок или отсутствие поступка, любое решение или отсутствие решения подготавливаются прошлым. А что было в его, Андрея Ростова, прошлом, прошлом, которое казалось ему всегда...

Но довести эту мысль до конца он не успел — как раз в этот момент генеральный директор отложил наконец бумаги и снял со своего круглого лица очки, которые делали его еще добродушнее, и он, видимо, это знал: во всяком случае, очки он убрал не просто в карман пиджака, а подальше, в ящик стола. «Быть может, он просто боялся начать, — подумал Андрей, — он просто тянул время, чтобы начать этот разговор как можно позже».

Еще несколько минут генеральный директор сидел неподвижно, рассеянно глядя по сторонам. Потом он выпрямился и наконец, словно бы продолжая это движение, встал, и тогда в огромном кабинете стало очень тихо. Но даже в такой тишине бас генерального директора был сегодня приглушенным, непривычно мягким:

— О том, что произошло, все вы знаете, — сказал он негромко. — Среди информации из будущего... впервые полученной из будущего... оказались и сведения, касающиеся «Альбатроса». И сегодня я просил вас собраться, чтобы решить, что мы теперь должны делать.

Экспедиция будет, подумал Андрей, слишком много затрачено усилий на ее подготовку, слишком многого

от нее ждут. И кто-то обязательно полетит, несмотря ни на что, но вот кто?

— Это не ошибка? — быстро спросил Ивашкевич.— Я хочу сказать: установка в Институте времени заработала впервые. Насколько я понимаю, закономерности ее работы не очень-то ясны пока даже специалистам...

Генеральный директор понимающе кивнул.

— Об этом, конечно, подумали. Была создана экстренная специальная комиссия, она проанализировала все, что передала установка. Сомнений здесь нет: мнение авторитетных ученых было единым. Фрагменты, воспроизведенные на экране, действительно были фрагментами из будущего.

В огромном кабинете снова стало тихо. Потом у Крылова вдруг вырвалось:

— Невероятно! Чем больше об этом думаешь, тем более невероятным все это кажется. Невероятно!.. Сведения из будущего... о нас...

— Да, невероятно! — Генеральный директор выпрямился и от этого стал еще выше. — Невероятно то, что первая же передача из будущего принесла информацию о нашем полете как раз накануне его. Согласен с вами — невероятно!

Он высился над своим громадным столом, в этот раз не стесняясь баскетбольного роста. С высоты своего роста он смотрел на пятерых людей, сидевших перед ним, и они могли ему показаться... какими могли показаться?.. Сравнения Андрей так и не нашел.

— Невероятно! — еще раз повторил хозяин кабинета, и голос его теперь был тяжелым, усталым. — Невероятно настолько, что в это просто нельзя было бы поверить, не случись этого на самом деле. Но наше дело сейчас не обсуждать этот невероятный факт, не удивляться ему, а подумать всем вместе, что делать дальше.

Под Ивашкевичем скрипнуло кресло. Крылов оторвал наконец взгляд от пола и стал смотреть в окно. Те-

перь на Порт за окном с одинаковыми лицами смотрели уже трое: Крылов, Пономарев и Пороховник.

«Он остался один... остался один... остался один», — молнией пронеслось в голове Андрея.

Генеральный директор вздохнул и неожиданно вновь достал из ящика стола очки. Надев их, он опустил за стол, и рука его вновь робко потянулась к пачке бумаг, но, словно бы устыдившись такого движения, он резко отдернул ее.

— А теперь, — сказал хозяин кабинета глухо, — когда мы знаем о том, — он кашлянул, — вернее, когда мы можем догадываться о том, что экспедиция окажется крайне тяжелой, может быть, драматической, даже трагичной, должен прежде всего сказать вам, как человек, облеченный высшей властью в космофлоте, что каждый из вас теперь... может теперь... вправе отказаться от участия в экспедиции.

Под Ивашкевичем скрипнуло кресло. С минуту генеральный директор смотрел на загорелого, южного типа человека, сидящего перед ним, с каким-то недоумением, вернее, с каким-то совершенно неопределенным выражением, одним из составных частей которого было недоумение.

— Никто вас за это не осудит. Никто не имеет права осудить. Случай этот из ряда вон выходящий. Раньше по неписаным законам космофлота вы не могли отказаться от участия в экспедиции, теперь же... Как ни скучна эта информация из будущего, ясно одно... Я повторяю снова: никто не имеет права вас осудить, и в первую очередь я не имею этого права. Что скажете вы, Ивашкевич?

Ивашкевич все еще нервно барабанил по крышке стола. Услышав вопрос, он поднял голову, но ничего не ответил. Казалось, что тишина в кабинете густеет. Потом Ивашкевич сделал едва уловимое движение, словно собрался встать, но остался в неподвижности. Он молчал так, словно вопрос относился не к нему, а

к кому-то другому, и тишина в кабинете становилась все веселее, все тяжелее, и как будто сам кабинет становился меньше, вплотную к длинному дивану и гигантскому столу придвигались стены, сужалось пространство, странным образом ограничивая мысли, которым становилось все теснее и беспокойнее.

Андрей потер ладонями виски. Он вдруг ощутил страшную, свинцовую усталость, все тело словно налилось громадной тяжестью, не осталось сил переменить позу, положить ногу на ногу. И он вдруг понял, только теперь понял, что, по сути дела, даже не успел еще толком все осознать, даже пока не смог толком как следует это представить. Представить, что, собственно, стоит за этой передачей из будущего. А стоит вот что: экспедиция на Теллус — это лотерея, в которой из пяти билетов выигрывает один. Только один человек из пяти, сидящих здесь, должен был узнать, чем кончится экспедиция. Только одному суждено дойти до конца и понять, ради чего он прошел этот путь. Только один... но кто?

Теперь перед глазами Андрея вдруг пошли чередой один за другим все эти дни, в которые происходило это удивительное, испытанное им уже не раз, но каждый раз снова поражающее его событие — рождение экипажа, рождение коллектива людей, которым предстояло вместе выполнить какое-то дело и, может быть, вместе подвергнуться смертельному риску. И все было бы, как всегда, и в этот раз: экипаж «Альбатроса» устремился бы в свое путешествие как единое целое, как один человек... Но ведь ни одному экипажу не доводилось прежде заглянуть в то будущее, которое его ждало, никто еще не знал заранее, чем окончится экспедиция. Пусть знание это неточно, обрывочно, приблизительно, пусть неизвестны подробности, но есть самое главное знание — останется только один человек.

Генеральный директор вновь взялся за стопку бумаг и переложил их с правого края стола на левый. Тишина

в кабинете сгустилась до самых последних пределов, и тогда он заговорил снова:

— Понимаете, я говорю сейчас с вами совсем не как генеральный директор космофлота и не как с экипажем сверхсубсветовика «Альбатрос» и его командиром. Сейчас мы с вами просто люди, земляне. Люди, немного растерявшиеся от того, что свалилось на них так неожиданно. Да и кто бы не растерялся! И как человек я должен вам сейчас признаться, что, если б я был в экипаже «Альбатроса», наверное, я бы сейчас сказал... сказал, что я отказываюсь...

— Но ведь следующая экспедиция на Теллус может состояться только через двести сорок семь лет, — неожиданно резко сказал Крылов.

Генеральный директор медленно качнул головой и несколько мгновений смотрел на самого юного члена экипажа.

— Да, двести сорок семь лет спустя.

Лицо его вдруг изменилось, будто его поразила новая, совершенно неожиданная мысль. Некоторое время он словно бы взвешивал ее в уме, пробуя и так, и этак, а потом медленно, с какими-то странными интонациями, понизив голос еще больше, сказал:

— Вы знаете, что это может значить? Если сегодня мы откажемся от экспедиции на Теллус, значит, информация из будущего относится не к нашей, а к следующей экспедиции. К той, которая состоится двести сорок семь лет спустя. — Он помолчал, а потом стал размышлять вслух: — Да, быть иначе не может... Несомненно то, что экспедиция на Теллус когда-нибудь состоится, иначе не было бы этих слов в будущем. Но ведь время, когда они были сказаны, неизвестно...

Люди в кабинете генерального директора вдруг зашевелились, скованность исчезла, позы стали непринужденнее, свободнее.

— Ну, конечно... — пробормотал Ивашкевич.

Пороховник щелкнул пальцами. Пономарев улыбнул-

ся. И сам генеральный директор, как показалось Андрею, испытал облегчение. Отчего-то он искоса, с очень странным выражением посмотрел на Крылова. На несколько минут в кабинете снова воцарилось молчание, но теперь тишина была уже не такой густой, вязкой, как раньше, и стены словно бы вновь раздвинулись. Теперь стало очевидным, что за громадным окном кабинета — прекрасный, залитый мягким солнцем сентябрьский день, день совершенно летний, а не осенний. Солнечные лучи, косо падающие на гигантскую плоскость Порта, как будто впервые осветили и кабинет, и тогда в его лучах стало видно, словно бы впервые видно, какие у всех усталые и осунувшиеся лица, словно после бессонных ночей, и что на лице генерального директора лежат морщины, которых еще вчера не было.

Неслышно через кабинет прошла секретарша и положила на стол пластиковую папку с грифом: «Очень срочно». Не заглядывая в нее, генеральный директор отодвинул папку в сторону и встал.

— Ну что же, — сказал он. — Немедленного ответа я не жду. Подумайте... есть над чем подумать. Можете приходить ко мне не все вместе, а по одному. Пусть каждый думает столько, сколько ему надо. Я повторю еще раз, какими бы ни были решения, никто вас не осудит.

Голос его теперь снова был громовым басом, никак не вязавшимся с добродушным лицом. Он подождал, глядя всем пятерым вслед, и только тогда вновь опустился в кресло и открыл пластиковую папку. Но документы, лежащие в ней, он все еще не читал. Он продолжал смотреть на задвинувшиеся дверные створки, и секретарша, стоя рядом, не напоминала ему ни о чем.

7

«Он остался один... остался один... остался один...»

Андрей с усилием открыл глаза, и тогда все вокруг

снова стало реальным, обыденным: приглушенный полумрак, плотно сдвинутые портьеры, шкаф с одеждой и широкий диван — обычная обстановка, обычный номер в космогостинице, ставший для него почти уже домом. Сколько уже таких домов было в его жизни?

Он знал: если подойти к окну, за шаг до него скрипнет половица. Крышка письменного стола покрыта царапинами, похожими на географическую карту. А кресло мягко и уютно обволакивает тело и словно вбирает в себя усталость. Все в этом доме было знакомо до мелочей.

Он улыбнулся, остатки сна уходили, и тогда подошла Нина и села рядом, и положила руку ему на лоб.

— Значит, я заснул? — пробормотал Андрей.

— Ровно на двадцать минут, — сказала Нина. — Пока я стояла у окна и смотрела, как начинается дождь.

— Дождь? — Андрей упруго поднялся из кресла, быстро пересек комнату, распахнул окно настежь.

В густом сумраке позднего вечера стояла сплошная грохочущая водяная стена. Нити дождя казались туго натянутыми; начинаясь где-то в черноте неба, они уходили в траву газона, они рассекали ветви деревьев и сбивали на землю листья, уже начинавшие желтеть. Дождь наполнял мир мерным рокотом и густым, свежим ароматом. Дождь казался капризным, переменчивым и все-таки добрым живым существом. Он заставлял вспомнить о детстве, когда можно было босиком бегать по лужам, купаясь в струях гигантского теплого душа, о детстве, когда все впечатления яркие и праздничны и совсем не сравнимы с впечатлениями взрослого человека — теперь-то почти всегда все кажется постоянным, привычным и потому незаметным. Но вот сегодня дождь почему-то вновь кажется маленьким чудом. Он начался неожиданно: в темноте рано наступившего вечера незаметно собрались тучи. Он начался сразу, внезапно и, наверное, сразу же превратился в ливень; и вот теперь

хочется долго-долго стоять у окна и слушать шум дождя, вдыхать его запахи и совсем не думать о том, о чем сегодня нельзя не думать. И ничего не говорить.

Андрей закрыл окно, но еще некоторое время смотрел на дождь. Он знал, что Нина следит за каждым его движением, он чувствовал на себе ее пристальный, напряженный взгляд; и он резко обернулся, чтобы сказать наконец то, что он должен был ей сказать, то, что не решался сказать.

— Кто еще полетит, кроме тебя? — спросила Нина очень тихо, спросила так, будто этот вопрос был давно приготовлен, и ей надо было только дожидаться того взгляда Андрея, который сказал ей все окончательно.

Андрей задернул штору. Грохочущий, веселый, земной дождь остался на улице, и в номере космогостиницы вновь стало уютно и тихо.

— Первым отказался Ивашкевич, — сказал он устало. — Потом Пороховник, а последним Пономарев. Об этом мне сказал генеральный директор, сам я их больше не видел. Наверное, им тяжело встретиться со мной. Генеральный сказал, что не может их осудить, и я не осуждаю тоже. Я бы тоже, наверное, отказался... если бы не был сейчас командиром. Значит, остался один Крылов, — он быстро поправился: — Значит, нас осталось двое. Заключительные дни подготовки мы провели вдвоем, занятия были сверхинтенсивными. Лететь на «Альбатросе» вдвоем можно, полет ведь будет совсем коротким.

— Двое, — тихо повторила Нина. — А после полета останется кто-то один...

Он опустил глаза, глубоко вздохнул и стал ходить по своему дому из угла в угол. Он считал шаги: пятнадцать шагов в одну сторону и пятнадцать в другую. Он ждал, что скажет Нина теперь.

— А если лететь одному?

— Вот одному нельзя. По крайней мере, должны быть двое.

— Я знала, что так и будет, — сказала Нина. — С самого начала знала. И что удивительнее всего, я тебя понимаю. Ты понимаешь тех, кто отказался, а я понимаю тебя.

Он посмотрел на Нину, на светловолосую девушку, с которой так странно связалась для него эта экспедиция, потому что впервые встретились они в тот самый день, когда Андрей узнал о будущем полете на Теллус; и на него вновь нашла, захлестнула с головой эта волна немыслимости, ирреальности всего происходящего. Немыслимым казалось то, что с этой девушкой можно расстаться хоть на миг, расстаться и не знать, увидит ли он ее когда-нибудь снова.

— Надо только представить, — пробормотал он, — что ждем все мы от этой экспедиции. А потом представить другое: экспедиция откладывается на двести сорок семь лет, и, значит, потом снова кому-то придется решать, лететь или нет, потому что, если откажемся мы, тогда информация из будущего относится не к нашей, а к той, следующей экспедиции.

— Стоит только представить, — как эхо повторила Нина.

— Ведь ты же знаешь, я обязательно вернусь, — сказал он бодро.

«Я или Крылов», — мгновенно пронеслось у него в голове. «Он остался один... остался один... остался один...»

Нина еле слышно вздохнула.

— Ты ведь даже не успел съездить домой.

— Теперь уже не успею.

Нина зябко поежилась, и он обнял ее.

— А вот ему, наверное, еще тяжелее, — проговорила Нина. — Не только потому, что сейчас он один отвечает за все и за всех. — Она помолчала. — Сергей Крылов — это ведь его сын.

— Сын? — переспросил Андрей машинально. — Чей сын?

— Генерального директора. — Нина хотела, вероятно, улыбнуться, но улыбка не получилась. — Только об этом очень немногим известно. Он считает, что детям только вредит, если их родители знамениты. Он считает, что дети сами должны идти вперед и что цену им должны знать, не оглядываясь на их фамилии. Особенно, если дети делают то же, что и родители... В Управлении об этом знают, вероятно, всего пять-шесть человек. Крылов не настоящая фамилия, псевдоним. Я бы тебе ничего не сказала, если б ты не летел именно с ним.

Андрей поднялся и прошелся по комнате. Перед его глазами встало как наяву лицо Сергея Крылова и рядом — добродушное, мягкое лицо генерального директора. Пожалуй, в лицах действительно было некоторое сходство. Хотя ростом сын явно отстал от отца.

— И он... он разрешил ему отправиться в экспедицию?

— Об этом ты сказал мне сам, — ответила Нина.

Перед его глазами опять стояло лицо Сергея Крылова, юного, застенчивого специалиста по оборудованию сверхсубсветовика, будущего его спутника.

— Его сын, — пробормотал Андрей. — Как же ты об этом узнала, если никто не знает?

Нина вздохнула.

— Обещала никому не говорить. Но сейчас, наверное, можно. Узнала случайно: я дежурила, когда в моем секторе садился одноместный тренировочный корабль. Кажется, он летал к Марсу или Юпитеру, не помню точно. Да это не важно. Редчайший случай: при посадке отказали тормозные двигатели. Пилот был очень юн и не знал, на что решиться. Как положено по регламенту, я тут же сообщила об этом в дирекцию Управления. Через несколько минут в мою диспетчерскую пришел сам генеральный. Он сам стал вести пилота, и я волей-неволей слышала весь разговор. Так вот: фамилия пилота была Крылов, но он однажды, видимо, рас-

терявшись, сам того не желая, назвал генерального отцом. И уже потом генеральный директор мне все объяснил и взял с меня слово об этом не говорить никому.

Она замолчала.

— Расскажи, как корабль опустился, — напомнил Андрей.

— Вместо тормозных двигателей пилот использовал маршевые, но отрегулировал их так, чтобы они только гасили скорость. Это было очень трудно, все нужно было сделать с ювелирной точностью... Впрочем, ты легко это представишь. А когда корабль опустился, генеральный директор сел в кресло и долго молчал, а потом достал из кармана коробку с какими-то таблетками. Потом сказал мне, и эти слова я запомнила: «Если хочешь воспитать настоящего человека, надо с детства дать ему понять, что в первую очередь он должен рассчитывать только на себя самого. Сейчас я ему помог, но это сделал бы на моем месте любой знающий человек, любой специалист. И нет большей беды, когда кто-нибудь с детства усваивает то, что если его отец облечен доверием многих, от него зависят человеческие судьбы, у него много возможностей, то, значит, он должен помогать сыну пройти по жизни не так, как идут другие. Если человек усвоил это с детства, жизнь его может стать трагедией. И не только для него самого, для окружающих тоже». Вот, что он сказал... И еще о том, что Сергей Крылов — его единственный сын.

Если бы пришлось выбирать мне, подумал Андрей, я бы, наверное, тоже выбрал Крылова.

Он сел на диван, усадил рядом с собой Нину и обнял ее за плечи.

— Ты считаешь, что тебе непременно надо лететь? — прошептала она.

— Непременно...

Плечи Нины дрогнули.

— Я это знала.

Он смотрел в ее глаза, и глаза были близкими, понимающими, надеющимися.

— Наверное, — сказал Андрей, — то, что я сейчас скажу, очень банально и известно всем; и все-таки это всегда справедливо. Без риска, без трудностей ничего не бывает, никак не обойтись без этого. Человеку всегда что-то мешает идти вперед. И, знаешь, такая мысль, наверное, уже многим приходила, но я открыл ее для себя сам, и потому знаю твердо — так оно и есть. Человеку, чтобы он шел вперед и вперед, обязательно что-то должно мешать. Трудности вроде бы — помеха, но без них и не уйдешь далеко.

Он тронул рукой волосы Нины, осторожно намотал прядку себе на пальцы и увидел тогда, что в ее глазах заблестели слезы.

8

...Слева, там, где к шоссе вплотную подходил лес, краски были уже желто-красными: надвинулась осень, хотя дни все еще были наполнены солнцем. Но воздух теперь был по-осеннему прозрачен, и звуки тоже стали осенними — гулкими и отрывистыми, и не похожими на приглушенные голоса лета.

На один короткий миг слева, в глубине леса, мелькнули здания научного центра и среди них — вросший в землю кристалл Института времени. Андрей еще глубже вдавил педаль, и тогда ему показалось, что машина не мчится по пустому шоссе, а, приподнявшись над ним, летит.

Он усмехнулся: машина как будто тоже стремилась к сверхсубсветовому пределу и никак не могла его перейти. А сам он это сделает. Поразительное чувство: знать, что совсем скоро Земля останется далеко, и само солнце станет звездой, ничем не выделяющейся среди тысяч других. И что еще немного, и он своими глазами увидит таинственный Теллус... должен увидеть.

Он сбавил скорость, потому что теперь шоссе должно было повернуть направо, и тогда сразу, неожиданно и резко, кончится лес, вместо него появятся длинные корпуса навигационной службы и громадное полупрозрачное здание Управления.

Машина миновала поворот, и все осталось позади: Город, лес, научный Центр, и еще очень многое осталось позади.

Въехав на территорию Порта, Андрей стал лавировать среди множества кораблей. У элегантного корпуса субсветовика экстра-класса «Москва» он на мгновение притормозил. Корабль, его прежний корабль, проходящий профилактику, был сегодня пуст, безмолвен. На несколько десятков дней вернулся он на Землю и вскоре снова уйдет в космос с прежним экипажем и другим командиром. Надежный, верный, испытанный корабль, характер которого он, Андрей Ростов, успел узнать так, как, может быть, никто другой никогда не узнает.

Он вновь нажал педаль, и «Москва» тоже осталась позади.

И вот он, самый дальний угол Порта, где уже столько времени ждет готовый к старту сверхсубсветовик «Альбатрос». Здесь, возле его невзрачного корпуса, стояли в ряд несколько машин, среди которых и машина генерального директора. Все обычно, буднично. И это хорошо, подумал Андрей, что ушла в прошлое традиция, когда каждый новый старт был настоящим событием, когда к кораблям собирались десятки тысяч людей, и все было торжественным, и всем участникам таких церемоний было, вероятно, немного не по себе. А теперь любой новый старт — это не праздник, а прежде всего дело, и поэтому все проходит буднично и по-деловому. Экипаж собирается прямо у корабля, корабль уже готов к старту, свидетели старта — лишь несколько человек, без присутствия которых не обойтись. Не будь особых, исключительных обстоятельств, с которыми связан старт «Альбатроса», сейчас возле него было бы только пять-

шесть человек... Но эти обстоятельства есть, хотя теперь, когда все решено, о них стараются больше не говорить и не думать.

Он выключил двигатель и шагнул на теплые плиты перрона. Сергей Крылов, его спутник, был уже среди маленькой группы провожающих. Андрей вздохнул и медленно, не спеша, пошел к ним. Нина осталась в городе, он просил ее не приезжать к «Альбатросу».

От плит перрона поднимались невидимые волны тепла. Земля дарила экипажу на прощанье прекрасный день, а завтра, быть может, уже начнется настоящая осень.

Шум еще одной подъехавшей машины заставил его оглянуться. Хлопнула дверца кабины, и Андрей вдруг увидел еще одного из экипажа «Альбатроса». Смущенный и растерянный, глядя куда-то в сторону, к нему шел Женя Пономарев.

Андрей остановился. Слегка сощурившись — солнце слепило глаза, — он смотрел, как Пономарев медленно, тяжело идет по плитам перрона. Должно быть, еще на ходу он хотел что-то сказать, что-то объяснить, но слов никак не мог найти и, наконец, просто тяжело махнул рукой, и тогда Андрей очень обыденно, буднично, даже равнодушно сказал это сам:

— Летишь? Что ж, пойдем к кораблю.

Слова прощания были очень короткими. Потом — крепкие рукопожатия, и вдруг выпавшие из рук генерального директора очки, тут же разлетевшиеся вдребезги на бетонной плите, и чья-то шутка, старая, как мир, прозвучавшая сегодня не очень-то весело: «К счастью!» И вот так всегда — трап пружинит под ногами, пружинит всегда одинаково. И это ощущение каждый раз кажется странным, потому что именно в тот момент, когда ступаешь на трап, особенно ясно и остро проявляется ощущение будущего полета. По пружинистым ступенькам поднимаешься вверх, и они ведут вперед, к новому старту. В этот раз — к Теллусу.

Все привычно, буднично, обыденно.

Оставшиеся на Земле молча смотрели, как за тремя людьми, экипажем «Альбатроса», закрывается люк. Теперь оставались только самые последние приготовления — то, чего не мог сделать никто, кроме самого экипажа, — и тогда корабль отправится в дерзкое путешествие, какого еще не начинал человек.

Медленно затворился люк.

На короткое время корабль замер, словно набирая силы перед гигантским прыжком в пространстве. И теперь им, троиим землянам, отправившимся к Теллусу, уже совсем скоро предстояло узнать точный смысл тех обрывочных слов, фрагментов какого-то разговора, состоявшегося в будущем и относящегося к их экспедиции.

* * *

— Экспедиция с Теллуса вернулась! — взволнованно сказал в не очень далеком будущем один собеседник другому по видеосвязи. — А ты, наверное, и не слышал об этом?! Ты ведь всегда узнаешь новости последним, потому что неделями не выходишь из лаборатории.

— Конечно, слышал, вся Земля сейчас говорит об этом! — ответил второй. — Не знаю, правда, пока всех подробностей, но главное знаю. Да и кто не знает сейчас этого. Я РАБОТАЛ... Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ, и вдруг эта новость — «Альбатрос» вернулся на Землю.

— Конечно, нам повезло, что первый полет на ТЕЛЛУС был при нас, — сказал первый. — И знаешь, сейчас мне просто жаль, что наша работа не имеет никакого отношения к КОСМИЧЕСКИМ ЭКСПЕДИЦИЯМ...

— Ты знаешь подробности? — спросил собеседник. — Я ведь, узнав самое главное, снова вернулся к опыту, потому что не могу его оставить.

— Всех подробностей не знает пока никто, — сказал первый. — Но уже и сам факт... ЭТО ЧТО-ТО НЕ-

ВЕРОЯТНОЕ, НЕБЫВАЛОЕ. Впрочем, ждать осталось недолго: после короткого отдыха экипажа мы узнаем больше. Расскажи теперь, как твой опыт?

— Да все то же, — ответил огорченный голос. — Пока сплошные неудачи. К тому же вышел из строя вспомогательный блок и, значит, опять уйма времени ушла впустую.

— Это, конечно, **ОЧЕНЬ ПЕЧАЛЬНО**, — ответил собеседник, — **ОЧЕНЬ...** Сочувствую, **ОЧЕНЬ ЖАЛЬ**, но все-таки в конце концов все получится, должно получиться.

— Просто очередная **НЕУДАЧА**, только и всего, — ответил второй, — а чем больше помех, тем больше мы сделаем. **ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО**, правда, будет восстановить вспомогательный блок... Расскажи-ка мне лучше... Я слышал, что кто-то **ИЗ ЭКИПАЖА «АЛЬБАТРОСА»** остался в системе Теллуса?

— Это правда. Мы ведь еще не знаем всех закономерностей эффекта сверхсубсветовой скорости, и поэтому «Альбатрос», собрав минимальную информацию, едва установив первый контакт, уже должен был возвращаться. Сергей Крылов, один из экипажа, остался там с разрешения командира, чтобы установить с теллусийцами настоящую дружбу. **ОН ОСТАЛСЯ ОДИН**, но, как говорят остальные, не будет чувствовать себя там одиноким. Он **ОСТАЛСЯ ОДИН**, как, например, в древности исследователи оставались в открытых ими странах, чтобы узнать их больше. Впрочем, он **ОСТАЛСЯ ОДИН** ненадолго: теллусийцам эффект сверхсубсветовой скорости давно знаком, им известны все его закономерности. Крылов скоро вернется на Землю на их корабле, с их экспедицией...

ПОД СОЛНЦЕМ МАТРОСА СЕЛКИРКА

1

Грант лежал лицом вниз, с закрытыми глазами, но вспышка, вдруг разорвавшаяся в черной мгле небосвода, была столь ярка, что он увидел свет. С усилием он разомкнул веки. Вспышка уже погасла, вокруг снова была плотная, упругая чернота.

Снизу, из долины, донесся глухой рокот, похожий на затухающие раскаты грома.

Это гроза, сказал себе Грант. Сколько же времени он не попадал под грозу? Год, два? Однако это не важно. Важно то, что вот сейчас гроза уйдет, небо очистится от черных туч, и снова выглянет солнце. Тогда можно будет разуться, походить по траве босиком, и трава, словно впитавшая в себя мокрый заряд бодрящего электричества, отдаст его человеку. После этого пройдет гнетущее, давящее оцепенение.

Новая вспышка разорвала тьму, и Грант увидел то, что и должен был увидеть: черные и неровные громады скал вокруг, груды пустых жестянок из-под консервов в нескольких метрах от себя, и совсем рядом — неподвижные тела Дугласа и Мартелла.

Он вскочил на ноги. Из долины снова донесся грохот. Происходило что-то непонятное, может быть, таящее угрозу, и надо было действовать. Прежде всего, нащупав в темноте переносную стойку, на которой была укреплена лампа, Грант включил свет.

Мартелл, когда лицо его осветилось, слабо пошевелился. Он приподнялся на локтях, только потом открыл глаза и повертел головой.

— В палатку! — крикнул Грант. — Надо укрыться!

Мартелл с трудом встал. От слабости он раскачивался из стороны в сторону, и видно было, что все происходящее с трудом доходит до его сознания. А сам Грант с усилием уже сбросил с себя оцепенение, и его

мысли стали четкими и ясными, ощущение непонятной опасности словно бы высвободило специально скрытые именно для такого случая силы. Он встряхнул Мартелла, и у того из стороны в сторону дернулась голова.

— Я не знаю, что это такое, — крикнул Грант ему в лицо, — никогда не видел ничего подобного, но на всякий случай в палатку! Помогите... Дугласа...

Вдвоем они приподняли Дугласа, и в этот момент опять полыхнула ослепительная вспышка. Свет ее казался концентрированным, он обволакивал тело, давил на лицо. И, видимо, Дуглас тоже ощутил это давление, потому что открыл глаза.

— Ты встань, — сказал ему Грант мягко, — надо пройти только несколько метров.

— Дайте воды, — прохрипел Дуглас, — пить...

Шаг, еще один, потом еще. По сути, Гранту пришлось тащить двоих, потому что Мартелл, поддерживающий Дугласа с другой стороны, тоже едва переставлял ноги. Но наконец они добрались до решетчатого сооружения, похожего на миниатюрную башню, собранную из деталей детского конструктора, и Грант отпустил Дугласа, который сразу же рухнул на колени, увлекая за собой Мартелла. Но теперь трое людей могли чувствовать себя в безопасности, что бы ни произошло. Грант быстро нажал несколько кнопок, и мгновение спустя людей накрыл купол «палатки», как называлось в обиходе невидимое защитное поле диаметром в несколько метров. Оно представляло собой неодолимую преграду для любого внешнего воздействия — никто не мог сквозь него проникнуть, — а также для всех излучений. Правда, теоретически могли существовать и неизвестные доселе виды излучений, и совершенно непредставимые виды физического воздействия; но пока еще человек нигде не сталкивался с ними и, значит, защиту можно было считать надежной.

Нашупав на ремне фляжку, Грант свинтил пробку и смочил водой губы Дугласа. Тот слабо пошевелился и

снова затих. На секунду Гранту тоже захотелось лечь на землю и закрыть глаза, но он справился с собой, потому что снизу после очередной вспышки снова донесся рокот. Там определенно происходило что-то необычное, потому что в долине не было ничего, что могло бы стать причиной шума. Шум, очевидно, каким-то образом был связан с вспышками в небе. Таило ли это все какую-то угрозу или нет? Во всяком случае, за всем, что происходило, надо было по меньшей мере понаблюдать. Грант, на мгновение выбравшись из палатки, выключил лампу. Все вокруг снова было залито чернильной мглой.

Еще раз разорвалась вспышка. Грант вдруг понял, что они следуют друг за другом через равные промежутки времени. Прикинув по памяти примерный интервал, он стал ждать очередную, но время шло, а небо-свод оставался черным. Вот и все, подумал Грант с неожиданной тяжестью на душе, то, что было непонятным, прошло, ничего больше не будет; и, значит, силы, вдруг обострившиеся при неведомой угрозе, уйдут.

Но непонятное и необъяснимое не исчезло, на дне долины теперь закрутился призрачный хоровод холодных голубых огоньков. Они вспыхивали и гасли, перелезали с места на место, то увеличивая скорость, то почти застывая в неподвижности, сталкиваясь друг с другом, и снова разлетались в стороны. Несколько долгих минут Грант оцепенело следил за этим беспорядочным движением, и в его голове столь же беспорядочно проносились обрывки мыслей.

Чем все это могло быть? Атмосферным явлением? Галлюцинациями из-за голода, потери сил? Сначала вспышки, потом рокот, потом суета огоньков — что дальше? Но в беспорядочной суете мыслей Гранта постепенно проявлялось что-то главное, потому что внизу, в долине, среди прыгающих огоньков стал медленно проявляться какой-то темный контур, и в конце концов Грант понял, что это было такое.

Он обхватил голову руками. Спасение пришло раньше, чем они на это рассчитывали. Не то спасение, какое должно было прийти, но ведь это не имело никакого значения. Трем голодным, измотанным людям невероятно повезло. Еще немного, и все кончится, им помогут, не могут не помочь. Надо только дать сигнал, показать, что здесь, на ровной площадке в скалах, нависших над долиной, кто-то есть.

Грант стал включать и выключать свет. Яркость его, конечно, не столь велика. Свет мешал смотреть вниз, но он представлял, что там сейчас происходит: все более четким, определенным становится темный контур неизвестного корабля, потому что ничего другого не могло быть.

Ясно, что это не земной корабль, так как земные корабли садятся на планеты иначе. Они проходят сквозь атмосферу таким образом, что за ними можно уследить взглядом, а не проявляются вдруг на том месте, где только что ничего не было. Но в конце концов все это не важно: откуда бы ни взялся корабль, как бы ни был устроен, каким бы способом ни передвигался, на нем, очевидно, есть экипаж, а экипаж должен помочь потерпевшим кораблекрушение.

Грант лихорадочно включал и выключал свет, посылая вниз беспорядочные сигналы. Наконец он погасил лампу и, оставшись в темноте, стал напряженно вглядываться в долину. Но там ничего нового не произошло: чужой корабль ничем не отвечал на мольбу о помощи.

Понятно: оттуда, из долины, сигналов не было видно. В долину надо спускаться самому. Он снова включил свет.

Мельком взглянув на неподвижно лежащих Дугласа и Мартелла, Грант подошел к самому краю обрыва. Вобщем-то, перебираясь с камня на камень, с одного выступа на другой, вниз было совсем нетрудно спуститься, но при условии, что спускающийся видит, куда

он поставит ногу в следующий момент. В полной темноте задача невероятно усложнялась. Но рассвет придет только через пять-шесть земных часов, а кто знает, что случится за это время. Неизвестному кораблю, может быть, придет фантазия улететь, и он улетит, и его экипаж так никогда и не узнает, что здесь, всего в каком-то километре от места посадки...

Грант отыскал возле палатки моток веревки. Длина ее была стандартной, до дна, очевидно, должно было хватить. Он подумал: в общем, и в темноте, держась за веревку и действуя на ощупь, тренированный, полный сил человек без особых приключений спустился бы по скалам. А вот его самого никак не назовешь полным сил. Те силы, что остались, это последние силы, надо отдать себе в этом отчет. Ноги налиты тяжестью, непослушны, руки могут не удержаться на веревке. Если так и случится, его падение ничем не поможет Дугласу и Мартеллу. Разве что только ему самому. Он сорвется, и в этом случае все разом будет кончено.

На краю обрыва Грант выбрал здоровенный камень и закрепил веревку, несколько раз обмотав ее вокруг основания и завязав узлом. Моток, разворачиваясь, с сухим шорохом полетел вниз. Грант услышал, как конец его ударился о камни у подножия обрыва, и, немного помедлив, начал спускаться.

Это оказалось невероятно трудным. Опускаясь, не сразу, нога находит камень, пробует его прочность, другая нога ищет еще одну опору, руки сантиметр за сантиметром перебирают веревку и дрожат от напряжения. Еще одна опора, можно спуститься ниже, вот еще какой-то выступ скалы...

Колено обожгла острая боль, и Грант едва удержал в руках веревку. Тело словно налилось свинцом, в ушах послышался тяжелый звон. Из всех сил сжав пальцы, Грант повис на веревке, пережидая, пока пройдет боль. Наверное, колено ударилось о какой-то выступ. Хорошо, подумал Грант, что ударился ногой, а мог сильно

повредить локоть, и сейчас уже лежал бы внизу на камнях.

Боль затихала. Как обычно бывает при сильных ушибах, она вернется несколько часов спустя, и тогда, возможно, он вообще не сможет ходить. Но пока способность двигаться оставалась, значит, нельзя было терять времени. Он спустился лишь на несколько метров, не поздно и не столь уж трудно вернуться. Секунду колебавшись, Грант стал спускаться дальше.

Минут сорок спустя он почувствовал под ногами твердую поверхность, попробовал ее ногой в нескольких местах, понял, что добрался до подножия, и, тяжело дыша, опустился на каменистую почву долины.

Все вокруг было по-прежнему покрыто чернильной мглой. Отдышавшись и, чувствуя, что бешено колотящееся сердце успокаивается, Грант всматривался в темноту, ожидая, что вот-вот в ней снова проявятся бегающие огоньки, но проходили минуты, а темнота оставалась непроницаемой и упругой.

Грант почувствовал, как мрачной волной внутри его поднимается безнадежность отчаяния. Вскочив, он крикнул в темноту что-то непонятное ему самому и побежал, ничего не видя, в ту сторону, где совсем недавно рисовался корпус корабля, сулящего еду, тепло, спасение. Боли в колене он сейчас не чувствовал, но через несколько минут налетел на камень и тяжело упал, однако тут же поднялся и прошел, хромая, еще немного по этой непроницаемой тьме, и остановился, окончательно поняв, что ничего он не сможет сделать. Он даже не может вернуться назад. Оставалось лишь дожидаться рассвета, и Грант опустился на землю и обхватил руками голову, в которой кипел невероятный хаос из нетерпения, надежды, невероятных предположений и отчаяния, которое становилось все глуше и темнее.

Рассвет пришел так же, как и всегда приходил на этой планете: чернильная тьма почти мгновенно сменилась ослепительным светом. Перед Грантом расстила-

лась каменистая, коричневого цвета долина, а вернее, просто мрачная огромная площадка без признаков растительности и какого-то живого движения. Она была такой же пустой, как вчера, позавчера, и как в тот первый день, когда они впервые увидели ее. Долину оживлял только силуэт «Арго» поблизости, их собственного крошечного космического катера, бесполезного теперь, потому что был исчерпан запас топлива. Бесполезно было что-то искать, но Грант, ковыляя, все-таки пошел вперед и еще долго бродил среди камней. Он не нашел ничего, никаких следов того, что тут происходило что-то загадочное, непонятное, никаких следов того, что здесь вообще что-то происходило.

Потом он медленно, тяжело вернулся к обрыву, нашел свою веревку и с огромным трудом взобрался наверх. Колено болело все сильнее.

Грант выключил лампу, свет которой уже был почти невиден в ярком сиянии золотого солнца, быстро поднимающегося по небосводу, прошел мимо палатки, мимо неподвижных тел Дугласа и Мартелла и осмотрел оставшийся запас продуктов, которые он держал в расщелине в камнях.

Остались полтора десятка консервных банок, наполовину пустой бочонок с водой, почти совсем опустевшая емкость с концентрированным бульоном и фляжка с коньяком, к которой пока не притрагивались.

Надо будет их как следует накормить, пронеслось в голове Гранта, может быть, лучше сразу и основательно подкрепить силы, а не поддерживать существование крошечными порциями, как это делалось до сих пор. Может быть, легче потом будет переносить просто голод, а не обман его с помощью этих порций.

Грант выбрал самую большую из банок, потом взял еще одну, пошел к палатке, оглядываясь по сторонам в поисках брошенной где-то печки. И — от усталости, боли в колене, голода и отчаяния — потерял сознание и ткнулся головой в крупный каменистый песок.

Эта планета не имела названия, потому что о ее существовании прежде никто не знал, и, оказавшись на ней, Грант, Дуглас и Мартелл сами дали ей имя — Хуан-Фернандес.

Так называются на Земле острова в Тихом океане, на один из которых попал когда-то матрос-шотландец Селкирк, ставший прообразом Робинзона Крузо. А Грант, Дуглас и Мартелл тоже оказались в положении робинзонов, так что название было вполне оправданным. Правда, в отличие от злополучного матроса они имели возможность послать сигнал бедствия и знали, что помощь придет: оставалось только дожидаться прилета «Торнадо».

Небольшая звезда, вокруг которой обращалась планета, одновременно с ней тоже получила имя — Солнце Матроса Селкирка. У звезды-то, правда, какое-то название, наверное, уже было, но они его не знали, дали свое. Случилось это в самый первый день, когда три робинзона были еще безмерно счастливы и веселы, потому что спасение казалось чудом.

А сейчас, пройдя над коричневыми и темно-серыми громадами скал, над ущельями и долинами необитаемой планеты Хуан-Фернандес, Солнце Матроса Селкирка стояло прямо над лагерем, разбитым пришельцами, и убийственным жаром дышало на три безжизненных тела, распростертых на маленькой ровной площадке среди остроконечных каменных глыб на краю обрыва.

Грант, самый молодой из робинзонов, пришел в себя от того, что раскаленный воздух душил его легкие. Он с трудом приподнялся и включил защитное поле палатки. Солнечные лучи, отразившись от него, перестали жечь, и Грант вздохнул легче. От слабости кружилась голова, вернее, казалось, что в ней крутится что-то. Он тяжело опустился на колени и стал всматриваться в лица своих спутников.

Исхудавшее, почерневшее лицо толстяка Мартелла было перекошено странной гримасой. Губы его неясно шевелились, будто в забытьи он что-то произносил шепотом. Длинное тело Дугласа было неподвижным. Он лежал лицом вниз, и коротко стриженный затылок казался окаменевшим. Дрожащей рукой Грант потряс Дугласа за плечо, и тот пошевелился, перевернулся на спину, открыл глаза и прохрипел, бессмысленно глядя в небо:

— Сейчас я оденусь... спущусь на обед...

Вскочив на ноги, Грант кинулся к продуктам.

В этот раз он расщедрился: разогрев на электронной печке три банки с консервами, разложил содержимое по трем тарелкам, а горячий бульон разлил по чашкам. Обычно они ели прямо из банки, по очереди, а банка была одна на всех. Микроскопические порции были следствием того, что робинзоны рассчитали свой рацион, исходя из количества наличных продуктов и времени, когда должен был прилететь корабль «Торнадо». Через пару недель после прибытия на Хуан-Фернандес они почти полностью потеряли силы и проводили время в полузабытьи, а ждать оставалось еще около земного месяца. И теперь отчаяние, безмерная усталость, жалость к друзьям и самому себе заставили Гранта приготовить почти роскошный обед, а там будь что будет.

Это было просто поразительно: силы возвращались к измученным людям прямо на глазах. Грант видел, как разглаживаются складки на лице бывшего толстяка Мартелла, как розовеет высохшее лицо Дугласа. Сам он тоже ощущал давно не испытываемый прилив сил. Ели в полном молчании, с ожесточением скребя ложками по дну тарелок. Когда роскошный обед закончился, все трое не утолили голода полностью, но все знали, что после двух голодных недель нельзя набрасываться на еду, и сдерживали себя. Обед запили водой, в которую Грант щедро добавил коньяка. Потом Мар-

телл откинулся назад, вытянулся на земле и впервые нарушил молчание:

— Может быть, так и лучше, — сказал он с усмешкой. — Глупо себя истязать.

— Точно, — пробормотал Дуглас, — с голоду помереть мы всегда успеем.

Грант потер ноющее, опухшее колено, вдруг вспыхнула боль; и тогда он вскрикнул, но не от боли, а от того, что в памяти молнией высветились события прошлой ночи.

Он совершенно о них забыл! Совершенно!!

Осознав это, Грант начал лихорадочно искать ответ — почему? Да не потому ли, думал он, что ничего просто и не было, что все это — грохот и вспышки, огоньки в долине и призрачный контур неведомого корабля, представляли лишь болезненные, беспорядочные, нереальные видения, пронесшиеся в мозгу, измученном от отчаяния и голода? Но боль в колене была вполне определенной, и конец веревки все еще был обмотан вокруг камня на краю обрыва, и, значит, в самом деле случилось нечто такое, что заставило его в крошечной мгле, рискуя сломить себе шею, спускаться в долину.

Сдерживая сильно забившееся сердце, Грант налил в чашку воды, плеснул туда коньяку и протянул чашку Мартеллу.

— Этой ночью ты ни на что не обратил внимания? Отхлебнув, Мартелл помотал головой.

— Припомни!

— Шум какой-то был, — сказал Мартелл после паузы.

— Что-нибудь еще?

— Постой... Да вот, зачем-то с тобой тащили Дугласа в палатку. Вроде это было на самом деле.

— Не помню, — сказал Дуглас.

Мартелл передал чашку Дугласу, а Грант резко встал и сморщился от боли в ноге.

Значит, все было на самом деле! Было!!

На самом деле внизу, в долине, какое-то время был неизвестный космический корабль, которому он не сумел подать знак бедствия.

На мгновение в душе Гранта снова глухой стеной поднялось отчаяние, но он тут же взял себя в руки. В конце концов, подумал он, кто были хозяева корабля? Мала вероятность враждебности, ни разу еще не испытывали этого земляне, и все-таки. А помощь придет, корабль «Торнадо» в пути, и они дождутся его, потому что они люди мужественные, стойкие. Они доказали это: и ученый Стив Дуглас из Монреаля, и журналист Клод Мартелл из Нанта, и, видимо, сам он, Грант, второй штурман пассажирского лайнера «Антарктида». Они доказали это тем, что стойко переносили мучения голода, не молили о лишнем кусочке, не смотрели друг другу со злобой в рот, сумели сохранить, говоря выпендренно, достоинство и честь. Если так, они выкарабкаются. Могло ведь быть много хуже, скажем, если б воздух на Хуан-Фернандесе не был пригоден для дыхания. Баллонов с воздушной смесью ненадолго хватило бы. Но робинзонам повезло, потому что приборы после посадки «Арго» показали: воздух не идентичен полностью земному, но не содержит вредных примесей и по составу вполне пригоден для дыхания. Так не раз уже бывало на многих планетах, но, разумеется, не на всех: на большинстве планет, населенных разумными существами или необитаемых, земляне высаживались только в скафандрах.

Они выкарабкаются! Можно еще день-два питаться нормально; потом снова перейти на микроскопические дозы, хоть как-то поддерживающие существование... Они должны дотянуть до прихода помощи.

А пока, на всякий случай, надо перенести лагерь вниз, в долину.

Без особой надежды на этот всякий случай, но все-таки случившееся однажды может повториться. Соб-

ственно, они и собирались с самого начала разбить лагерь внизу, рядом с «Арго», а потом, во избежание всяких неожиданностей, забрались повыше. Тогда они еще не знали, что здесь можно ничего не опасаться: ни диких зверей, ни опасных приключений.

Грант энергично растер колено.

— А теперь вот что, — распорядился он деловито, — теперь нам всем надо немного поработать.

Мартелл и Дуглас подняли головы.

— Силы у нас пока есть, — бодро сказал Грант. — Так что спустим лагерь вниз.

Оба его спутника послушно, без слов, встали на ноги. Оба были старше Гранта, причем Дуглас был старше лет на двадцать пять, но оба с самого же начала безоговорочно приняли его руководство как нечто само собой разумеющееся. В конце концов на «Антарктиде» оба были туристами, а Грант, несмотря на молодость, был профессионалом космоса. Три года полетов за спиной, а на туристских и пассажирских лайнерах персонал, как известно, подбирается особенно тщательно. И второй штурман, что тоже известно, играет не самую последнюю роль в общей работе экипажа.

— Что-нибудь случилось? — спросил все-таки Дуглас.

Грант посмотрел на дно долины.

— Я имею основания считать, — сказал он, немного поколебавшись, — что этой ночью внизу находился какой-то космический корабль. Не земной, он не был похож на наши корабли. В космосе такие события бывают, — добавил он, стараясь для своих спутников говорить как можно спокойнее. — Добраться до него я не успел, он улетел. Но в любом случае теперь нам лучше жить в долине, потому что они могут прилететь снова, и это будет помощь раньше, чем прибудет «Торнадо».

Дуглас застыл на месте, растерянно глядя на Гранта. Солнце Матроса Селкирка сверкало на его голом черепе. У Мартелла отвалилась челюсть, и он безуспеш-

но пытался закрыть рот. В других условиях выражение обоих лиц показалось бы донельзя комичным, но Грант улыбнулся не поэтому. Просто в нем вдруг поднялась теплая волна какого-то чувства, не имеющего точного определения: смесь нежности и уважения к двум этим людям, совершенно «земным» и в чем-то даже нескладным, а вот надо же, сумевшим, попав в экстремальные условия, оказаться мужественными, словно античные герои, бывшие научной специальностью историка Дугласа, не потерять присутствия духа и надежды.

И в одно мгновение перед глазами Гранта промчались несколько картин.

Первая: катер «Арго» только что опустился на Хуан-Фернандес, они взяли пробу воздуха, вышли наружу. Для Дугласа и Мартелла это вообще первый выход на планету, где прежде никто не был. Легко ли психологически решиться ступить в чужой мир без скафандра, без всякой защиты, поверив на слово мальчишке-штурману, что никакой опасности нет?

Картина вторая. Передатчики «Арго» после определения координат потерпевших бедствие дали сигнал о помощи. Подсчитано, когда помощь может прийти, и вместе с тем подсчитан запас оставшихся продуктов. Ясно одно: жить до прихода помощи придется впроголодь, и это еще мягко сказано. Установлен крохотный дневной рацион. И ни слова протеста, никаких вопросов и жалоб со стороны Дугласа и Мартелла. Надо как можно меньше расходовать энергии, лучше все время лежать, не делая лишних движений, и оба послушно лежат, изредка принимая смехотворно малые крохи пищи, и чахнут на глазах. Все меньше остается сил, но оба без слов терпеливо ждут, когда придет помощь, целиком доверившись ему, Гранту.

А до этого были многие дни в крошечной рубке на «Арго», когда катер шел наугад, без руля и ветрил, пока не наткнулся на неизвестную и необитаемую планету Хуан-Фернандес рядом с Солнцем Матроса Селкир-

ка. Тоже дни не для слабых духом. А что могло бы быть, если б спутниками Гранта оказались на «Арго» какие-то иные люди?..

— Все вопросы потом, — сказал Грант, — сначала поработаем.

Лагерь был свернут быстро. В нем и не было ничего, кроме палатки, лампы и продуктов плюс всякие мелочи. Сначала вниз на веревке спустился Мартелл, потом ему спустили вещи, и наконец до подножия скалы без приключений добрались Дуглас, а затем и сам Грант. Новый лагерь разбили рядом с бортом Арго, и вскоре трое робинзонов вновь вытянулись на каменистом крупном песке рядом с решетчатой опорой палатки. Они устали.

Дуглас, понятно, уставший больше всех, быстро задремал, ничего не говоря. Мартелл, сохранивший вновь обретенную после обеда свою обычную французскую живость, мало вязавшуюся с его полнотой, напротив, засыпал Гранта шквалом вопросов о том, что именно тот ночью видел в долине и можно ли быть уверенным в том, что на Хуан-Фернандес в самом деле садился неизвестный корабль. Да в самом ли деле, подумал Грант. Он вздохнул. Снова пришла мысль: огоньки в долине были ясными, отчетливыми, а вот контур корабля вполне мог лишь пригрезиться полумертвому от голода человеку. Ясно только одно, если снова вспомнить слова Дугласа: что-то непонятное действительно происходило ночью в долине, но мало ли что может происходить на неизвестной планете, даже если на первый взгляд она не сулит никаких неожиданностей.

— Ты вот что, — сказал Грант, — поменьше жестикулируй. Побереги силы. Нам «Торнадо» еще ждать и ждать, а раньше, может, никто и не накормит.

Мартелл послушно сложил руки, однако не умолк. Теперь он тараторил про книгу, которую непременно напишет, как только вернется на Землю. Книгу о тех необыкновенных космических путешествиях и приключе-

ниях, что выпали на долю ему, Клоду Мартеллу, репортеру из газеты «Нант», выходившей в городе Нанте, о необыкновенном успехе и переизданиях. Но речь журналиста становилась все невнятнее, и, наконец, не договорив слова, он тоже погрузился в сон.

Солнце Матроса Селкирка медленно клонилось к закату, длиннее становилась тень от «Арго». Некоторое время Грант следил за движением светила по небосводу, а потом встал. Ночная тьма должна была прийти только спустя часов пять-шесть. Прихрамывая и морщась от боли, Грант пошел в долину, и чужое солнце смотрело ему вслед.

3

Часа через два Грант в первый раз остановился и стал осматриваться. По его расчетам, он уже должен был дойти до того места, где ночью водили хоровод огоньки, но вокруг не было ничего примечательного. А собственно говоря, что он рассчитывал здесь увидеть? Вот этого Грант и сам не знал и, более того, в глубине души даже не верил, что обнаружит в долине какие-то следы необыкновенных событий. Впрочем, и само место, где происходило нечто, найти было не так-то просто, потому что тьма, в которой Грант был ночью, скрывала все ориентиры и расстояния.

И все-таки он пришел сюда снова. Пришел, потому что это было лучше, чем просто сидеть у «Арго», и потому что сил у него осталось больше, чем у двух других людей.

Вокруг, во все стороны, видно было одно и то же: плоская равнина, окаймленная скалами. На всей планете это была единственная ровная поверхность, в этом трое землян убедились, когда накручивали вокруг неизвестной планеты виток за витком. Планета была сплошным нагромождением остроконечных скал с одной долиной — огромной площадкой. Правда, по ней тоже бы-

ли разбросаны камни, большие и маленькие, но все-таки здесь можно было совершить посадку. Здесь и сели они на «Арго». И здесь же этой ночью сел, а потом снова улетел неизвестно чей корабль.

Грант присел на ближайший камень и потер колено. Под каблук попался какой-то странный круглый предмет. Быстро наклонившись, Грант схватил его и тут же разочарованно отбросил в сторону. Камень, обычный круглый камешек. Бесполезно искать здесь что-то. Незвестные корабли садятся на эту планету так, что не оставляют никаких следов: ни камней, опаленных огненными языками, которые выбрасывают посадочные двигатели, ни каких-то ненужных больше экипажу вещей, например, пустых консервных банок...

Грант подставил лицо Солнцу Матроса Селкирка. Теперь, когда он сидел на камне в самом центре долины, им овладело какое-то странное спокойствие. Наверное, причиной стал небывало роскошный обед. Хорошо было просто сидеть, отдыхая перед обратной дорогой, и не думать ни о чем. Вернее, думать обо всем понемногу.

Об этой планете Хуан-Фернандес, ранее неизвестной. О двух людях, его спутниках, лежащих сейчас возле «Арго», двух людях, за которых он был в ответе. О будущей книге журналиста Клода Мартелла, которая, видимо, в самом деле будет везде пользоваться успехом, потому что речь в ней пойдет о приключениях не совсем обычных. Редки в космосе приключения, давно ушли в прошлое героические времена первопроходцев, все обычно и обыденно, особенно на туристских рейсах, вроде тех, что выполняет комфортабельный лайнер «Антарктида». И все-таки приключения закрутили в вихре непредсказуемых событий второго штурмана «Антарктиды» и двух пассажиров и выбросили их наконец на необитаемый берег.

Грант усмехнулся, потому что вдруг представил себе страницы еще не написанной книги Мартелла. Какой

же это будет поток красок, эмоций, восторженности! Вот сам бы он написал обо всем пережитом проще, в стиле тех коротких записей, что заносятся в судовой журнал. А ученый-историк Дуглас, специалист по узким проблемам античных времен, если б ему тоже пришла фантазия описать все, что произошло, вероятно, создал бы произведение, представляющее собой нечто среднее между стилем Гранта и стилем Мартелла. По-разному все эти рассказы восприняли бы читатели и по-разному все представили себе. А между тем все трое, понятно, пережили одно и то же.

Он встал, пора было отправляться в обратный путь. Прихрамывая, Грант двинулся к темной, едва приметной точке «Арго», а память, раз уж вернувшись к тому, что было пережито до посадки на этой планете, заново выстраивала всю цепь событий, в результате которых они оказались здесь. И он окунулся в них, вдруг удивившись тому, что, по сути, впервые — а ведь сколько времени прошло! — припоминает все по порядку.

Под ногами Гранта сухо скрипел крупный песок, перед глазами были разбросанные по долине камни, большие и маленькие, но видел и слышал он сейчас совсем другое.

...«Антарктида» с двумя сотнями пассажиров на борту совершала обычный туристский маршрут, включающий несколько планетных систем. Туристов ждали достопримечательности: археологические раскопки на четвертой планете системы МВ-33, уникальная планета, представляющая собой по составу сплошной изумруд, открытая экспедицией Петрова — Джонсона, несколько цивилизаций разных ступеней развития, но не вышедших пока в космос, за которыми можно было наблюдать издали, не высаживаясь на планетах.

Еще одной достопримечательностью была Голубая Дымка: неизученное космическое образование, мимо которой «Антарктида» должна была пройти на приличном расстоянии. Природа Голубой Дымки была неизвестна,

можно сказать, что о Дымке вообще ничего не знали, хотя открыли ее уже довольно давно. Внешне она и была просто Голубой Дымкой — пульсирующим облаком приличных размеров, а что скрывалось в ее недрах? Ни один из разведывательных зондов, посланных к ней, назад не вернулся; все словно бы растворилось в Голубой Дымке. Вместе с тем никаких признаков опасности она вроде бы не таила, по крайней мере внешне. Голубую Дымку продолжали изучать, неподалеку от нее была развернута постоянная исследовательская станция, работа которой пока не дала никаких результатов.

В чем не было недостатков, так это в гипотезах. О Голубой Дымке спорили, она интересовала не только специалистов, а всех, потому что любого человека всегда тянет к неразгаданной тайне. И не было ничего удивительного в том, что двое туристов с «Антарктиды», всемирно известный историк Стив Дуглас из Монреаля и репортер из Нанта Клод Мартелл, жившие в одной каюте, заходя стали упрашивать капитана Здравко Танева подойти к Голубой Дымке возможно ближе. Не было ничего удивительного и в том, что капитан им наотрез отказал, и отказывал еще долго, пока наконец не распорядился выделить в распоряжение ученого и журналиста крошечный катер «Арго» и второго штурмана Диму Гранта. Этого не случилось бы, если б в душе капитан не питал глубокой слабости к древней истории, что было известно всем. И эта слабость дорого обошлась капитану Таневу: несмотря на все тяготы вынужденного робинзонства, Грант не хотел бы оказаться на его месте — капитан, бесспорно, сейчас ночей не спал, хотя уже знал, что все кончилось сравнительно благополучно. Впрочем, еще не кончилось.

«Арго» отошел от «Антарктиды» в глубокой тайне от всех других пассажиров. И вроде бы капитан Здравко Танев ничем не рисковал, потому что инструкции, данные им Гранту, были строги и определены: оста-

ваться от Голубой Дымки на самом безопасном расстоянии. Во всяком случае, постоянная исследовательская станция находилась гораздо ближе к Дымке, чем эта строго определенная капитаном граница. С этого безопасного расстояния Мартелл и Дуглас могли вволю поснимать космический феномен, вволю полюбоваться им и оставить в душе неизгладимые впечатления и воспоминания.

Что касается журналиста, его любопытство было вполне понятным. К тому же он жил в городе, где некогда родился великий фантаст Жюль Верн. Но Грант никак не мог уразуметь, почему Дымка так притягивала к себе историка, специалиста по античным временам. Сам он не проявлял к Дымке особого интереса: он уже трижды проходил рядом с ней, был знаком с гипотезами и с некоторыми из тех людей, что работали на исследовательской станции возле Дымки.

Но случилось так, что сама Голубая Дымка проявила интерес к крошечному катеру «Арго», и это было совершенно неожиданно и невероятно. В конце концов, если ее так заинтересовали земляне, совсем рядом и уже давно была исследовательская станция. Как бы то ни было, Дымка вдруг протянула к сторону «Арго» длинный голубой язык-протуберанец, все произошло мгновенно, и катер оказался в плотной голубой мгле.

Грант даже поежился, припоминая первые минуты после этого. Связь с «Антарктидой» мгновенно прервалась, приборы словно обезумели, давая какие-то совершенно невероятные показания. И почти сразу же мгла исчезла. Исчезла и вся Голубая Дымка. Но не было больше поблизости и ни «Антарктиды», ни исследовательской станции. Приборы продолжали показывать нечто несусветное. И далеко не сразу штурман Дмитрий Грант сумел понять, что произошло труднопредставимое: каким-то чудом катер «Арго» оказался совсем в другом месте Вселенной, причем там, где еще никогда не проходили маршруты земных кораблей.

Как и что произошло — это для гипотез. Возможно, Голубая Дымка — некая внепространственная структура, непостижимым образом связывающая самые разные точки Вселенной. Но меньше всего о гипотезах помышляли в первое время трое землян на борту крошечного катера, занесенного неизвестно куда. На борту был лишь аварийный запас продуктов и воздуха для дыхания. Катер двигался наугад, конец трех людей был предрешен. Однако, словно героев старинного морского романа, их выбросило на неизвестный и необитаемый берег, каким оказалась планета Хуан-Фернандес, — планета, воздухом которой можно было дышать. Это было чудом. Еще во время беспорядочных скитаний на «Арго» удалось наладить связь с ближайшей, но все-таки очень далекой звездной системой, освоенной людьми. Но не будь чуда, спасти их не успели бы. А теперь — помощь оттуда уже летит, и если б было достаточно продуктов...

Под ноги Гранта попался еще один круглый камешек. Форма его была идеальной. Так, может быть... Повертев камешек в руках, Грант отбросил его в сторону. Нет, те, что были ночью в долине, не оставили никаких следов. А что им понадобилось на планете Хуан-Фернандес, какой смысл был садиться на несколько часов? Это было словно насмешкой — сесть совсем рядом с лагерем трех полумертвых от голода людей, которые нуждались в помощи, и тут же улететь.

Подчиняясь ассоциации, мысли Гранта вернулись к его спутникам. С ними ему повезло, могло быть хуже. До последней возможности он таил от них правду, пользуясь тем, что они не разбирались в приборах; а потом стало ясно, что Мартелл с Дугласом интуитивно поняли, что произошла не просто катастрофа, а что-то страшное, и сами как могли старались подбодрить юного второго штурмана. Твердые, мужественные люди! И в конце концов приключение завершится. И, возможно, приключение приблизит ученых к разгадке тай-

ны Голубой Дымки. Значит, все это было не зря — скитания на «Арго», голод.

Грант вдруг представил: вот где-то сейчас продолжает рейс «Антарктида», капитан которой веселый болгарин Здравко Танев. А в другом месте Вселенной находится сейчас «Торнадо», корабль, мчащийся им на помощь с капитаном Карелом Стинглом. Вообще у каждого, кто сейчас в любой точке космоса, есть какое-то дело, и только они втроем обречены на мучительное бездействие и должны вдобавок как можно меньше двигаться, сохраняя силы. Было в этом что-то обидное и унижительное. А ведь могло бы их пребывание на Хуан-Фернандесе стать изумительно деятельным: если б он успел добраться до чужого корабля. Это была бы встреча с цивилизацией, по меньшей мере равной земной.

Не случилось!

Надо было себе в этом признаться: он устал. Все-таки уже несколько часов бродит по долине. И снова его терзает голод, не утоленный до конца. Когда все останется позади, он обязательно будет сам себе готовить, потому что нет наслаждения выше — видеть, как, например, румянится на твоих глазах цыпленок, сдобренный чесноком, слышать, как шипит на масле тонко отбитое мясо, вдыхать запахи, способные свести с ума, все время «подправлять» блюдо, добавляя то того, то этого, и только потом сесть за стол с крахмальными салфетками, хрусталем и фарфором...

Мысли Гранта беспорядочно прыгали, и нога болела все сильнее. Наверное, зря он пошел в долину, он ведь наперед был почти уверен, что ничего не выйдет. Но катер «Арго» был уже почти рядом, Грант видел неподвижных Дугласа и Мартелла. Осталось несколько сотен шагов.

Грант подумал: он делает один шаг, а за это время корабль «Торнадо», приближаясь, одолевает совершенно не укладывающееся в голове расстояние, и на душе у него стало легче.

Следующим утром, немного поколебавшись, Грант снова вскрыл сразу три консервные банки и разогрел бульон.

— Гир во время чумы, — пробормотал Дуглас, но отказываться не стал.

Мартелл, блестя голодными глазами, встретил роскошную трапезу с восторгом.

— Так мы, конечно, прикончим все запасы значительно быстрее, — объявил он, плотно набив рот, — но я хотел бы, чтобы вы знали: голод человеку не столь уж страшен. В двадцатом веке один человек, и, между прочим, мой соотечественник, пересек Атлантику в резиновой лодке, питаюсь только тем, что мог поймать в океане. А вообще можно не есть хоть месяц и выжить. Страшна только жажда. А с водой у нас...

— По утрам бывает роса, — утешил Грант, — будем облизывать мелкие камешки. Тучи тоже иногда собираются, может дождик пойти.

— Это заманчиво, это перспектива, — вздохнул Мартелл. — За нами прилетает корабль, и нас находят полумертвыми от голода, с мелкими камешками во ртах.

Во время сытной еды Дуглас заметно повеселел.

— Или находят просто мертвыми, — вставил он, широко улыбаясь. — Это будет научная загадка: почему у нас во рту камешки? Куропатка набирает себе зоб камнями, но человек.. Представляете, сколько будет споров у тех, кто нас найдет, разные гипотезы, столкновение мнений... Симпозиумы, конференции! Хотел бы я послушать выступления!

— Мы напишем предсмертную записку, где все объясним, — решил Мартелл, ожесточенно скребя ложкой по дну тарелки. — Незачем доставлять лишние хлопоты хорошим людям, которые так милы, что летят нам на помощь. У них и так будет полно забот. Опознать, кто

из нас кто, а это сейчас нелегко, доставить тела на Землю и все такое...

— Да ты просто античный герой! — восхищенно молвил ученый — историк Стив Дуглас. — Ты Аякс! Ахилл!

— Ты специалист, твоя похвала особенно весома. Но какой уж я есть, — скромно отозвался Мартелл.

Грант не сдержал улыбки.

— Послушайте, герои! — сказал он. — Вас вообще могли бы не найти, что с камешками во ртах, что без них. Если б мы чудом не наткнулись на эту благословенную планету, вы бы давно уже перевели весь запас воздуха для дыхания.

— Но ты бы тоже уже не дышал, — резонно заметил Мартелл.

Тарелки опустели в один миг, еду запили водой. Снова становилось жарко, и трое людей забрались под защиту палатки. Разгорался еще один день на Хуан-Фернандесе, один из многих. Все трое вытянулись на земле, глядя в бездонное небо. Где-то там, еще далеко-далеко, мчался к Хуан-Фернандесу «Торнадо». И, словно угадав мысли Гранта, Дуглас уже всерьез спросил:

— Грант! Сколько нам еще ждать?

Молодой штурман помедлил с ответом. Он покосился на высохшее лицо Дугласа и увидел, что оно, как всегда, было совершенно спокойным.

— Они прилетят, — ответил он, стараясь попасть в прежний шутливый тон, — некоторое время спустя после того, как мы все съедим и начнем облизывать камешки.

Дуглас не отозвался. Вместо него разговор поддерживал журналист. Теперь он тоже был серьезен.

— Грант! Все-таки что ты думаешь об этом корабле... чужом, который прилетал?

Штурман вздохнул.

— Что я могу думать? Говоря по правде, я до сих пор не знаю, было ли все это на самом деле.

— Гул в долине на самом деле был, — сказал Мартелл.

— И огоньки тоже, — ответил Грант. — А вот сидит корабля... Иногда я точно знаю, что видел его, а иногда чувствую, что не могу утверждать этого наверняка. Мало ли что может померещиться с голода.

— Теперь, когда лагерь внизу, — произнес Дуглас, — надо бы по ночам на всякий случай дежурить. Если вдруг еще раз...

— Вот я и подежурю сегодня ночью, — сказал Грант.

Мартелл обиделся.

— И я тоже могу подежурить.

— Завтра подежуришь. У нас еще масса времени.

Некоторое время все трое молчали. Потом Грант сказал:

— А лучше бы нам все это выкинуть из головы. Был ли тут кто-то, не был, это совершенно все равно, потому что больше никого нет, надо надеяться только на «Торнадо». Кроме него, никто уж больше не прилетит, так не бывает.

— И все-таки это странно, — не унимался Мартелл. Он даже привстал, чтобы удобнее было жестикулировать. — Прилететь только на несколько часов, неизвестно зачем! Ну скажи, Грант, как специалист: за каким таким чертом корабль садится на планету только для того, чтобы тут же снова улететь? Ты понимаешь, я даже не о том, что нас не спасли, просто интересно, что это за такой корабль?

— Я не знаю, так вроде бы действительно быть не должно, — чистосердечно ответил Грант. — Только не забывай, что это не земной корабль. А кроме того, эта часть Вселенной нам совершенно неизвестна. Здесь могут происходить самые непонятные вещи.

— Ойкумена, — пробормотал Дуглас.

— Ойкумена, — повторил Грант. — И все-таки лучше бы нам всем молчать. От разговоров только аппе-

тит распаляется. Неужели вам не о чем подумать? Я, например, думаю о том, что у меня никак не проходит колено.

— Ладно, — проворчал Мартелл, — давайте молчать и не двигаться. Что нам остается?

Они замолчали, и мысли их улетели в три разные стороны.

Колено у Гранта в самом деле ныло, но размышлял он сейчас все-таки не об этом, и далеко не веселым было то, что проносилось у него в голове. Сейчас еда взбодрила всех троих, дала силы, но если продолжать в том же духе, запас продуктов кончится через несколько дней, и тогда наступит не жизнь впроголодь, как в первые две недели на Хуан-Фернандесе, а настоящий голод. И ничего нельзя сделать на этой бесплодной, каменной планете, чтобы раздобыть хоть что-нибудь, пригодное для еды. Когда за ними прилетит «Торнадо», экипаж найдет... Нет, решил Грант, с завтрашнего дня надо будет снова перейти на строжайшую экономию. Крошечная порция на каждого, как можно меньше движения... Они уже знают: по-настоящему голод мучает только первые несколько дней. Потом наступает какое-то притупление всех чувств, вялость, апатия... Ничего уже не хочется, и все-таки это жизнь.

Невыносимо обидно такое растительное существование, и все-таки это жизнь, а не смерть!

Грант взглянул на товарищей. Оба лежали, закрыв глаза, словно это помогало еще больше экономить силы. Выключив защитное поле, он встал и направился к «Арго».

Катер был совсем крошечным: шлюзовая, рубка с тремя креслами, отсек с радиоаппаратурой. Плотнo закрыв за собой дверцу отсека, Грант опустился на место радиста. Пришло время очередного сеанса контрольной связи. Минуту спустя к спасательному кораблю умчался сигнал вызова.

Когда пришел ответ, Грант почувствовал, как сильно

колотится у него сердце. Контрольная связь осталась единственной ниточкой, связывающей их с привычным миром, и казалось просто чудом, что здесь, на громадной каменной глыбе, какой, по сути дела, была планета Хуан-Фернандес, могут звучать голоса людей, ведущих нормальную, деятельную жизнь.

— Привет, Карел! — сказал Грант. — Какие новости?

Карела Стингла он знал, они вместе проходили практику на учебном полигоне пять лет назад, и сейчас Грант чувствовал радость от того, что он не только слышит голос, но и может представить человека, говорящего с ним. Знал он также и обоих членов экипажа «Торнадо», и это было лишним подтверждением старой космической истины, что Вселенная бесконечна, но мир тесен.

— Идем на максимум, — ответил Карел. — Все в порядке. Задержки не будет.

Видно было, что он изо всех сил старается подбодрить Гранта.

— Новости есть, — сказал он. — Есть новая гипотеза о том, что представляет собой Голубая Дымка. Гипотеза, понятно, основана на вашем приключении. Хочешь послушать? Только она мудреная, а я не специалист.

Грант послушал и быстро понял, что он тоже не был специалистом.

— Еще чего нового? — спросил он, раздумывая, рассказывать ли Карелу об огоньках в долине и померевшемся силуэте неизвестного космического корабля.

— Капитан Фалин, тот, что два года назад потерпел крушение на необитаемой планете в системе ТМ-82, шлет вам всем привет и добрые пожелания. Если нужны его советы, можно через «Торнадо» устроить с ним связь.

— Спасибо, — сказал Грант, — но вроде бы мы и

сами знаем, как нам жить. Поблагодари. При встрече мы с ним обменяемся впечатлениями.

— Что же, — бодро произнес Карел, — тогда черкни на календаре еще один день. Не так уж много осталось. У вас самих ничего нового?

— Что может быть у нас нового? — сказал Грант, решив наконец ничего не говорить. Увиденный им корабль, сгоньки в долине и ночной шум вполне могут принять за голодные галлюцинации, нервное расстройство и встревожиться за них больше, чем следовало. — Ведем растительный образ жизни.

— Бывает хуже! — бодро сказал Карел. Немного подумав, он не очень уверенно добавил: — Грех вам жаловаться! Ведь вы планету открыли! Вы же Магелланы, Колумбы... Опять же приключения, Голубая Дымка. Да ты ведь мечтал о приключениях, вместе мечтали.

— Ладно, завидуй, — ответил Грант и вдруг пожаловался, хотя, в общем-то, не собирался этого делать: — Ты не представляешь, Карел до чего невыносимо лежать, лежать и ничего не делать. И знать, что ничего от тебя не зависит, что ничего не можешь сделать.

Видимо, Карел давно был готов рано или поздно услышать такую жалобу. Во всяком случае, ответил он без запинки:

— Ты стихи в уме сочиняй. Ты же, наверное, влюблен в кого-то...

— Это идея, — одобрил Грант и снова представил энергичное и загорелое, как ему казалось, лицо капитана Карела Стингла и мысленно сравнил его с изможденными лицами Дугласа и Мартелла. Своего лица после посадки на Хуан-Фернандесе он еще не видел, потому что не хотел смотреть в зеркало.

Он закончил сеанс связи, вернулся к палатке, снова включил защитное поле, вытянулся на земле рядом с неподвижными Дугласом и Мартеллом. И медленно, невыносимо медленно потянулось время. Если считать в

сутках Хуан-Фернандеса, то шли пятнадцатые сутки робинзонады. Эти сутки были только немного короче земных.

5

К исходу двадцатых суток Грант приблизился к завершению своей рифмованной автобиографии. Он пробовав строки на разный лад, шепча их запекшимися губами, искал варианты и часто сбивался, потому что его мозг снова измучился и ослабел от скудной еды. Сбившись, он в который раз начинал читать все с самого начала в надежде разогнаться по уже проторенной колее и с разгона преодолеть трудное место.

То, что было сочинено раньше, врезалось в память, казалось, навсегда и словно бы стерло из памяти все остальное. Во всяком случае, только одни эти стихи горели сейчас в голове Гранта; он забыл обо всем остальном, что было когда-то важным и существенным, и снова и снова твердил строки, которые в любой другой ситуации ему самому показались бы нелепыми, корявыми и наивными, но в этот момент были для него исполнены глубокого, а вернее, единственного смысла. Он повторял их, то беззвучно шепча, то переходя на голос, одни и те же слова, не заботясь о том, что о нем могут подумать лежащие рядом и тоже потерявшие последние силы Дуглас и Мартелл.

Самые разные картины проносились перед глазами Гранта вместе с этими неуклюжими, напыщенными, но не казавшимися сейчас такими строками: вступительные экзамены на навигационные курсы, учебный центр на Марсе, а потом первая дальняя практика. И города Земли, куда он возвращался на каникулы, ее континенты, края холодные и жаркие, океаны и острова, джунгли и реки; Земля, в каждом уголке которой стремился он побывать, истосковавшись по ней в черной пустоте, снова начинавшей его манить здесь, на Земле; музыка

Земли, ее книги, краски великих картин... Первый рейс с самостоятельными обязанностями... Ошибки и просчеты, исправленные теми, кто был рядом, а вместе с тем первые личные достижения... Самые разные люди, с какими довелось встретиться... Дорогие ему люди... «Антарктида»...

Долина снова была в полной мгле; сначала на небе зажглись было чужие звезды, выстроив непривычный рисунок, но потом погасли, скрытые сгустившимися туманами.

И в этой чернильной мгле опять вдруг разорвалась яркая вспышка, как днем осветившая камни и скалы, корпус «Арго», трех людей, лежащих рядом. Некоторое время спустя издали донесся глухой рокот, он был похож на затухающие раскаты грома.

Грант сел. В ярком свете, пусть и длился он короткое мгновение, сразу словно бы выцвели все строки, только что теснившиеся в уме. Сознание сразу стало ясным и напряженным. Грант ждал, что будет дальше, чувствуя, что так же напряжены и Дуглас с Мартеллом, тоже вынырнувшие из своих видений.

Через какое-то время в черной мгле снова разорвалась вспышка, и Грант вскочил на ноги. Справа от него поднялся Дуглас, а слева Мартелл, и Грант сжал оба локти.

Из долины снова донеслись раскаты, похожие на гром. Грант почувствовал, что оба его спутника вздрогнули.

— Снова, — прошептал он. — Это то же самое. Сейчас я пойду в долину. Пойду один. Так будет лучше.

Новая вспышка, потом рокот. Грант впился глазами в чернильную мглу.

— Сейчас появятся огоньки, — пробормотал он, — вы будете здесь, будете меня ждать...

Мартелл сделал движение, высвобождая локоть из пальцев Гранта, но Грант только сильнее сжал их.

— Будете ждать, — повторил он, — я не знаю, что

это такое, не знаю, что случится, и я пойду один, а вы будете ждать. И до тех пор, пока я не вернусь, ни тот, ни другой не двинутся с места.

Осторожно, но с силой он пригнул обоих к земле, а потом шагнул в темноту. Когда в небе взорвалась новая вспышка, Грант обернулся и увидел, что Дуглас и Мартелл, опустившись на землю, смотрят ему вслед.

В этот раз Грант был спокоен и хладнокровен. Не было смысла идти в темноту на ощупь. Он нашел шлюз «Арго», пробрался в рубку и, включив освещение, нашел мощный фонарь. Вновь выбравшись наружу, он провел длинным лучом фонаря по долине, потом опустил круг света под ноги и пошел.

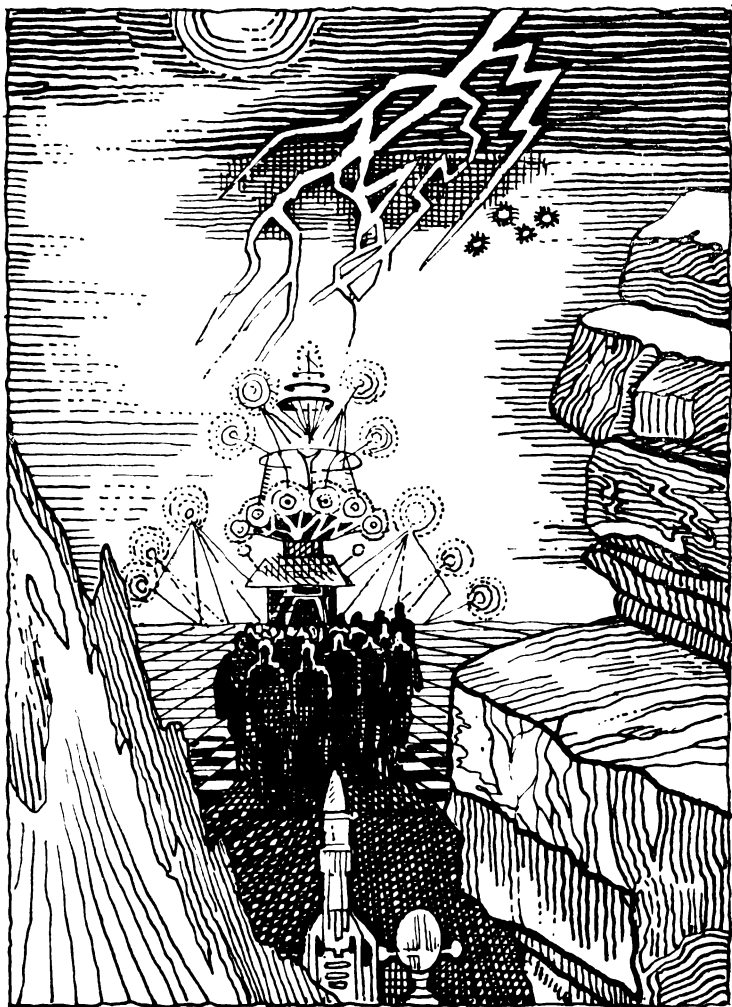
Волнения почему-то не было. Вспышки непонятного происхождения, шум, изредка раздававшийся в долине, и то неведомое, что ждало впереди, представлялись само собой разумеющимися; должно быть, в самой глубине души он ждал, что, случившись однажды, все это должно повториться, и уже настроился на встречу с неизвестным, тем более что пока все происходило точно так же, как в первый раз.

Впереди, где-то в центре долины, появились прежние блуждающие огоньки. Грант быстро шел к ним, почти не чувствуя боли в колене. Он знал, что в этот раз, когда среди огоньков проявится корпус чужого корабля, он успеет подойти к нему.

Что должно было произойти потом?

Но вот об этом Грант и не думал в те минуты; прежде всего надо было подойти к ним, дальше все должно было определиться само собой. Интересно, крутилась у него в голове одна и та же мысль, это был тот же самый корабль, что прежде, или какой-то другой?

Когда впереди в хороводе огоньков действительно проявился темный контур корабля, Грант прибавил шагу. Иногда он поднимал фонарь и посылал в сторону корабля сигналы, на которые пока никто не отвечал. В темноте трудно было определить расстояние до силу-

эта. Если он не успеет дойти, подумал вдруг Грант, и корабль улетит, завтра он опять не найдет места, где был корабль. Но только он успеет, в этот раз успеет...

Он успел гораздо раньше, чем предполагал. Корабль — еще мгновение назад казалось, что он еще далеко, — вдруг оказался прямо перед Грантом, и от неожиданности он остановился, как будто наткнулся на невидимую преграду. Только теперь он почувствовал, как у него бешено заколотилось сердце, и почему-то погасил фонарь. Медленно, осторожно Грант пошел вдоль чужого корабля.

Корабль был большим, не меньше «Антарктиды», только совершенно на нее непохожим. Во-первых, удивительный факт, — он был наполовину прозрачным, и сквозь его стены можно было видеть как бы подсвеченную изнутри непонятную мешанину из непонятных деталей. Во-вторых, формы его были совершенно лишены привычной и казавшейся необходимой обтекаемости, линии были очерчены прямолинейно и даже грубо. И вместе с тем — это было даже странным — во всем облике такого сооружения угадывались мощь и стремительность.

То, что произошло дальше, позже Грант никак не мог вспомнить с полной отчетливостью. Память по непонятной причине сохранила только какой-то калейдоскоп впечатлений, перемешанных самым причудливым образом. Но у этого мелькания были определенное начало и определенный конец, была какая-то последовательность; и сначала Грант увидел, как в стене корабля открылся проем и наружу длинной чередой стали выходить фигурки в скафандрах, направляющиеся в сторону, к россыпи больших камней неподалеку. Призрачные огоньки, что повсюду мелькали до этого, теперь слились в единое облако света, хорошо озаряющее окрестности.

Стоя в темноте, Грант некоторое время наблюдал за фигурками.

Насколько можно было судить издали, фигурки имели полное сходство с человеческими и были примерно такого же роста. Даже скафандры напоминали те, что были на катере «Арго». Пришельцев было много, вереница фигурок, выходящих из корабля, никак не прерывалась. Сразу же Гранта удивила поразительная целеустремленность процессии: неизвестные шли быстро, как будто стремились тут же выполнить какое-то определенное и хорошо им знакомое дело.

Медленно и осторожно, с выключенным фонарем, Грант двинулся к этой таинственной процессии, представляя, как все сейчас произойдет. Он, человек Земли, и эти неведомые существа, очевидно, стояли на близких ступенях развития; вероятнее всего, они немного опережали землян, судя по тому, как необычно, совсем не как земные, чужой корабль совершил посадку. Землянам еще не доводилось встречаться со сходными цивилизациями, все открытые прежде стояли ниже. И значит...

Чувствуя, как все сильнее колотится сердце, Грант подходил ближе. Вереница фигурок наконец прекратилась, они окружили один из больших камней и застыли, словно ожидая чего-то. Через несколько мгновений Грант был уже совсем рядом с ними, он уже вступил в облако света...

Но в этот момент и начался необыкновенный калейдоскоп впечатлений.

Снова наступили полная темнота и тишина. Потом словно вдруг что-то открылось внутри Гранта, спала пелена с глаз и ушей, и в его душу ворвалась величавая мелодия красок и звуков. Сначала ему показалось: перед глазами проходят одна за другой картины живописцев прошлого, сопровождаемые музыкой, но он тут же понял, что на самом деле не видит этих картин, что они открываются внутри его самого и что они не статичны, как настоящие картины, а наполнены живым действием и странным образом связаны с ним самим.

Но эти картины вместе с тем не были конкретными и определенными, просто это буйство красок и звуков рождало неясные ассоциации и что-то такое открывало внутри его, открывало в нем для него же самого то, о чем он и не подозревал прежде.

В его сознании качались зеленые ветки сосен на фоне ослепительного и бездонного неба, и он вдруг вспомнил, как любил смотреть на них в детстве, лежа где-нибудь на теплой траве лесной поляны и мечтая о том, что предстоит сделать и представляя, каким он станет. Он слышал шум разбивающихся о камни волн и чувствовал на лице их брызги, и в то же время словно бы флейта играла на берегу, и мелодия звала куда-то далеко-далеко, туда, где он никогда не бывал, но где столько интересного и неизвестного.

Ему вдруг словно открылись одновременно тысячи лиц людей, с которыми случалось встречаться, и многие были уже полузабыты, но всплыли в памяти снова; они говорили ему что-то наперебой, слов, конечно, нельзя было понять, но совершенно ясен был главный смысл, тот смысл, что заставляет человека идти вперед и делать завтра то, чего он не может сделать сегодня, потому что завтра он будет знать больше, больше будет уметь и сам станет другим — мудрее и лучше.

Он почувствовал, что не стоит на земле, а парит в потоках теплого воздуха высоко-высоко и одновременно видит сверху и то, что осталось за спиной, и то, над чем он еще пролетит. Он летел, и ощущение невесомости дарило ему уверенность в том, что все в его руках, что он может сделать все, что только захочет, все ему по плечу, на что ни замахнись. И он поднимался все выше и выше, потому что ему хотелось увидеть сверху как можно больше. Внизу искрились радостные, бодрящие краски, но, когда он был на самом верху, они стали сливаться в один цвет, ярко-оранжевый, самый бодрящий и радостный; и в этот момент все исчезло. Сначала было темно, а потом перед глазами снова появились

фигурки в скафандрах, прежней вереницей переходящие к соседнему камню.

У Гранта бешено колотилось сердце. Ошеломленный, потрясенный, он все еще переживал этот необыкновенный и никогда не испытанный прежде тугой комок ощущений — полет, дерзкое устремление вперед, осознание могучих сил, таящихся внутри и жаждущих освобождения, чтобы совершить невероятное. Он пришел в себя не сразу и не сразу вспомнил, зачем он здесь, неподалеку от неизвестного корабля, фигурок в скафандрах, уже вставших в кружок возле второго камня и почему-то не обращающих на него никакого внимания. Он пошел к ним, но едва успел сделать несколько шагов, как снова все исчезло, и наступили мрак и пустота, за которыми потом пришли новые краски, звуки и ощущения.

Краски теперь были резкими и рождали в душе жгучее недовольство. Грант бился над решением какой-то задачи, решение было совсем близко, но оно все ускользало, никак не даваясь. Мысли были неуклюжими и медленными, как будто к ним привязали гири.

Затем Грант почувствовал себя внутри бурного, сбивающего с ног потока, ему надо было во что бы то ни стало преодолеть его, а он не мог сдвинуться с места. Еще несколько мгновений безрезультатной борьбы, и Грант ясно ощутил, что он разделился на несколько частей и одновременно шел по разным дорогам, ведущим в разные стороны. Но только одна дорога была правильной, однако по ней он двигался гораздо медленнее, чем по всем остальным. С ужасающей отчетливостью он понимал, что делает совсем не то, что надо было делать, но ничего не мог исправить; в то время, как он все быстрее двигался по неверным дорогам, на единственно правильном пути все больше замедлялся его шаг, и наконец он совсем застыл на месте. В душе Гранта мрачной волной нарастало недовольство собой, оно заглушало все остальные чувства, вырастая до ни-

когда не испытанных прежде пределов. Все, что было сделано в жизни не так, как следовало, все упущенные возможности, неверные поступки, ошибки осознанные и неявные, все это слилось в зловещий клубок, который становился все больше в размерах и тяжелее, пока наконец не взорвался чернильными брызгами, которые тут же слились в одно черное пятно.

В следующий миг Грант снова увидел то, что было реальным. чужой корабль неподалеку и его загадочных хозяев, которые теперь уже выстраивались возле третьего камня. Обхватив руками пылающую голову, Грант некоторое время стоял неподвижно. Жгучее недовольство собой, желание немедленно, прямо на месте переиначить то, что когда-либо сделано не так, не уходило, и не сразу он пришел в себя. Шатаясь, уже не думая ни о чем, ничего не пытаясь понять, Грант выкрикнул что-то неясное ему самому и снова пошел к пришельцам, но опять, как только он приблизился к ним, глаза и уши ему закрыла черная непроницаемая пелена.

На этот раз она размылась не сразу, а постепенно. Очень мирными и спокойными были проявляющиеся ощущения, краски и звуки.

Звуки были похожи на шум ласкового летнего дождя, такого дождя, когда на небе вроде бы нет даже туч, а он все равно идет, и люди, попав под него, по-доброму улыбаются.

Мир теперь был наполнен зеленым цветом, но зелень была не сплошной, а делилась на множество тонких оттенков, таких оттенков, каких не различит глаз обыкновенного человека, но легко улавливает изощренный глаз художника. Хорошо было окунуться в спокойное это море зелени! Оно порождало в душе полное умиротворение, ощущение абсолютного отдыха, когда забывается все, что тревожит, печалит, грызет. Это ощущение хотелось продлить до бесконечности, никогда не выныривать из него. Но краски стали бледнеть, звуки гаснуть; и Грант опять стоял на бесплодной долине чу-

жой планеты, среди камней, рядом с которыми ходили неизвестно откуда прилетевшие существа в скафандрах.

Теперь Грант не испытывал такого потрясения, как прежде, на душе его было все так же спокойно и легко, и это дало ему возможность впервые как следует разглядеть их. Под прозрачными шлемами видны были головы, отличающиеся от человеческих разве что только формой: они оказались почти идеально шарообразными. Круглые лица с двумя глазами, носом и ртом казались из-за этого воплощением добродушия. Грант успел еще удивиться тому, что эти существа, окружившие четвертый камень, на него не обращали ровным счетом никакого внимания, словно бы его и не было рядом с ними, и в тот же миг он снова был сначала накрыт черной пеленой, а потом подхвачен водоворотом густо концентрированных чувств и ощущений, которые в этот раз оказались гораздо более сложными и никогда не изведанными раньше. В них совершенно нельзя было разобраться, они давили и мучили, и Грант вынырнул из них опустошенным и безмерно уставшим. Он чувствовал, что у него подгибаются ноги, как будто он только что совершил какую-то геркулесову работу, у него градом катил пот со лба, а в голове тяжело катался свинцовый ком. Больше всего хотелось лечь навзничь и закрыть глаза.

Но шеренга фигурок уже окружала новый камень, и внутри Гранта опять что-то отворилось для новых красок и ощущений...

А потом — сколько прошло времени, он не знал, потому что все происходило как бы вне времени, — Грант почувствовал, что у него совершенно нет сил. Он не мог больше двигаться, не мог думать. Все, что он испытал, переходя от камня к камню вслед за вереницей пришельцев, сложилось в груз, какого он не мог выдерживать. Сквозь его душу пронесся необыкновенный вихрь: чувства, абсолютно незнакомые, неизведанные раньше, чередовались с простыми и понятными, но обостренны-

ми и дошедшими до необыкновенных пределов — добротой, нежностью, гневом, отчаянием, восторгом. Он открывал в себе то, о чем прежде не мог подозревать, многие давние поступки, казавшиеся ясными и бесспорными, вдруг обрели другой смысл; Грант бывал иногда велик, а порой жалок, он сам смотрел на себя то с высоты, то снизу вверх, а иной раз ему вдруг открывалось то, каков он для других людей; он ощущал себя то мудрецом, постигшим все тайны мира, то глупым несмышленищем, едва прикоснувшимся к тому, что давным-давно открыто для всех остальных... Буря, пронесшаяся по душе, уходила, но следы ее остались и не давали покоя.

И, стоя возле последнего из камней, на краю их россыпи, задавленный всем пережитым, Грант неподвижным взглядом смотрел вслед фигуркам в скафандрах, уходившим к своему кораблю и становившимся все меньше. Каким-то уголком мозга, чудом сохранившего еще способность рождать мысли, Грант понимал, что надо догнать их, потому что сейчас они уйдут совсем, что корабль улетит; и все-таки он стоял на месте, сжав ладонями виски, и продолжал прислушиваться к тому, что происходило в душе. И вдруг он постиг, какие следы оставила пронесшаяся в ней буря: он понял, что стал добрее, чище, мудрее, сильнее, лучше, как бывает после общения с возвышенным, прекрасным...

Все меньше и меньше становились фигурки, вот последняя из них скрылась внутри корабля. Минутная пауза, и силуэт его стал медленно растворяться в воздухе. Когда он исчез совсем, облачко света, озарявшее окрестности, опять распалось на отдельные бегающие светлячки, но и они вскоре погасли, оставив Гранта в крошечной тьме.

Не сразу он вспомнил, что держит в руках фонарь, и догадался его включить. Луч света ткнулся в темную поверхность камня. Ни о чем не думая, двигаясь, как автомат, Грант обошел камень со всех сторон. Видимо,

сам себе не отдавая в этом отчета, он искал в нем нечто необычное, особенное, но не смог ничего найти. Тогда он пошел к другому камню, но и тот был самым обычным огромным булыжником, таким же, как и третий, и четвертый, и пятый...

6

Когда пришел рассвет, Грант все еще бродил среди камней. В этот раз не искал каких-либо следов пришельцев, хотя теперь точно знал место, где стоял их корабль. Он просто смотрел на камни, потому что чувствовал: все, испытанное им, все, свалившееся на него, каким-то непостижимым образом связано с этими унылыми серыми громадами, разбросанными как попало. Но пока он не искал объяснений тому, что произошло, не строил гипотез, а лишь следил за тем, как все, что легло на душу и вызвало безмерную усталость и опустошенность, все больше уступает место ощущениям никогда прежде не испытанной силы, доброты, чистоты. Это было чувство редчайшего, ни с чем не сравнимого подъема.

Ушли куда-то все пережитые на Хуан-Фернандесе тягости, словно их не было никогда, впереди было бескрайнее поле несовершенного, но не существовало ничего невозможного, любая выбранная цель была по плечу. Этими чувствами, всем пережитым, хотелось немедленно поделиться с двумя другими людьми, ждущими его возвращения; и все-таки Грант еще долго сидел на одном из камней, следя за тем, как разгорается новый день, словно боялся, уйдя отсюда, потерять все, что он приобрел здесь.

Но, когда стало совсем светло, он увидел, что Дуглас и Мартелл сами бредут к нему по долине, не выдержав пытки неизвестностью. Он вскочил с камня и бросился им навстречу.

С минуту они стояли друг против друга, и Гранту

вдруг как будто впервые открылось, как измучены и истощены его друзья. У обоих лихорадочно горели глаза, в волосах Мартелла, как и в бороде, появилась обширная седина, куртки и брюки висели на журналисте и историке как балахоны и, наверное, мешали им двигаться. Да и сам он, очевидно, выглядел примерно так же.

— Ну? — выдавил из себя Мартелл.

— Они были, но опять улетели, — спокойно ответил Грант и почувствовал, какими нелепыми и несуразными покажутся такие слова Дугласу и Мартеллу. — Я стоял совсем рядом с ними. Мы вместе ходили среди камней. Потом они улетели, но сейчас это не главное.

— Что ты говоришь? — растерянно спросил Дуглас и взглянул на Мартелла.

Сбиваясь, ясно понимая, что говорит совсем не то, потому что ему не хватает слов, Грант стал рассказывать. Он пытался передать необыкновенные чувства, испытанные им, никак не мог этого сделать, и видел лица Мартелла и Дугласа во время своего рассказа. Наконец он махнул рукой и просто сказал:

— Я вижу, что ничего не могу объяснить. Ну да ладно! Когда немного успокоюсь, попробую сделать это еще раз. А пока — пошли в лагерь.

День на Хуан-Фернандесе разгорался все сильнее, и Солнце Матроса Селкирка с новой яростью обрушило на долину потоки зноя, а Грант словно не замечал жары. Он шагал легко и быстро и не чувствовал боли в колене. Дуглас и Мартелл, немного отстав, о чем-то вполголоса говорили, и Грант вдруг понял о чем. С широкой улыбкой он обернулся и воскликнул:

— Нет-нет! Со мной ничего не произошло, вы не опасайтесь за мой рассудок. Все, о чем я рассказывал, было на самом деле. Вы мне только дайте немного времени, я все обдумаю, разберусь в себе, и тогда мы поговорим.

До лагеря они дошли в полном молчании и сразу

же нырнули под защиту палатки. Грант все еще переживал чувство великого подъема, только это чувство было не ровным и постоянным, а все время меняло оттенки, и за ними трудно было уследить. Поглядывая на своих изможденных, осунувшихся друзей, он никак не мог поверить в то, что и он сейчас, конечно же, выглядит точно так же, как они, но, проведя ладонью по лицу, почувствовал, что очень давно не брился.

Он перехватил взгляд Мартелла, брошенный в ту сторону, где хранились продукты, и спохватился. Удивительное дело: самому ему совсем не хотелось есть. Он достал консервную банку и поболтал в воздухе флягой с водой: ее оставалось совсем немного, и это было скверно. Но самому ему и пить сейчас не хотелось, хотя муки жажды уже были ему знакомы.

— Ешьте, — сказал Грант, — я не хочу, — и добавил, перехватив взгляды: — В самом деле не хочу.

Банку историк и журналист съели в полном молчании. Еду запили крошечными порциями воды.

— Свяжусь со Стинглом, — сказал Грант и пошел к «Арго».

По пути он вновь размышлял: говорить ли Стинглу о необыкновенных событиях на Хуан-Фернандесе или нет, чувствуя, что подъем постепенно сменяется ровным спокойствием и хладнокровием. По всем законам космофлота он должен был все рассказать, и в то же время знал, что Стингл точно так же ничего не поймет, даже не поверит, как не верят Дуглас с Мартеллом, и в большом мире это только вызовет ненужное беспокойство за них. К тому же... К тому же с помощью какого-то шестого чувства, не поняв еще ровным счетом ничего из того, что с ним произошло, Грант уже знал, что пережитое им приключение не последнее, что они еще прилетят на Хуан-Фернандес, раз уже побывали здесь дважды. Почему-то он твердо это знал.

А разобраться в том, что все это значит, ему помо-

гут историк и журналист. Они сами, вдвоем, должны во всем разобраться.

Стинглу Грант ничего не сказал, обменялся с ним обычными фразами и узнал, что «Торнадо» должен был достичь Хуан-Фернандеса через четыреста сорок два земных часа. Впрочем, это он легко мог сосчитать и сам.

Попрощавшись с капитаном, Грант вернулся к палатке. Пока его не было, Дуглас и Мартелл о чем-то вполголоса переговаривались. Услышав шаги, они замолчали. На мгновение Гранту даже стало весело: оба, без сомнения, были убеждены — что-то случилось с его рассудком и беспокоились за него. Но теперь-то он снова был прежним Грантом, и теперь пришло время подумать обо всех этих ночных чудесах всерьез.

— Бросьте, — сказал Грант, — нечего шептаться у меня за спиной. Если вы думаете, что я слегка повредился, то вряд ли вы правы. Давайте поговорим серьезно и спокойно, потому что тут и в самом деле много совершенно необъяснимого. Разбираться нам надо вместе.

Он опустился на землю и включил защиту палатки.

— Начнем сначала! Итак, на эту таинственную планету, пока мы здесь находимся, дважды прилетали неизвестные корабли. Я, по крайней мере, видел их дважды. Не исключено, что это был один и тот же корабль.

— Этой ночью мы тоже видели корабль совершенно отчетливо, — сказал Дуглас. — Какое-то время он стоял неподвижно, а потом исчез. А ты все не возвращался, и нам стало страшно за тебя.

— Значит, это было на самом деле, — кивнул Грант, — галлюцинации не бывают массовыми, их видит кто-то один, а стоящие рядом нет. Значит, сегодня ночью корабль прилетал на самом деле, и, говоря языком выпреним, событие это исключительное, потому что у нас еще не было контакта с цивилизацией,

столь же свободно путешествующей по Вселенной, как мы. Скорее всего по уровню они даже опережают нас. Событие исключительное, и, если б мы не ослабили так от голода, видимо, испытали бы гораздо больше волнений и эмоций, хотя и так без этого не обошлось. Хорошо, что вы еще видели издали?

— Светлое пятно, — сказал Мартелл, — светлое пятно, немного приподнятое над долиной.

— Так и было. И в общем пока ничего невозможно в этом нет. Необъяснимое началось дальше, необъяснимое случилось со мной. Итак...

Дуглас и Мартелл слушали с напряженным вниманием.

— Итак, я увидел фигурки в скафандрах, очень похожие на землян, и... здесь тоже еще не было ничего необычного, потому что на корабле должен был кто-то прилететь, и представители многих известных нам цивилизаций внешне похожи на нас... И я пошел к ним, но они меня не заметили. Почему? Вот это уже понять труднее. Если я видел их отчетливо, почему они не видели меня? А когда мы вместе подошли к одному из камней, вдруг все пропало, и я почувствовал...

Нет! Даже сейчас, успокоившись, Грант не мог найти точных слов, дающих представление о том, что он почувствовал. Он запнулся.

— В общем, — помог ему Дуглас, — если мы правильно поняли из того, что ты говорил раньше, почувствовал наваждение.

— Нет, — сказал Грант, — но, впрочем, да... И все-таки нет... Понимаешь, наваждение, это когда... а здесь... Но, пожалуй, этим словом в самом деле можно условно пользоваться. Значит, я почувствовал наваждение первое, потому что все они были разными. Здесь возникает очень много вопросов. Первый — почему, что было причиной наваждения? Второй — почему оно прошло? Третий — почему потом пришло наваждение номер два?

Он покрутил головой.

— Да нет, все-таки нельзя называть это наваждени-
ями. Это что-то другое, такое, чего еще никто не испы-
тывал. Хотел бы я, чтобы вы тоже это пережили. Тогда
мы лучше поняли бы друг друга.

— Возможно, — пробормотал Дуглас, — нам еще
и представится такой случай...

Наступила тишина, и вдруг трое людей, чудом за-
брошенных туда, где до них не был никто из землян,
остро почувствовали свое одиночество и беспомощность
перед лицом того необъяснимого, если не сверхъестест-
венного, что здесь происходит. Они были чужими и без-
защитными в этом затерянном, незнакомом мире, у них
не было ни припасов, ни оружия, само их существова-
ние висело на волоске, со всеми остальными людьми их
связывала только хрупкая ниточка радиосвязи, да на-
дежда на «Торнадо», до прибытия которого оставалось
больше четырехсот часов. Бог знает, сколько всего мог-
ло случиться за это время, и, подчиняясь произволь-
ному побуждению, люди даже ближе подвинулись друг
к другу.

Грант первым стряхнул с себя это налетевшее гне-
тущее оцепенение. В конце концов, он, профессионал
космоса, бывал на разных планетах, а Дуглас и Мар-
телл были только туристами, на долю которых выпали
неожиданные события, и сейчас ему следовало помочь
им взять себя в руки.

— И, наконец, еще вопрос, — бодро сказал Грант. —
Совершенно неясно, зачем они прилетали сюда на та-
кой короткий срок? Так было и в первый раз, и сейчас.

Мартелл встряхнул головой.

— Что они делали тут в первый раз, мы не знаем, —
сказал он, — а сейчас, как ты говоришь, было так: они
прошлись среди камней и сразу же улетели?

— Даже не улетели, точнее, их корабль растворился
в воздухе, и я остался один. И, если теперь разбираться
во всем хладнокровно, я был совершенно потрясен всем

этим... всеми этими наваждениями. Надо сказать, что на душе у меня еще долго оставался необыкновенный подъем. Я... я, словом, стал другим, стал лучше, сильнее, я очистился...

— Катарсис, — пробормотал Дуглас.

— Может быть, все это просто-напросто какой-то гипноз? — спросил Мартелл — Очень похоже, во всяком случае.

— Зачем? С какой целью? К тому же это совсем не было похоже на гипноз.

— Словом, ничего нельзя понять, — сказал Дуглас. — Прежде, как мы знаем из новейшей истории, при встрече землян с другими цивилизациями, все обстояло довольно обыкновенно, словом, так, как все это себе и можно было представить. Не существовало ничего необъяснимого, и теперь уже накоплен немалый опыт, есть даже твердо установленные правила...

— Все встреченные прежде цивилизации уступали нам по уровню развития, — сказал Грант. — А вот эти... возможно, ушли далеко вперед. И здесь уж ничего нельзя представить заранее.

— Может быть, так, — заговорил Мартелл, — но почему же они не обратили на тебя никакого внимания? Словно тебя и не было рядом с ними. А ведь земляне, если встречают цивилизацию, значительно отставшую, все-таки замечают ее представителей.

— Вот этого я не знаю! — ответил Грант и почувствовал, что вся логика их рассуждений сворачивает в тупик, из которого нет выхода. Да, собственно, так и должно было быть, потому что все оставалось необъясненным.

— Грант, так ты уверен, что у каждого камня было свое наваждение? — спросил Дуглас.

— Уверен! На это я сразу же обратил внимание. И однако это самые обыкновенные камни. Я их все потом обошел.

— Тогда, — сказал Дуглас, — вполне возможно, что эти камни тут совсем ни при чем.

— И так же вполне возможно, — подхватил Мартелл, — что до прилета «Торнадо» мы так ничего и не узнаем.

— На «Торнадо» летят такие же люди, как мы, — сказал Грант. — Может быть, мы ничего не узнаем, даже когда они прилетят. Вдобавок, насколько я знаю, «Торнадо» может задержаться здесь только на несколько часов. Иначе, по навигационным причинам, громадный проигрыш во времени на обратном пути.

Они замолчали и одновременно взглянули в ту сторону, где ночью творилось неведомое. Пустой и безжизненной, как всегда, была долина, и камни, разбросанные по ней повсюду, большие и маленькие, не скрывали в себе на вид ничего примечательного. Снова наступила долгая тишина, которую потом нарушил Дуглас.

— Хорошо, что все это было, — сказал он. — Теперь у нас есть загадка, мы можем думать над ней, у нас появилась какая-то определенная цель. А это гораздо лучше, чем просто ждать, таять от голода и ничего не делать.

— Таинственный остров, — непривычно медленно проговорил Мартелл, — таинственный остров... Пока все очень похоже на роман: робинзоны, только космические, и тайна острова, вернее, тайна планеты...

7

По ночам в прохладные часы на каменистой почве Хуан-Фернандеса действительно появлялась обильная роса; и, когда в бочонке подходила к концу вода, Грант собрал десятки мелких камешков в одну внушительную грудку у палатки. Рано утром, пока Солнце Матроса Селкирка еще не высушило влагу, ее можно было слизывать с камушков и хоть немного обманывать жажду. Иногда в атмосфере собирались тучи и даже погромы-

хивал гром, но тучи еще ни разу не проливались дождем.

Запас еды подходил к концу, ее расходовали микроскопическими порциями, но теперь Грант, Мартелл и Дуглас уже не так страдали от голода, как в самые первые дни. Период раздражительности, головных болей, как это бывает в начале голодания, давно миновал, и они испытывали только вялость, безразличие к тому, что происходит вокруг. Грант видел, что его друзья исхудали еще больше, и знал, что он выглядит точно так же, как они. Большей частью они лежали в палатке, почти не разговаривая, и только раз в день Грант забирался в радиоотсек «Арго», чтобы связаться с Карелом Стинглом.

То необъяснимое и загадочное, что волновало их еще совсем недавно, постепенно стало казаться всем троим незначительным и не стоящим внимания, тем более что ничего нового не происходило. Да и происходило ли что-то прежде; быть может, и в самом деле лишь призрачные видения пронесли в голове у одного из них, а остальные приняли его сбивчивые лихорадочные рассказы за действительность?

Но пришла ночь, когда высоко в небе вновь разорвалась яркая вспышка и из долины опять донесся грохот. И эта вспышка вновь словно бы высвободила у всех троих скрытые именно для такого момента силы.

Грант поднялся, рядом встали Дуглас и Мартелл. Новой вспышки в этот раз почему-то не было долго, они могли даже подумать, что первая только почудилась им, но затем в небе разорвались две вспышки одновременно.

— Это что-то новое, — пробормотал Грант.

Секунду он колебался. Надо было идти в долину, и пойти ему следовало одному, не нужно было подвергать риску Дугласа и Мартелла. Но... но был ли риск, рисковал ли он чем-нибудь, когда ходил в долину один в прошлый раз — ничего ведь не случилось! К тому же в глубине души он желал, чтобы Дуглас и Мартелл тоже

увидели то, что видел он, и испытали то, что он испытал. Это нужно было для того, для того хотя бы, чтобы все втроем они могли потом говорить о загадке, опираясь на личные впечатления, а не на впечатления только одного человека.

Но, может быть, кто знает, в этот раз не исключаются какие-нибудь неожиданности? И тогда лучше, чтобы он один...

Однако Дуглас и Мартелл сами положили конец колебаниям Гранта. Словно бы заранее сговорившись, они оба шагнули вперед, в темноту; это был первый случай, когда они не ждали решения Гранта, и он не оставливал, просто захватил фонарь и пошел за ними.

В долине уже начинали свой хоровод бегающие огоньки. Точно так же было и в первый раз, когда Грант не дошел до чужого корабля, и во второй, когда он дошел. Дальше, если следовать прежнему ходу развития событий, в темноте должен был проявиться контур корабля, потом огоньки сольются в одно большое световое облако...

Любопытно, подумал Грант как-то отстраненно, что сейчас должны испытывать Дуглас и Мартелл? Для обоих это событие ошеломляющее, они знают, что их ждет встреча с чем-то таким, с чем еще никому, кроме него, Гранта, не случалось сталкиваться. Так как же они идут к этому событию? Если Мартелл, бойкий журналист, наверняка привычен к разного рода неожиданностям, то Дуглас — сугубо кабинетный ученый, увереннее чувствующий себя в призрачном, но привычном ему мире античных героев, чем среди реальных людей... О чем это я, о чем сейчас думаю, подумал Грант. Надо собраться с силами, собрать все внимание, чтобы не упустить ни малейшей подробности из того, что сейчас их ждет, понять, наконец, почему **они** ведут себя так, как будто **они** одни, как будто нет рядом существа, заслуживающего, по крайней мере, любопытства?

Грант прибавил шаг. Однако дальше события раз-

вивались не совсем так, как он ожидал. Прежде всего из мрака высветился контур не одного корабля, а сразу двух, причем разница в них была настолько очевидна, что не вызывало сомнений: хозяева их живут явно не на одной какой-то планете. Первый корабль представлял собой длинное веретенообразное тело, постепенно сужающееся к обоим концам и увенчанное длинными тонкими иглами. Другой корабль был похож на усеченную пирамиду, покоящуюся на нескольких далеко разведенных в стороны опорах. Дуглас и Мартелл, увидев эти сооружения, в нерешительности остановились, и в этот момент из обоих кораблей вышли на планету их хозяева.

Экспансивный Мартелл даже вскрикнул. Огоньки стали собираться в световое облако.

С первого взгляда Грант понял: это были совсем не те существа, каких он видел несколько дней назад. Скафандры хозяев корабля-веретена были похожи на массивные треугольники, снабженные двумя парами коротких рук и поставленные на массивные ноги-опоры, сверху на треугольниках были цилиндрические головы. Обитатели другого корабля вышли на поверхность Хуан-Фернандеса вовсе без скафандров: очевидно, атмосфера планеты для них, как и для землян, была безвредна. Насколько можно было судить на расстоянии, эти существа имели некоторое сходство с людьми Земли, но сходство скорее количественного порядка: одна голова, две руки, две ноги и туловище. Пропорции же были совершенно иными — очень короткие и массивные ноги и невероятно длинные и тонкие руки. Издали трудно было рассмотреть очертания лиц. Пришельцы, и те и другие, вытянувшись в цепочки, направлялись к россыпи камней, озаряемых светящимся облаком. Друг на друга они, похоже, не обращали никакого внимания.

Выкрикнув что-то непонятное, Мартелл кинулся к ним. Немного поколебавшись, вперед двинулся и Дуглас.

В голове Гранта теперь был полный сумбур. Загадка еще больше усложнялась. Происходило что-то совершенно невероятное. Трудно было предположить, что на одной планете в одно и то же время случайно перекрестились пути двух разных цивилизаций, а совсем недавно на ней побывал вдобавок и корабль третьей. Не случайность! Планета Хуан-Фернандес, похоже, была весьма посещаемой, но почему? И почему экипажи двух кораблей не обращают друг на друга никакого внимания? Не могли же, в конце концов, и те, и другие, а также и самые первые, быть слепы?

Ясно пока было только одно: всех, прибывающих на Хуан-Фернандес, отчего-то интересуют камни долины. Обыкновенные камни — таких тысячи и на Земле, и на любой другой планете. Но рядом с этими камнями можно испытывать необыкновенные ощущения... Не таится ли именно в этом хоть тень разгадки? Нет, это, видимо, простое совпадение. Необыкновенные ощущения можно испытывать только рядом с пришельцами из другого мира, потому что, когда они улетают, камни как были, так и остаются обыкновенными камнями. Значит, дело не в камнях? Так в чем же?

Однако времени на раздумья уже не оставалось. Первая группа пришельцев выстраивалась вокруг одного из камней, трое землян были совсем рядом с ними. Мартелл, бешено жестикулируя, начал им что-то говорить, и Грант вдруг заметил, что цилиндрические шлемы некоторых из этих существ повернулись в сторону журналиста. Значит, они его все-таки заметили, слышали?! Но сейчас же в глазах Гранта точно так же, как и в прошлый раз, все померкло, а потом, через какое-то время, внутри его стали открываться картины, краски, звуки...

Он стоял в центре круглой комнаты, стены которой от пола до потолка опоясывались разноцветными лентами, но почему-то он знал, что на самом деле это не ленты, а книжные ряды. Он чувствовал, что на него

смотрят бесчисленные корешки, его мучила жгучая жажда узнать, что таит в себе каждая книга. И взгляд его вдруг словно бы проник внутрь всех этих книг, бесчисленные типографские значки сложились в истины, которые все вместе, разом, накрепко отпечатались в его мозгу. Но ему было мало только этих истин, и стены комнаты с книгами стали раздвигаться. Они уходили все дальше, к горизонту, и, значит, больше становилось книг и больше таящихся в них истин. Зачарованный, он смотрел им вслед и желал, чтобы они отодвигались еще быстрее, потому что вместе с этим все быстрее и полнее становился поток истин, в которых он плыл. Все легче было держаться на плаву; чем бурнее был поток, тем — странное дело — проще было с ним справиться. И наконец вокруг не осталось ничего, кроме этой бешеной стихии, полным хозяином которой он себя чувствовал. Он мог сделать с потоком все, что хотел: задержать или ускорить его течение, направить в любую сторону, столкнуть друг с другом волны, обрушить их на то, что мешало ему... Но и этой возможности было ему мало, потому что оставалось еще многое, пока неизвестное и скрытое, и надо было во что бы то ни стало проникнуть в это неизвестное и скрытое...

Грант вынырнул из этого потока и оказался там, где были камни, пришельцы, Дуглас и Мартелл, силуэты двух кораблей, но еще какое-то время его не покидало необыкновенное, пьянящее ощущение, только что пережитое им. Ему хотелось тут же, как можно скорее, поделиться им с журналистом и историком, узнать, что видели и чувствовали они. Но фигуры в массивных скафандрах пошли дальше, и, подчиняясь неодолимой силе, Грант двинулся за ними...

Все, что происходило дальше, слилось в такой же калейдоскоп причудливых впечатлений, как и в первый раз. Разница была лишь в том, что, выныривая из них время от времени, он видел рядом с собой журналиста и историка, не отстававших ни на шаг, а также в том,

что следом за ними, повторяя их путь, шла другая группа пришельцев. В какой-то момент краем глаза Грант увидел, что рядом с двумя кораблями появился контур третьего, и уголком мозга осознал, что среди каменного лабиринта ходит еще одна группа странных существ. Но конец этого необыкновенного калейдоскопа снова был точно таким же: чувствуя, что он не в силах пошевелиться, переполненный всем, что обрушилось на него, Грант стоял на краю каменной россыпи, провожая взглядом уходивших к своему кораблю существ в треугольных скафандрах, а рядом, застыв в неподвижности, глядя в ту же сторону, стояли Дуглас и Мартелл.

Потом мимо, не обращая на них никакого внимания, прошла другая группа существ, потом третья. Вскоре силуэты кораблей исчезли один за другим, однако светящееся облако почему-то никак не гасло.

Медленно, трудно Грант приходил в себя. Повторялось то же самое: пронесшаяся в душе буря оставила ощущение необыкновенного подъема, очищения, оставила желание совершить какие-то невозможные вещи, доброту, мудрость, понимание, силу. Он переживал это уже во второй раз и помнил, как это ошеломяет впервые.

Грант потянул за локти Дугласа и Мартелла, и они двинулись за ним послушно, как автоматы. Нужно было дать им время успокоиться, нужно было возвращаться в лагерь. Они отошли от камней в полном молчании, и Гранту самому не хотелось сейчас ничего говорить...

Но необыкновенные события еще не закончились: с грохотом из ночной тьмы проявился еще один корабль. Прошло какое-то время, и Грант увидел, что навстречу им движутся несколько темных фигур. Все ближе, ближе, и уже можно было определить, что эти неизвестные тоже шли без скафандров и имели почти точное внешнее сходство с землянами, если не считать того, что лица у них были цвета густой хвои. Когда они поравня-

лись с тремя робинзонами, то окинули их пристальными любопытными взглядами, а идущий впереди вдруг совершенно по-земному кивнул. Дуглас и Мартелл смотрели на это как загипнотизированные, а внутри Гранта открылись какие-то шлюзы.

— Мы с Земли, мы терпим бедствие! — выкрикнул он, подскочив к переднему. — У нас больше нет еды, помощь придет нескоро!..

Он показывал в сторону «Арго» и на небо, ударял себя в грудь и видел, что его слушают. Но человек с лицом цвета хвои опять-таки совершенно по-земному развел руками; знак был очевиден — не понял ни слова. Потом человек улыбнулся, обнажив ослепительно белые зубы, вновь виновато развел руками, кивнул, и вся группа пошла дальше. Ошеломленный Грант проводил их взглядом, автоматически отметив, что на этот раз пришельцев всего пятеро.

Грант, Дуглас и Мартелл дошли до лагеря, храня полное молчание, и уже отсюда Грант увидел, как исчез с Хуан-Фернандеса четвертый корабль. До самого рассвета никто из троих не проронил ни слова, они сидели у люка «Арго», но потом Гранту пришла одна мысль, и он спросил Дугласа:

— Ты можешь рассказать, что с тобой было... ну, что ты видел, переживал, у самого первого камня?

Дуглас встряхнулся, его мысли вернулись к Гранту из неведомых далей.

— У первого... сейчас... Да, это я запомнил! Было острое ощущение невероятной ограниченности и скудости наших ученых представлений о прошлом, ясное понимание, что огромные пласты, в которых и скрыто главное, неизвестны нам. Это мучило меня, доводило до иступления. И вместе с тем все больше была поразительная уверенность, что впереди историка-антика ждут великие, просто грандиозные открытия, что все перевернется в прежних представлениях. И даже, — добавил Дуглас, — что это я, что это я все переверну.

Грант хмыкнул, сопоставляя это с тем, что пережил у первого камня сам.

— А ты? — спросил он Мартелла, но Мартелл не ответил, он глядел в сторону долины и беззвучно шевелил губами.

Тогда Грант снова повернулся к Дугласу.

— Ну так что же ты об этом думаешь? Что же это, по-твоему, такое?

Дуглас думал долго. Он даже закрыл глаза, подставив лицо поднимающемуся Солнцу Матроса Селкирка, и было похоже, что он ждет от него подсказки.

— Не знаю, — ответил он наконец, — не знаю. Но это что-то такое, что мне помогло.

8

Тучи, изредка застилавшие небосвод, наконец-то разразились дождем только тогда, когда до прилета «Торнадо» оставалось несколько суток. Косые сильные струи ударили в каменистую почву, разбивались о камни в долине, вода толстым слоем стекала по невидимым стенкам палатки. На всякий случай Грант наполнил водой все емкости, какие только нашлись в «Арго», но к этому моменту никто из них не страдал от жажды, потому что им вполне хватало тех мизерных порций, что можно было по утрам собирать с груды камешков.

И голод тоже не стал для них злейшим врагом, хотя последняя банка консервов была съедена бог знает сколько дней назад. Грант не без удивления подмечал, что даже внешне Дуглас и Мартелл стали выглядеть лучше. Однажды Дуглас даже побрился и, глядя на него, бороду сбрил и Мартелл.

Должно быть, капитан Карел Стингл, которому было уже рукой подать до Хуан-Фернандеса, терялся в догадках, слыша по радио голос Гранта, бодрый и жизне-радостный и вовсе не похожий на голос человека, уми-

рающего от голода и жажды. Грант обменивался со Стинглом шутками, просил по дальней связи передать приветы людям, что были ему дороги, заказывал меню первого обеда, который будет устроен на Хуан-Фернандесе из запасов «Торнадо», но ни словом ни разу не обмолвился о том, что происходит на планете. Загадку Хуан-Фернандеса они решили разгадать сами, потому что... потому что Карел Стингл ничем не мог помочь им на расстоянии, и, кроме того, это была их загадка, это они, а не кто-то другой, столкнулись с ней на своем Таинственном острове. И загадка пока так и оставалась загадкой, хотя теперь обо всех этих необыкновенных событиях Грант, Дуглас и Мартелл знали куда больше, чем прежде.

Выяснилось: Хуан-Фернандес был весьма оживленной планетой. На него то и дело продолжали прилетать чужие корабли, причем не только по ночам, а в любое время. Поначалу каждый раз трое робинзонов кидались к новоприбывшим, чтобы показать — они терпят бедствие, им нужна помощь, и каждый раз на них либо попросту не обращали внимания, либо показывали, что не понимают их. Зато всякий раз повторялось одно и то же: следуя за пришельцами по лабиринтам камней, трое робинзонов окунались в мир поразительных ощущений и впечатлений, которые переворачивали душу и надолго оставляли чувство подъема, очищения, свежести...

И вот это в самом деле помогало им жить: откуда-то появлялись новые силы, они забывали о голоде и жажде, их волновали проблемы, оставшиеся вроде бы далеко-далеко отсюда, в большом мире, проблемы, которые, казалось бы, уж никак не могли волновать людей в их положении. Они спорили о стихах, обсуждали результаты археологических раскопок на планете Психея, размышляли о нововведениях в футбольных правилах. В конце концов Грант, Дуглас и Мартелл, уже не пытаясь обратить на себя внимание, просто каждый раз стали присоединяться к очередной группе инопланетян,

чтобы вновь испытать этот переворачивающий душу и помогающий жить порыв.

Десятки кораблей опустились на Хуан-Фернандес за это время. Это был фантастический парад космической техники, и Грант стал добросовестно запечатлевать каждый образец на пленке. Для специалистов это был бы бесценный материал. И из каждого корабля выходили на Хуан-Фернандес существа самых разнообразных форм, расцветок, способов передвижения. Такого не видел еще ни один человек Земли! Здесь побывали существа, похожие на гигантских муравьев, шестиногие, восьмирукие, существа, похожие на огромные колобки, на ходячие кактусы, существа, наконец, как две капли схожие с землянами; и Грант тоже всех снимал. Они высаживались огромными группами и по двое-трое. И все без исключения направлялись к камням.

Каменных россыпей, как выяснилось, в долине было несколько. Были и отдельные, обособленные камни. Как заметили Грант, Дуглас и Мартелл, разные группы пришельцев направлялись в разные концы долины. Некоторые, затратив немало времени, обходили все камни. Потом очередной корабль улетал, и робинзоны снова оставались одни, имея полную возможность строить гипотезы, одна невероятнее другой.

Так Мартелл однажды сказал:

— Наш Хуан-Фернандес — это какое-то святое место для этой части Вселенной. Сюда совершают паломничество из разных мест для того, чтобы...

Он не договорил. Но эту же мысль продолжил за него Дуглас:

— Возможно, в самом деле, все эти камни — памятники кому-то. К ним приходят... вернее, прилетают, чтобы поклониться, вспомнить...

— А все эти чувства, ощущения? — спросил Грант.

— Может быть, какой-то ритуал, — неуверенно сказал Дуглас.

Некоторое время спустя, когда трое робинзонов гля-

дели на закат, ожидая прихода ночи, одной из последних своих ночей на Хуан-Фернандесе, он вдруг начал размышлять вслух:

— Есть чувства, недоступные людям... пока... в силу несовершенства человека, его психики. Но придет время, и человек откроет эти чувства, совершенно новые, неизведанные, вроде тех...

Он запнулся.

— Ты о чем? — спросил Мартелл.

Дуглас медленно выпрямился.

— Я, кажется, знаю, что это такое, — сказал он, — это ведь так просто, это...

Грант и Мартелл впились в него взглядами. Дуглас покачал головой.

— Нет, все-таки не знаю. Что-то здесь не так.

А на рассвете Грант один ушел в долину. Он вдруг поймал себя на том, что ему хочется побыть одному; что, может быть, надо побыть одному, чтобы найти ответ на вопрос — что все это значит? И ему казалось, что ответ где-то уже совсем рядом, почти на поверхности.

Он добрался до самой дальней каменной россыпи, присел на один из камней и дал волю мыслям, которые отчего-то сдерживались рядом с Дугласом и Мартеллом.

Камни... Все дело, конечно, было в камнях. Таинственным образом, когда прилетают другие, что-то скрытое внутри камней действует на человека, стоящего рядом, так что он испытывает необыкновенные ощущения, очищающие душу, помогающие жить, верить, побеждать усталость, мечтать. Видимо, и другие испытывают какие-то ощущения и, вероятнее всего, и прилетают сюда, чтобы испытать их. Так же что это такое? Что скрывается внутри камня?

Он нашел самый маленький из камней и хотел его взять, чтобы принести в лагерь. Там его можно было бы разбить на части, посмотреть, что внутри. Но самый маленький камень оказался таким тяжелым, что он не смог его даже приподнять. Несколько часов спустя, не

поленившись, Грант снова пришел в долину, вооруженный тяжелым молотком. Но молоток только отскакивал от камней, как резиновый мячик, а на них не появилось ни трещины, ни вмятины. Интересно, подумал Грант, есть ли на «Торнадо» какие-либо приборы для просвечивания твердых поверхностей, изучения внутренних структур? Вряд ли. А между тем ответ скрыт именно внутри камня.

Отбросив молоток, Грант снова присел на камень.

«Торнадо» прилетит завтра днем. Он может пробыть на планете только несколько часов, иначе из-за перемещения системы Солнца Матроса Селкирка в пространстве легкому кораблю может не хватить топлива на обратный путь. Значит, ни о каких исследованиях не может быть и речи. Хорошо бы хоть повезло, и во время стоянки «Торнадо» на Хуан-Фернандес прилетела очередная партия... партия экскурсантов. Тогда капитан Карел Стингл увидел бы все своими глазами, сам все испытал.

Грант усмехнулся, когда на ум ему пришло это слово «экскурсанты». И в то же время слово что-то всколыхнуло в его сознании, пробуждая какие-то неясные ассоциации. Ему вдруг показалось даже, что слово имеет некое отношение к разгадке, но вот только какое? Некоторое время он поворачивал слово «экскурсанты» в мозгу так и эдак. Нет, ничего это слово не давало.

Итак, хорошо бы Карелу Стинглу все увидеть своими глазами. И хорошо бы взять один из камней на борт «Торнадо», чтобы доставить туда, где им смогут заняться специалисты. А впрочем, нет, подумал он тут же. Все надо оставить на Хуан-Фернандесе как есть. Ясно, что нужна специальная экспедиция, и она обязательно будет здесь работать.

Он представил себе тех людей, что будут вести здесь исследования, и вдруг что-то кольнуло его. Сам-то он уже будет далеко отсюда, вероятнее всего, через какое-то время вернется на «Антарктиду». Туристы Мартелл

и Дуглас тоже займутся обычными делами. Правда, Мартелл, конечно же, напишет свою книгу, и она пойдет нарасхват. Дуглас опять окунется в мир Елены Прекрасной и Троянской войны. И всем троим будет не хватать этих камней с необыкновенными свойствами, поразительных ощущений, переворачивающих все внутри, поднимающих мысли, чувства, устремления на необыкновенную высоту, высвобождающих все скрытые силы души...

Грант встал и прошелся взад и вперед. По всем биологическим законам он должен был бы сейчас еле ноги таскать. Вот уже сколько времени во рту не было ни крошки еды. Все дневное питание — несколько глотков воды. А он бодр и свеж, и даже боль в колене давным-давно прошла. И всему причиной — эти камни, молчаливые, обычные на вид, но скрывающие в себе удивительные свойства...

Он окинул взглядом всю долину, все эти сотни камней. И вновь что-то шевельнулось внутри него, вновь пришло чувство, что разгадка совсем близко, надо только сделать какое-то незначительное усилие. Что же мешало ему?

Неужели придется дожидаться тех достаточно отдаленных времен, когда на Хуан-Фернандесе будет работать экспедиция, когда камни опутают провода приборов, исподволь собирающих разнообразную информацию? И кто-то другой, а не он сам, придет к ответу...

Подняв молоток, Грант еще раз ударил по камню. Ударил просто так, не ожидая каких-то результатов. И молоток, как и следовало ожидать, вновь отскочил, как резиновый мячик. Усмехнувшись, Грант двинулся в обратный путь. Почему-то после этого последнего удара на душе у него стало очень легко, даже весело. Он шел, напевая задорную мелодию, гвоздь сезона. И, хотя он уходил от камней, ему казалось, что каждый шаг приближает его к разгадке. Даже мелодия, которую он напевал, тоже, похоже, имела отношение к разгадке.

«Торнадо» опустился на Хуан-Фернандес в тот момент, когда на планете не было чужих кораблей. Медленно осела пыль, поднятая тормозными двигателями. Открылся люк, показался капитан Карел Стингл, облаченный в скафандр. Это было понятно: хоть воздухом Хуан-Фернандеса можно было дышать, кто знает, какие в нем могли быть микроорганизмы. Поэтому, как нетрудно было представить, Гранта, Дугласа и Мартелла ждал карантин.

Стингл быстро ступил на землю планеты. Следом, тоже в скафандрах, появились два других члена экипажа с пластиковыми сумками в руках. Трое робинзонов стояли возле «Арго», потом они кинулись к новоприбывшим, а те побежали к ним навстречу.

Грант и Стингл обнялись. Сквозь стекло шлема было видно, что лицо у капитана действительно загорелое, и Грант улыбнулся. Но лицо у капитана по понятным причинам было озабоченным, и, отпустив на мгновение Гранта, он обернулся к своим спутникам. Тут же появились приготовленные заранее пищевые рационы. Ничего лишнего, именно то небольшое, что прежде всего необходимо человеку, долго страдавшему от голода. Есть много пока нельзя, порции должны увеличиваться постепенно, на этот счет существуют обоснованные медицинские рекомендации.

Они поели, медленно, с наслаждением.

Однако на лице капитана Карела Стингла Грант легко читал и удивление, потому что, без сомнения, капитан был готов к гораздо худшему зрелищу.

— Все не так плохо! — подмигнул ему Грант. — Кроме того, мы приготовили вам сюрприз.

— Потом поговорим, — неуверенно сказал Стингл, — отдохните сначала.

— Да нет, — ответил Грант, — сейчас.

Загорелое лицо капитана Стингла все больше вытя-

гивалось, когда он в крошечной рубке «Арго» просматривал стереоснимки разных кораблей, побывавших на Хуан-Фернандесе, и разнообразных существ, прилетавших в них. Потом он без сил опустился в кресло, и его лицо побледнело. Некоторое время он не находил слов.

— Камни? — сказал он наконец. — Они все ходили смотреть на камни?

В нем сработала какая-то пружина, и, выскочив из рубки, крупными прыжками капитан помчался в долину. Грант настиг его только тогда, когда капитан, обойдя все россыпи, уже сидел на одном из камней в глубокой задумчивости.

— Вот что, — хрипло сказал Стингл, увидев Гранта, — в любом случае мы не можем оставаться здесь более двух часов. Ты же сам навигатор, должен понять. А вообще, — признался он, — у меня голова идет кругом.

— Еще бы, — сказал Грант.

— Нужна специальная экспедиция, даже если мы рискуем остаться, вряд ли это много даст.

— А сам ты что про все это думаешь? — спросил Грант.

— Да я не знаю, что и подумать, — искренне ответил Карел Стингл. — Во всяком случае, мне бы страшно хотелось увидеть все это своими глазами.

Грант взглянул в прозрачное небо, словно ожидая, что вот-вот опустится еще чей-то корабль. Ему этого тоже очень хотелось.

Но за те два часа, что «Торнадо» оставался на Хуан-Фернандесе, так ничего и не случилось. Пришел момент расставания с планетой, давшей на время приют робинзонам. Как выяснилось, для них уже была приготовлена герметическая карантинная камера с круглыми большими иллюминаторами, сквозь которые экипаж во время полета мог смотреть на них, а они на экипаж. Камера с тремя креслами внутри была тесной, но все

же более просторной, чем рубка «Арго», который пока оставался на Хуан-Фернандесе.

Сквозь специально устроенный шлюз Грант, Мартелл и Дуглас вошли в камеру. Шлюз закрылся. За иллюминаторами они увидели салон «Торнадо» с обеденным столом, экраном, за которым экипаж собирался во время отдыха, крупными земными пейзажами на стенах.

— Хорошо, хоть в грузовой отсек нас не засунули,— проворчал Мартелл, у которого отчего-то испортилось настроение.

Во время старта у капитана Стингла и двух членов экипажа хватало работы. Салон был пуст. Грант, Дуглас и Мартелл полулежали в креслах, вяло переговариваясь. Наступала реакция, только теперь они почувствовали, как безмерно устали за эти недели. И даже загадка планеты, так и не разгаданная, померкла и на время потеряла для них интерес.

Потом, когда «Торнадо» лег на курс, в салоне появились капитан Стингл и бортмеханик Ростислав Четвериков. Их лица, нарочито веселые и бодрые, прильнули к иллюминаторам камеры.

— Ну вот, — недовольно проворчал Мартелл, — да мы как экспонаты в музее, подходи, смотри!

Под Дугласом вдруг скрипнуло кресло. Что-то изменилось внутри камеры, Грант и Мартелл просто физически это почувствовали.

— Музей? — повторил Дуглас странным, резким голосом. — Ты сказал — музей?

Грант и Мартелл обернулись. Дуглас, выпрямившись в кресле и похожий на сложенный пополам циркуль, обхватил голову руками. В глазах его билась какая-то сумасшедшая мысль. На мгновение в карантинной камере стало очень тихо, а потом историк выскочил из кресла и стал расхаживать взад и вперед. Ему то и дело приходилось поворачивать, потому что было очень мало места, он бешено размахивал руками и едва не за-

девал Гранта и Мартелла. Наконец он остановился, и глаза его заблестели еще ярче.

— Так, значит, вы еще ничего не поняли? — спросил он медленно и нараспев. — Знаете, что все это значит? Знаете, где мы с вами были? Знаете, что такое Хуан-Фернандес? — Он мотнул головой и выкрикнул: — Это Лувр! Прадо! Эрмитаж! Вот что это такое!

— Постой, постой, — начал Мартелл, но Дуглас уже взорвался. Он сыпал короткими фразами, отчаянно жестикулировал и смотрел на Гранта и Мартелла почему-то с торжеством.

— Эта планета — музей! Картинная галерея! Понимаете? Здесь собраны произведения искусства! Только искусства особого рода, до которого мы еще не доросли. Это искусство переворачивает душу, открывает в том, кто с ним соприкоснется, самые тайники души! В этих камнях музыка, живопись, поэзия все вместе взяты!

— Постой, постой, — снова начал Мартелл, но Дуглас лишь отмахнулся.

— Да мы слепцы, если не поняли этого сразу же! Какая-то цивилизация создала здесь постоянную выставку, о которой все знают. Все спешат прикоснуться к этому виду искусства, еще неведомого землянам, как неведомы нам и некоторые чувства, которые мы здесь испытали, общаясь с этим искусством!

Грант тоже встал. Догадка, которая крутилась у него в голове, почти сформировавшаяся, стала еще определеннее. Не хватало совсем немногого, чтобы она стала сверкающей истиной.

— Искусство, — повторил он, словно пробуя это слово на слух, — искусство...

— Конечно! — вскричал Дуглас. — Конечно! Я не вижу другого объяснения! Видимо, на пути развития цивилизации, а вернее, личности, наступает момент, когда мало уже просто музыки, просто живописи, и искусство становится иным, поднимается на более высокую ступень. Оно становится всеобъемлющим, невидимым, уже

не нужен предмет, которым воздействует художник — картина или рояль. Оно просто входит в сознание. Как, чем это достигается, я не знаю. А цель этого высшего искусства все та же — пробудить личность, сделать разумное существо сильнее, мудрее, честнее. А может быть, такое искусство у этой неведомой цивилизации возникло без всяких промежуточных ступеней, а сразу творцы нашли способ воздействовать на душу, может быть, у них никогда и не было ни музыки, ни живописи... Я не знаю!

— Какое-то психофизическое воздействие? — сам себя спросил Грант. — В камнях скрыто что-то такое, что открывает человеку что-то внутри него самого...

— Конечно! Ты заметил, у разных камней мы испытывали разные чувства. Да и возле одного камня, должно быть, разные существа тоже чувствуют по-разному. Это ведь как наша музыка, которая тоже пробуждает у разных людей различные чувства.

— Но почему же именно камни? — спросил Грант.

— Да откуда я знаю! — отмахнулся Дуглас. — Это же совсем не важно! Важно то, что мы теперь знаем: существует более высокая ступень искусства! Важно то, что мы соприкоснулись с ним!

Грант поворачивал в голове эту необыкновенную мысль, и перед ним вихрем вновь проносилось то, что было испытано когда-то возле камней. Искусство, пока недоступное землянам, искусство совершенно особого рода... Только случай помог им прикоснуться к нему. Но, может быть, тысячи лет спустя, когда земная цивилизация поднимется на высшие ступени, земляне точно так же будут стремиться в этот необыкновенный музей, чтобы испытать очищающие душу, обновляющие, заставляющие думать по-новому ощущения.

Лица Стингла и Четверикова, сначала нарочито бодрые, стали изумленными. Широко раскрыв глаза, они смотрели на бешеную жестикуляцию Дугласа, на Мартелла, застывшего в своем кресле с приоткрытым ртом,

на Гранта, что-то изредка отвечающего на бешеные тирады историка. Потом Четвериков догадался включить связь, и в салоне загремели возбужденные голоса. Робинзоны говорили разом, почти не слушая друг друга, и в этих хаотичных, мало связанных между собой фразах, билась невероятная, ошеломляющая, не сразу укладываемая в сознании истина.

— Конечно! Это искусство совсем другое, потому что и создатели его другие! Они выше нас, они творят совершенно на другом уровне. Мы лишь прикоснулись к этому искусству, мы ничего толком не можем понять! Представь дикаря, слушающего Бетховена. Мы сейчас такие же дикари!

— А цель искусства всегда остается одной — пробудить в человеке добро, ненависть, недовольство собой, устремление вперед... Все правильно!

— Но почему же камни? Я все думаю — почему камни? Что может быть в них спрятано?

— Да, это потрясение, очищение...

— А камни... Да это неважно! И они специально отвели эту планету под постоянную выставку. Вся планета — музей! Для всех цивилизаций, которые знают о его существовании. Вот только кто же они?

— И почему для нас камни так и оставались камнями? Почему все это можно было переживать, только когда прилетали другие?

— Может быть, их надо как-то включать... Мы не умеем... Не знаю...

— Включать... камни?

— Да это и неважно! И смотри, экспонента прослеживается здесь совершенно отчетливо. У нас на Земле искусство становится все действеннее, совершенствуясь, оно все сильнее воздействует на сознание. А здесь — несравненно более высокая ступень: нечто, нам еще неизвестное, мы знакомы только с результатом, а как он достигается?..

— Видимо, все очень сложно...

— И этим объясняется, между прочим, почему на нас никто не обращал внимания! Разве ты сам, придя в музей, смотришь на тех, кто ходит рядом по залам? Разве пробуешь с ними заговорить, особенно, если видишь, что они не знают твоего языка? Все они считали, что мы тоже прилетели сюда, к камням...

— Да, это объясняет...

Дуглас и Грант вдруг разом замолчали и посмотрели друг на друга. Оба почувствовали, что с их плеч словно упала огромная тяжесть, которая мешала ходить прямо. Оба знали, что, если они и не разобрались во всем полностью, то уж, во всяком случае, не во многом ошибаются. Здесь, пожалуй, действительно не подходила ни одна другая гипотеза. И до чего же хотелось верить в то, что так все и есть!

А вместе с тем взамен одной тяжести на плечи легла другая. Сознание того, как мало еще продвинулся вперед человек. Лишь случай позволил ему прикоснуться к ценностям, которыми владеют другие. Да он и не понял, по сути, ничего толком. Вполне вероятно, их рассуждения и догадки действительно сродни представлениям пещерного человека, если б ему довелось услышать Бетховена. Все, видимо, было неизмеримо сложнее, тоньше, глубже.

Они снова опустились в свои кресла. Впереди был долгий путь к ближайшей из систем, освоенных человечеством, которая на самом деле была бесконечно далеко от Солнца Матроса Селкирка, от планеты Хуан-Фернандес с ее камнями, созданными неизвестно кем и когда и каким образом. Зато налицо то, что уже сейчас может дать сотворенное ими человеку...

Поймав изумленный взгляд Мартелла, Дуглас ему подмигнул.

— Лувр, — повторил он уже спокойно. — Мы все, Мартелл, только что побывали в Лувре. Только в Лувре очень далеких времен, до каких мы пока еще не выросли.

— Вы не устали? — прозвучал в карантинной камере неуверенный голос Стингла, до этого слушавшего все молча. — Может быть, вам лучше отдохнуть? Поговорить у нас еще будет время. У нас еще сколько угодно времени.

Дуглас пошевелился в кресле.

— Конечно, устали, — согласился он, вытягивая длинные ноги. — У нас ведь была такая продолжительная экскурсия! И без экскурсовода.

«Торнадо» все дальше улетал от Солнца Матроса Селкирка.

ФОРПОСТ «НАДЕЖДА»

Форпост (*косм.*) — вошедшее в обиход название стандартной исследовательской станции на неизвестной прежде планете. Как правило, на таких станциях исследователи-разведчики работают, сменяя друг друга.

Из энциклопедии 2199 года

1

Лицо у Степанова было виноватым, и это выражение мало вязалось с его мощной фигурой, а также внушительного размера кулаками, которые лежали на крышке стола. Степанов сидел за столом, без форменного кителя, от чувства своей вины он даже немного сгорбился, а Маккиш, одетый по форме, стоял напротив и старался догадаться, что это может значить. Наконец он решил протянуть командиру руку помощи.

Стараясь, чтобы голос прозвучал возможно суше, он сказал:

— Как мне кажется, от положенной недели отдыха мне предстоит отказаться. Так или не так? Ты учти, когда у тебя такой вид, я тебя насквозь вижу.

Степанов шумно вздохнул и задвигался за столом. У Маккиша промелькнуло сравнение: задвигался не человек, а ожила гора мышц. Или вулкан мышц, это, пожалуй, точнее. И вот сейчас то, что еще не высказывалось, выплеснется наружу. Произойдет извержение вулкана. Правда, спокойное, потому что командир был спокойным человеком.

— Ты говори, не стесняйся, — сказал Маккиш. — Ведь я угадал.

Лицо Степанова перестало быть виноватым. Раз все было угадано, и угадано правильно, можно было переходить к делу. В конце концов он был вправе и приказать, и никто не ослушался бы приказа, но как он мог приказывать Маккишу?

— Угадал, угадал, — хмуро ответил Степанов. — И если я буду говорить об этом с тобой, значит, потому только, что здесь нужен именно ты. Ты что не садишься?

Маккиш пожал плечами и сел в тяжелое, массивное кресло, которое казалось совсем неуместной вещью в таком месте, как каюта звездолета, но командир любил старину. Даже стол его украшала старинная лампа из фарфора, мало вязавшаяся со стоявшей тут же тонкой моделью «Астролябии».

— Я думал, разговор будет коротким, — ответил Маккиш, стараясь, чтобы голос оставался сухим. — Мне ведь предстоит отправиться на Лигейю? Так?

Степанов выпрямился.

— Так, — буркнул он. — Теперь ты понимаешь... кто же, если не ты. Кулагин дежурит на Элане, а Головков только что сменил тебя на Альтрозе. Лигейя же... Собственно, было бы лучше, если б на Лигейю с самого начала отправился ты. В самую первую смену.

Маккиш смотрел на модель «Астролябии».

— Ты, кстати, не думай, что я сейчас оправдываюсь, потому что лишаю тебя отдыха, — сказал Степанов.

Маккиш помолчал, припоминая последние передачи

с Лигейи. С Данилевским, дежурившим там, начинало происходить что-то неладное, и это все знали. Причиной, видимо, было переутомление, каким-то чудом укrywшееся от врача. Дежурного, конечно, надо было срочно менять.

— В общем, — закончил Степанов, — десять минут назад Данилевский сам попросил его заменить. Ты понимаешь, что когда об этом просят, значит, из ряда вон. Впрочем, я сделал бы это и без его просьбы. Причины тебе известны. И поскольку ты ничего не имеешь против...

— Я? Не имею, — сказал Маккиш. — Потому что неизвестно, что лучше: недельный отдых на корабле или рабочая смена на Лигейе.

— Недельный отдых прибавишь к следующему отдыху.

— И проведу в каюте размером два метра на три не одну неделю, а целых две, — ответил Маккиш с улыбкой. — Вот тогда я и начну писать мемуары. Отправная точка — наша с тобой первая экспедиция, когда ты тоже еще был разведчиком.

Он встал, пожал руку, которую протянул командир, и направился к выходу. Степанов за его спиной молчал. Молчал так, как будто он что-то не договорил, но сейчас скажет. Маккиш обернулся.

— Володя, — сказал Степанов и встал из-за стола. — Это, собственно, может быть, и не так, но что-то говорит мне: дело здесь не в самочувствии Данилевского. Что-то мне говорит, что там, на Лигейе...

— Да, тебе что-то говорит? — переспросил Маккиш. — Какие-то особые условия? Что-то такое, странным образом действующее на психику и вызывающее те самые симптомы, что наблюдаются у Данилевского? Так?

Степанов кивнул.

— Такого, правда, еще нигде не было, но ты же знаешь, ко всему надо быть готовым. Я не допускаю,

чтобы врач мог прохлопать переутомление в такой степени.

Макиш усмехнулся.

— Что ж, благодарю за доверие. Лучшей кандидатуры ты бы, наверное, не нашел. Как ты любишь говорить, с моим опытом...

— Да, — ответил командир с некоторым раздражением, — именно с твоим опытом. По опыту ты стоишь всего исследовательского корпуса. И поэтому лучшей кандидатуры я действительно не найду.

Он еще раз сжал своей огромной ладонью руку Макиша, и тот, как обычно, поморщился.

— Удачи тебе! Никаких особенных инструкций не будет, все обычные, как у любого дежурного, но если там что-то не так, не считай для себя зазорным немедленно вернуться.

Макиш улыбнулся. Он знал: если на Лигеи в самом деле имеют место какие-то особые условия, что-то такое, что выходит за пределы накопленного пока опыта, он не вернется, пока не выяснит, в чем там дело. Впрочем, Степанов это тоже знал. Макиш осторожно высвободил руку из командирской длани и повернулся на каблуках. Официальная часть была закончена, теперь предстояло как можно скорее собраться и отправиться. Говоря по правде, он ничего не имел против, потому что... потому что он действительно был прирожденным разведчиком.

Закрыв за собой дверь — он знал, что Степанов смотрит ему вслед, — он оказался в длинном и широком коридоре. Все-таки, когда он жаловался, что дни отдыха приходится проводить в тесной каюте, то был, конечно, не прав. На борту «Астролябии» было куда пойти: не говоря о прекрасной библиотеке, спортивном зале, кают-компании, на звездолете была даже приличных размеров оранжерея с идиллическими скамеечками, разбросанными там и сям под сенью милых земных деревьев. Там хорошо было проводить время с книгой

в руках; туда же, кстати, можно было пригласить на прогулку биолога — брюнетку Розу Редкоус — разумеется, когда у нее тоже выдавалось свободное время, а она была человеком, всецело поглощенным наукой, и, значит, занятым. Да и в каюте размером два метра на три тоже было хорошо, что бы он ни говорил; хорошо было остаться одному, чтобы сесть за письменный стол и достать из ящика стопку чистой бумаги. Потому что есть вещи, которые нельзя диктовать записывающему автомату, для них пригоден только один, причем самый архаический способ — водить по бумаге пером, зачеркивать написанное, мучиться и писать снова...

Мимо Маккиша с грохотом пронесся грузовой кар. Сидящий за пультом курчавый и шоколадно-загорелый Костя Суворов успел весело крикнуть:

— Если ты на Лигейю, смотри держись!

Маккиш пожал плечами и проводил кар взглядом. Суворов, судя по всему, вез со склада какое-то оборудование в физико-химическую лабораторию, которой заведовал. Как, однако, быстро в тесном мире звездолета распространяются любые новости. Впрочем, о том, что Данилевского неминуемо сменят, знали все. И кто же мог его сменить, как не он, Маккиш.

Проходя мимо биологической лаборатории, он немного поколебался, но потом все-таки толкнул дверь. Роза Редкоус прильнула к окуляру микроскопа, ее голова была повернута к Маккишу точно в профиль, а профиль у биолога был точеный, безупречный. Но прежде, чем она подняла голову, он быстро сказал:

— Роза, прошу меня простить, но сегодня вечером я буду занят. Я сейчас же лечу на Лигейю и вернусь, когда закончу дежурство. Подождете?

Он закрыл дверь, не дожидаясь ответа. Роза не любила, когда ее отвлекали от ученых занятий, хотя, возможно, здесь немного кривила душой. И Маккиш двинулся дальше, но из другой двери вынырнул маленький,

кругленький толстячок Никольский и сразу же взял его в оборот:

— А, голубчик, вас-то я и искал. У меня к вам обычная просьба, Володя, ведь вы всегда...

— Снова «Вести «Астролябии»? — спросил Маккиш. — Нет, в этом выпуске я не смогу помочь. У меня срочное задание, я должен заменить Данилевского.

Толстячок остался позади. Потом издали донесся его голос:

— Так я рассчитываю на вашу помощь в следующем выпуске? Нужна, знаете ли, небольшая юмористическая сценка из корабельной жизни. У вас это получается.

— Рассчитывайте, — пробурчал Маккиш. Вернувшись, он действительно поможет редактору корабельной видеорадиогазеты подготовить очередной выпуск. Он любил это делать, хотя разве это было серьезной работой?

Коридор повернул, и теперь Маккиш был в жилом отсеке «Астролябии». Вот каюта Данилевского, отметил он машинально, а вот это дверь Головкова...

Оказавшись у себя, он прежде всего почему-то попытался измерить взглядом площадь каюты. Пожалуй, он не ошибся: действительно два метра на три, а раньше ему как-то не случалось об этом задумываться. Ничего была каюта, уютная, с удобным письменным столом. Он вернулся в эту каюту только вчера, а теперь снова надо было уходить. И неизвестно было, что он любил больше: уходить или возвращаться.

2

Техник Назаренко, по какой-то неизвестной причине бывший мрачным и неразговорчивым, помог ему погрузить в космокатер запас продовольствия. Снаряжение и все необходимое уже было на Лигейе, в разведывательном форпосте, где сидел сейчас Данилевский, с которым происходило неладное. Красавица Роза, ото-

равшаяся-таки от микроскопа, чтобы его проводить, молча стояла в ангаре и следила за сборами. Можно было даже подумать, что ей грустно, и Маккишу вдруг очень захотелось, чтобы он не ошибся. Наконец все было готово, и он пожал руку мрачному технику. Теперь, собственно, можно было отправляться, но Роза определенно заслуживала признательности.

— Роза, — сказал Маккиш, — что привезти вам с Лигейи? Я хотел спросить, какой из биологических объектов мог бы вас заинтересовать?

Роза улыбнулась.

— Ни один из тех биологических объектов, что замечены на Лигейе, меня не интересуют. Вы же знаете, у меня совсем другой профиль.

— Значит, это вопрос времени? — спросил Маккиш и, не дожидаясь ответа, закончил: — Что ж, сами того не замечая, вы признались в том, что с нетерпением будете ждать моего возвращения, разве не так? Потому что на Лигейе я стану тем биологическим объектом, какой до сих пор там еще не был замечен. И я тоже буду думать о вас.

Да, витиевато получилось, но Роза, если захочет, поймет-таки суть.

Все! С «Астролябией» он в очередной раз распрощался. Техник закрыл за ним люк космокatera, и Маккиш пробрался по тесному коридору к пульту управления. Устроившись в кресле, он привычно оглядел приборы и щелкнул тумблером. В кабине тут же раздался голос Степанова:

— Володя, готов?

— Могу отправляться, — ответил Маккиш и взялся за ручки управления.

Космокaтер медленно покaтился по ангaру нa своих маленьких колесиках, дверца стaртового шлюзa уже была открыта. Маккиш подумал о том, кaким взглядом провожaет сейчaс кaтер Роза Редкoус (a самых рaзнобразных взглядов было у нее много), но, может быть,

она уже ушла из ангара, и техник Назаренко, которому это положено по долгу службы, остался один. Катер въехал в шлюзовую камеру и остановился.

Сигнальная лампочка на пульте показала, что дверь шлюза позади закрылась. Несколько мгновений спустя другая лампочка возвестила, что раздвинулись створки наружной двери.

— Степанов, я стартую, отправляюсь в форпост, — сказал Маккиш и представил лицо командира, которого такой тон должен был, конечно, задеть. — Ты меня слышишь?

Динамик некоторое время не отзывался. Значит, командир и в самом деле обиделся, но в его непростых отношениях с Маккишем это всегда шло командиру только на пользу. По крайней мере, так считал сам Маккиш. Потом Степанов нарочито сухо сказал:

— Даю разрешение на старт!

Пауза.

— И, повторяю, не считай для себя зазорным немедленно вернуться, если что-то не так. Если хочешь, это приказ.

Маккиш нажал кнопку, и космокатер, вывалившись из шлюза, оказался в пустоте. Громада «Астролябии» ушла куда-то вбок и вверх...

Полчаса спустя, выведя космокатер на курс и набрав скорость, Маккиш передал все исходные данные предстоящего маршрута электронному мозгу и откинулся на спинку кресла. Теперь впереди было девять свободных часов, за которые катеру предстояло пересечь орбиты Альтрозы и Эланы и выйти затем к Лигейе. Значит, оставшись в одиночестве, теперь можно было как следует поразмыслить о том, что ждало впереди.

Итак... Маккиш удобно вытянул ноги, закрыл глаза и стал выводить для себя некую квинтэссенцию из всех последних событий. Это всегда ему помогало. Короткие, но точные формулировки могли вместить в себя очень

многое. В трудные минуты к ним можно было обращаться, как к некой справочной таблице. Они могли даже спасти жизнь, так бывало... например, во время работы на планете, которую кто-то окрестил весьма малоподходящим именем Идиллия. Однако сейчас вспоминать об этом было совсем ни к чему.

Итак... Очередной рейс «Астролябии» был самым обычным, разведывательным, и система звезды ТП-66 была лишь одной из систем, которые предстояло обследовать во время экспедиции. Планет у звезды было три. «Астролябия» легла на орбиту за самой дальней из них, и, как всегда это бывало, прежде всего на планеты отправились автоматические зонды. По предварительным данным, ничего примечательного не было в этих трех планетах. Две были абсолютно безжизненны, на третьей, Лигейе, оказалась какая-то флора. Потом, как обычно, на планетах высадились разведчики. На каждой был развернут стандартный форпост, в котором разведчик проводил смену — десять земных суток. За это время планету детально обследовали автоматы форпоста, да и сам разведчик, как правило, не сидел все время под прозрачным куполом. Если было необходимо, форпост работал не десять дней, а больше, разведчика сменял другой. На Альтрозе он, Маккиш, обнаружил большие запасы цезия, и, чтобы уточнить ресурсы, его сменил Головков. Уже было почти очевидно: на Альтрозе будет работать рудник, здесь будет создано поселение землян. На Лигейе форпост был оборудован чуть позже. И сразу же Данилевский сделал открытие: есть не только флора — деревья и кусты с голубыми листьями и голубая трава, — но и фауна. Какие-то крупные, хищного вида птицы. Небольшие зверьки, похожие на земных сусликов. Насекомые. Впрочем, такие открытия не были редкостью: если, будучи на Земле, отправиться в Музей исследования Вселенной, можно увидеть сотни, тысячи образцов флоры и фауны из самых разных систем. Что и говорить, иной раз эти образцы просто оза-

дачивают: казалось бы, и представить нельзя, что такое может где-то существовать, а вот существует же.

Редкостью было совсем другое — разумная жизнь.

Стоп! Похоже, что Маккиш слегка отвлекся от точных и кратких формулировок и дал волю эмоциям. Пора возвращаться к положению дел на Лигейе.

Галлюцинации у Данилевского начались на второй день дежурства. Он, правда, сообщил о них на «Астролябию» только на четвертый и этим, между прочим, нарушил одну из заповедей разведчика, хотя его вполне можно было понять. Чем могли быть вызваны галлюцинации? Например, действительно переутомлением. Это допустимо, потому что Данилевский всегда был одержим работой и нередко оставался в разведывательных форпостах по две-три смены. Если разведчик изъявляет желание, это ему разрешается, но при условии, что он идеально здоров. Усталость могла подкрасться незаметно и проявиться резко и неожиданно.

Маккиш покачал головой. Все-таки в это не верилось. Врач «Астролябии» был придирчив и несговорчив. Значит, остаются какие-то особые условия Лигейи. Какое-то вещество в составе атмосферы? Но разведчик работает в скафандре, а внутри форпоста земной воздух. Правда, утечка воздуха все же могла произойти... теоретически, но автоматика немедленно бы это обнаружила. Данилевский об утечке ничего не сообщал. Может быть, был поврежден скафандр? Нет, это тоже не подходит в качестве рабочей гипотезы. Воздух Лигейи не годится для дыхания, повреждение скафандра означало бы почти немедленную гибель. Еще могло быть какое-то излучение, правда, что служило его источником? Ну, скажем, крупное месторождение вещества, еще неизвестного человеку. Вот это в качестве предположения подходило больше, хотя и здесь была некоторая натяжка: и скафандр разведчика, и помещения форпоста защищены от каких-либо излучений. Остается предположить, что в природе существует излучение, от

которого защиты нет. Излучение, которое, воздействуя на мозг, вызывает у человека весьма странные галлюцинации.

Что ж, это Маккишу и предстояло проверить. Проверить на себе. А пока, раз впереди еще несколько часов полета, можно подумать о чем-нибудь другом. Можно даже достать из кармана стопку исписанных листов и перечитать их.

Он углубился в чтение. Потом разорвал листы, уничтожил обрывки в огне с помощью кухни-автомата и надолго задумался.

Час спустя, пролетая мимо Эланы, Маккиш связался с Кулагиным, и на экране возникло бородатое лицо собрата-разведчика. На Элане было скучно: обычная методическая работа по оценке ресурсов, которых, похоже, там никогда и не было. Планета застыла, она была сплошь покрыта торосами. Автоматы форпоста вгрызались в недра и приносили неутешительные вести. Кулагин считал дни, оставшиеся до окончания стандартного срока, и хотел бы либо на Альтрозу, либо на Лигейю.

Они обменялись положенными в конце сеанса связи приветствиями, и Маккиш выключил экран. Кулагин остался на Элане, со своими автоматами.

С Альтрозой, на которой дежурил Головков, Маккиш связываться не стал: когда позже космокатер пересекал ее орбиту, планета находилась по другую сторону звезды. А еще через несколько часов он подлетел наконец к Лигейе.

Планета была зеленовато-голубой... нет, изумрудной. Издали, пока космокатер не подошел ближе, она представлялась плоским диском, и нимб атмосферы, окружавший диск, с внешнего края почти прозрачный, углубляющийся и невесомый, потом, к поверхности планеты, начинал густеть и наливаться темно-синей краской. Планета была величественной и торжественной; она медленно поворачивалась, пронося перед глазами Маккиша большой материк, похожий по форме на ог-

ромную грушу и окруженный созвездием пятен-островов. Материк на планете был один, на нем и стоял форпост Данилевского. Все остальное на Лигейе занимал океан, и поверхность его по необъяснимой причине казалась живой, движущейся, словно бы отсюда, с космокатора, можно было невооруженным глазом разглядеть волны, которые поднимал в океане ветер Лигейи, гоня их к берегу материка.

Мелодично прозвучал сигнал связи. На экране возникло расстроенное лицо Данилевского, и Маккиш оторвался от иллюминатора. Несколько мгновений он изучал лицо, и оно ему не понравилось. Под глазами Данилевского лежали глубокие морщины, которых прежде не было, казалось, что он постарел лет на десять, и вдобавок, всегда аккуратный, он перестал бриться. За несколько дней лицо обросло клочковатой, неопрятной бородой. Разглядывать лицо можно было, не стесняясь, потому что Данилевский упорно прятал глаза и, значит, не видел взгляда Маккиша на своем экране в форпосте.

— Здравствуйте, — сказал Маккиш, — я иду на посадку.

— Я вас жду, — ответил разведчик. Глаз он так и не поднял, и Маккиш его понимал. Для того чтобы попросить замену, надо было или серьезно заболеть, или же вконец растеряться, признаться в том, что задача тебе не по плечу. Хотя еще неизвестно, на что мужества требуется больше: на то, чтобы заявить всем, всему свету — и это будет занесено в корабельный журнал, войдет в анналы космофлота, — что ты больше не можешь, признать свое поражение, или в этом все-таки не сознаться?..

Он опустился в двухстах метрах от форпоста, возле космокатора Данилевского. Разведчик, пробывший на Лигейе семь дней и попросивший замену, одетый в скафандр, встречал Маккиша на месте посадки. Они обменялись рукопожатиями и вместе вошли в шлюзовую форпоста и потом вместе сняли скафандры.

Форпост, разумеется, был как форпост, самый обычный, по типовому проекту: жилой отсек, прозрачный купол с лабораторным столом и приборами, внешний стеллаж с ячейками, где помещались автоматы-разведчики. Именно потому, что форпосты были типовыми, каждый имел звучное имя — «Эвкалипт» там или «Илья Муромец». Этот, развернутый на Лигейе, назывался «Надежда». В таких же точно форпостах на самых разных планетах Маккиш провел... а в самом деле, сколько же он провел времени в таких форпостах? Ну, сейчас не время считать.

Машинально он посмотрел на приборы. Воздух в форпосте был земной, никаких отклонений от нормы, и Данилевский перехватил его взгляд на лету.

— Нет, — сказал он, — здесь все нормально. Это было первое, о чем я подумал, и тогда, конечно, все тщательно проверил. Приборы-анализаторы работают нормально, в воздухе никаких примесей.

— Это я так, — ответил Маккиш, — машинально. Ясно, что это вы должны были проверить прежде всего.

Данилевский вдруг хрустнул костяшками пальцев.

— Это нервы, просто нервы! Накопилась усталость, и нервы сдали... Или.. болезнь?..

Вблизи, в форпосте, лицо его казалось еще более усталым, чем на экране

Может, в самом деле усталость, нервный срыв, подумал Маккиш, простейшая причина, а вслух он спросил:

— Вы сами в это верите? В нервы?

Данилевский судорожно глотнул.

— Я... я не знаю. Однако, что может еще быть? Я бывал в стольких передрягах, и всегда во всем разбирался... сам.

— Ничего, вы отдохнете, — мягко сказал Маккиш. — Это, конечно, нервы.

Данилевскому было под пятьдесят. Двадцать пять лет он был разведчиком. Побывал за это время минимум

на сотне планет. За это время вполне можно устать и расстроить нервы. Но если держать себя в руках, врачи еще не скоро смогут обнаружить расстройство, особенно, если держать себя в руках именно в моменты медосмотров... Нет, все-таки этого быть не могло.

— Давайте чаю выпьем, — как-то очень быстро сказал Данилевский.

— Чаю? Да, конечно, спасибо! — Ниточка размышлений Маккиша прервалась. — Один только вопрос. О том, какого рода галлюцинации вас преследовали, я знаю. Но...

Данилевский вновь опустил глаза.

— Все, что со мной происходило, я, разумеется, заносил в магнитный дневник. Не скрывал ничего. И если вас это заинтересует...

В кухонном отсеке форпоста они пили чай — это была одна из незыблемых традиций разведчиков: тот, кого сменяли, обязательно угощал на прощание приемника чаем, — и Маккиш понял, что Данилевскому хочется покинуть форпост и Лигейю как можно скорее. Он даже нетерпеливо поглядывал на часы... как будто ждал и боялся очередного приступа своих странных галлюцинаций. И Маккиш, отставив чашку, сказал:

— Что ж, Юрий Иванович, считайте, что я вас уже сменил. Давайте согласно традиции я провожу вас к космокатору.

Пятнадцать минут спустя Данилевский улетел. Маккиш сам ввел программу маршрута в электронный мозг космокатора, и вмешательства Данилевского в управление не требовалось. Маленькая точка корабля растаяла в ярко-голубом небе, и Маккиш, оставшийся на планете один, побрел к форпосту. Пройдя шлюз, он снял скафандр и вновь, как это бывало всегда, удивился тишине: в разведывательных форпостах, если не работала связь или разведчик не включал для души какую-нибудь запись, всегда было невероятно тихо.

И, послушав эту тишину, он отправился под прозрачный купол, чтобы с самого начала прослушать дневник Данилевского.

3

Утром Маккиш увидел прекрасное зрелище. Местное солнце — красная звезда ТП-66 — окрасило горизонт призрачным розовым светом, густеющим на глазах. На горизонте был лес голубых деревьев — здесь вся растительность была голубой, — и казалось, в лесу набирает силу пожар. Огонь завораживал, как на Земле завораживает пламя костра, от него нельзя было оторвать взгляд. Однако Лигейя вращалась быстро, сутки здесь длились около двенадцати земных часов; и вот уже диск красного солнца поднялся над лесом, в котором пожар стал угасать, и в наклонных солнечных лучах все вокруг тотчас преобразилось.

Голубые листочки деревьев из небольшой рощицы возле форпоста повернулись к своему солнцу, словно локаторы, и потянулись к нему. Листочки были тонки, почти прозрачны, и красные лучи, казалось, пробили их насквозь, листочки заискрились невообразимым светом. Голубая трава плоской равнины, посреди которой на небольшом островке желтого песка стоял форпост, причудливо колыхалась в струях сильного утреннего ветра, и на равнине вспыхивали блески всех цветов радуги. А красное светило прямо-таки на глазах карабкалось по небосводу вверх, и палитра этого причудливого мира обновлялась все новыми красками.

Маккиш с усилием оторвался от великолепной картины, которую наблюдал из-под купола, и начал рабочий день, обычный день разведчика на неизученной еще планете.

С тем, что успел сделать Данилевский, он уже был знаком. Когда один разведчик меняет другого, дела не надо сдавать и принимать: все сведения есть на магнитной ленте. За семь дней автоматы форпоста со-

брали исчерпывающие данные об атмосфере и о закономерностях атмосферных процессов. Здесь оказался приятный климат со средней температурой в двадцать градусов; правда, иной раз налетали шквальные ветры, и атмосфера не годилась для дыхания. Эти шквальные ветры, как можно было понять, отличались ужасающей силой и должны были сметать на своем пути все. Форпост, например, не устоял бы. И, судя по всему, последний ураган только что миновал, так что Данилевскому повезло, что высадка на Лигейю была осуществлена после урагана. У этих губительных шквалов, как можно было понять по предварительной обработке результатов, была строгая периодичность: трижды в год.

Автоматы-сейсмологи изучали тектонику планеты. Процесс формирования коры еще не закончился, нередко были подземные толчки. Автоматы-геологи пробурили тысячи скважин; найдены были достаточные запасы платины, и это было достойной находкой. Несколько автоматов вели биологические наблюдения в океане, странствуя в его глубинах, и еще два автомата, кружась над Лигейей, составляли ее подробную карту.

Все правильно, Данилевский действовал по стандартному, много раз оправдавшему себя плану. На долю Маккиша, следовательно, оставался сбор биологических образцов, но автоматы-охотники обычно выходили на работу уже перед самой эвакуацией форпоста, когда автоматы-рабочие, соорудившие это временное пристанище человека-разведчика, уже вот-вот должны были вновь разобрать его и упаковать в космокатер. Еще на долю Маккиша оставались геохимические исследования, микробиологические, ряд других работ. Когда будет выполнен весь комплекс, результаты обработаны, описание Лигеи войдет в звездные каталоги, и на Земле решат, какая судьба ждет в дальнейшем планету, открытую экспедицией на «Астролябии». А первопроходцем на планете был он, разведчик Маккиш. Впрочем, нет, первопроходцем по справедливости был Данилевский.

Да, а еще на его долю оставались галлюцинации, которые мучили Данилевского. И любопытные галлюцинации.

С командного пункта он отдал приказ автоматам-геохимикам, надел скафандр и вышел из форпоста наружу.

Поблескивающие вороненым металлом и похожие на черепах, автоматы уже выезжали из ячеек наружного стеллажа. Они казались медлительными и неповоротливыми, но внешность была обманчива. Единственный материк Лигейи, например, они могли бы пересечь из конца в конец всего за несколько часов. Маккиш провожал их взглядом, и тут же одному из автоматов пришлось воочию показать свою скорость.

Вынырнув из-за низкого облака, на одну из черепах спикировали три огромные птицы с хищными клювами. Наверное, это странное существо показалось им легкой добычей. Но в последний момент черепаха сделала резкий рывок, и птицы промахнулись. Возмущенно вереща — в динамике скафандра были слышны внешние звуки, — они взмыли вверх и приготовились к новой атаке. Птицы были быстры и уродливы. Их перепончатые крылья — по четыре на каждую, словно у гигантских стрекоз, — были усеяны какими-то наростами, похожими на бородавки, а зубы, торчащие из разинутых клювов, походили на гвозди и были, наверное, такими же острыми. Землисто-зеленый цвет птиц был отвратителен.

Они вновь промахнулись. Когда зубы-гвозди уже готовы были вцепиться в металл — правда, обшивке автомата это не причинило бы ровным счетом никакого вреда, — черепаха молниеносно уклонилась влево. Маккиш усмехнулся: автомат-геохимик играл с местной фауной в кошки-мышки. Потом черепаха с места в карьер набрала скорость и мигом исчезла в лесу, видневшемся на горизонте. Две остальные черепахи, избежавшие атаки, благополучно скрылись с глаз еще раньше.

Птицы с пронзительным клетотом снова взмыли вверх и сделали круг над форпостом. Из-за облака вынырнули

еще два таких же отвратительных создания. Теперь у хищников была другая цель: человек в скафандре. Наверное, сверху он казался таким одиноким и незащищенным...

Маккиш включил защитное поле. Затем увеличил громкость динамика, ему хотелось получше услышать птичий клекот.

Уши наполнил отвратительный визгливый вой. Еще были слышны гулкие и частые удары, как будто несколько человек вразнобой колотили молотами по накопальне. «Да ведь это хлопают крылья», — сообразил Маккиш, и тут же одна из птиц камнем упала на него.

Он увидел ее голову прямо перед собой — в тридцати сантиметрах от прозрачного шлема. Странно: для столь быстрого, подвижного существа, у птицы были на удивление мертвые, как будто замороженные глаза. Они были пустыми и словно бы невидящими.

Тонкий птичий вой был теперь оглушительен, и вдруг он взорвался каким-то другим регистром — теперь звуки были низкими и рычащими. Получив мощный удар защитного поля, птица стремглав взмыла вверх. Остальные повторить атаку не решились.

Вот они, будни разведчика. Маккиш медленно обошел вокруг форпоста и вошел в шлюз. Снимая скафандр, он думал о своей работе. Что такое разведчик? Прежде всего, конечно, он ученый самой высокой квалификации и очень широкого профиля. Вернее, ученый особой специализации, который первым дает оценку и тектонике новой планеты, и ее геологическим ресурсам, и флоре, и фауне, если есть и они. Но и этого мало для разведчика. Потому что есть еще и всякого рода непредвиденные ситуации, в которых другой человек легко мог бы растеряться и погубить не только себя, но и все научные данные, тщательно собранные форпостом. На Этайе, например, он, Маккиш, однажды сорвал цветок и получил такой электрический удар, что потерял сознание. Но сознание нельзя было терять, потому что к нему, упав-

шему, со всех сторон потянулись другие такие же электрические цветы, и решение надо было принимать мгновенно. И он успел дать приказ одной из черепах-автоматов, которая, по счастью, была рядом... Черепаха быстро описала возле него круг, вобрав в себя все электрические заряды, предназначавшиеся ему, и цветы на глазах поникли, увяли. А потом он долго налаживал поврежденную черепаху, некоторые ее детали даже расплавились.

Да, разведчиком надо родиться. Вот Степанов им и родился; они учились вместе и вместе были в стольких экспедициях, и за спиной Степанова было много открытий, и много было практически безвыходных ситуаций. Но он погубил в себе прирожденного разведчика, став командиром, начальником экспедиций.

Маккишу вдруг стало весело. Тоже, хорош моралист-судья! А сам он о чем мечтает? Разве не хочет он тоже когда-нибудь оставить форпосты, чтобы... Вот и сейчас, пока не вернется первый из автоматов, у него ведь есть час или полтора свободного времени.

Он вошел в жилой отсек, маленькую комнатку, похожую на гостиничный номер где-нибудь на Земле. Большой удобный стол был под прозрачным куполом, но там он чувствовал себя как-то слишком уж на виду. Его словно бы видела вся планета, а никто не должен был видеть его за работой.

Он сел за маленький столик и положил перед собой стопку чистых листов. Неужели это свершится когда-нибудь — толстая, объемистая книга, на обложке которой будет его имя. Ведь столько всего осталось на Земле, что не дает покоя и настойчиво просится на бумагу. Потом когда-нибудь он обязательно напишет книгу и о разведке планет, вернее, о людях-разведчиках, но первая книга — о Земле.

Он снова представил свою фамилию на обложке. Без доли тщеславия, просто так представил. Маккиш — фамилия редкая. Что, предки были шотландцы — так

его часто спрашивали. Да нет, никаких шотландцев, неизвестно почему и как появилось такое странное сочетание слогов, ставшее фамилией.

Он подвинул ближе к себе чистый, пугающий своей чистотой лист бумаги...

И в этот момент все началось.

4

Стены форпоста растворились, их не стало. От форпоста вообще ничего не осталось. Был только ярко-желтый песок, небольшая рощица деревьев с голубыми листьями, прозрачное небо, красное солнце, поднимавшееся в зенит.

Он был без скафандра и поэтому чувствовал палящий зной. Он был без скафандра, но, как ни странно, мог дышать. Ноги по щиколотку ушли в вязкий, раскаленный песок. Сильный ветер, который ворошил песок, тоже был раскален и не приносил прохлады.

Но удивиться тому, что произошло, Маккиш не успел. Где-то высоко снова раздался тот отвратительный клеткот, который он слышал недавно в динамике скафандра, и он поднял голову к небу.

Громко хлопая четырьмя крыльями, сужая круги, над ним носилась эта отвратительная серо-зеленая птица с клювом, полным зубов-гвоздей. Сверху она видела, что человек был сейчас без этой блестящей одежды, которая может нанести, если подлететь поближе, такие чувствительные удары. Она решила, наверное, что человек забыл эту одежду дома и, значит, на него можно напасть снова и теперь ничего не бояться.

Птица камнем свалилась ему на голову, но он успел все-таки увернуться, реакция сработала молниеносно. Зубы-гвозди монстра металлом лязгнули всего в нескольких сантиметрах от него, и птица с визгом взмыла вверх. Машинально Маккиш отметил, как она велика: размах крыльев не меньше трех метров.

Так, несколько мгновений было выиграно. Но как защититься? Маккиш быстро огляделся. Песок, вокруг один только песок. Правда, впереди рощица, и под ветками можно укрыться, а там, оказавшись в безопасности, можно и подумать, что надо делать дальше. Пока же не до этого, пока надо добежать до деревьев.

Он побежал. Ноги глубоко увязали в песке, каждый шаг стоил невероятного труда. В беге по песку надо специально тренироваться, мелькнула мысль, нелепая мысль: обязательно буду теперь тренироваться в беге по песку.

Птиц теперь было уже три. Они летали над ним в боевом порядке, одна за другой, и, видимо, готовились пикировать на него по очереди. Делить добычу и, может быть, драться из-за нее они будут потом, а пока они все вместе должны заполучить эту добычу.

Первая из птиц вновь промахнулась. Зубы второй вырвали из комбинезона клочок ткани. От третьей он тоже успел увернуться. В боевом порядке птицы поднялись вверх, и Маккиш погрозил им кулаком.

Он потрогал плечо. Кусок из комбинезона был вырван приличный, но до тела зубы не достали. Ничего, у них все еще впереди, подумал Маккиш и побежал дальше. Медленно, очень медленно, он все-таки приближался к роще. Там из какого-нибудь подходящего дерева можно будет выломать крепкую дубинку, которая в битве с этими чудовищами уравновесит шансы.

В следующее мгновение зубы-гвозди разорвали ему локоть. Отчаянно хлопая четырьмя громадными крыльями, птица вцепилась в него мертвой хваткой. На Маккиша холодно, пусто смотрели серо-зеленые глаза. Шея монстра вблизи оказалась голой и жилистой, как у страуса, и на ней пульсировала крупная голубая артерия.

Свободной рукой Маккиш изо всех сил ударил птицу по голове. Нехотя разжав клюв, она поднялась метра на два, но в этот момент другая птица толкнула его в спину, и он упал на колени, едва успев ткнуть кулаком

прямо в клюв третьему чудовищу, которое без промаха падало ему на голову.

Птица, вцепившаяся в спину, рвала комбинезон. Через мгновение Маккиш ощутил резкую, невозможную боль в позвоночнике, и тогда он упал на спину, чтобы придавить, задушить собой птицу. Что-то под ним хрустнуло, обмякло; он почувствовал, что клюв, рвавший тело, отпустил его.

Он встал. В голове звенело, в позвоночнике ныло. Не оглядываясь, он еще раз ударил кулаком по клюву вновь зависшей над ним какой-то из птиц и побежал дальше.

Птиц теперь было пять, а роща, ему показалось, вдруг отдалилась. Да нет, этого не могло быть, просто кровь заливает глаза, и бежит он теперь медленнее, чем раньше.

Кровь? Он на бегу тронул лоб. Кровь была, значит, зубы задели все-таки и голову. Интересно, как на этих птиц действует кровь? Обычно хищники при виде крови...

Одна из птиц, спикировавшая как раз в тот момент, когда Маккиш на мгновение потерял бдительность, ударила клювом в колено. Кривясь от боли, он отогнал ее ударом кулака, но она еще успела на лету до крови оцарапать зубами-гвоздями руку. Нет, местные хищники не представляли собой исключения, здесь все было, как везде.

Клюв другой птицы вырвал лоскут кожи с плеча — как раз оттуда, где был порван комбинезон. Он отмахнулся от нее и, собрав последние силы, побежал быстрее. Нестерпимо болело колено, за этой болью уже не так ощущалась боль в позвоночнике. В висках, должно быть, от потери крови, стучали молоточки.

Жертва явно уходила от них, и птицы удвоили усилия. Когда до рощицы оставалось метров двадцать, не больше, на Маккиша обрушились сразу три птицы, а увернуться он успел только от одной. Клювы двух других тянули его в разные стороны, словно птицы хотели

разорвать жертву на части. «Когда я вбегу в рошу, им придется меня отпустить, — подумал Маккиш как-то отстраненно. Он словно бы думал не о себе, а о ком-то постороннем. — Им придется меня отпустить, потому что иначе они сломают крылья о стволы...»

Он пробежал эти двадцать шагов вместе с птицами. Крыло одной из них, мешая видеть, все время било ему по лицу. Наконец он вцепился в это ненавистное крыло обеими руками, не обращая внимания на то, что зубьгвозди рвут его тело, и под пальцами что-то хрустнуло.

Крыло, только что упругое, сразу обмякло, стало безжизненным. Оно тряпкой опало с лица, и Маккиш увидел, что роша голубых деревьев уже прямо перед ним, только два шага остается до спасения.

Эти два шага он пробежал по инерции, потому что не мог остановиться сразу. А можно было и не бежать, можно было сразу остановиться, застыть на месте и покорно ждать свою судьбу, ибо надеяться больше было не на что.

Роша исчезла. Она растворилась в воздухе, подобно миражу, и впереди, насколько хватало взгляда, простирался тот же ярко-желтый песок.

Напрягая силы, которые еще оставались, он стряхивал с себя остервенелых птиц уже как-то машинально, автоматически. Сначала он оторвал одну — вместе с куском комбинезона и клоком своего тела, — и она взмыла вверх, а потом другую. Другая тут же спикировала на него еще раз, и он еще успел увернуться, и птица, возмущенно вереща, тоже поднялась повыше.

А затем он навзничь упал на песок, ткнувшись в него лицом, и песок обжег лицо. Но это тепло вдруг показалось ему приятным и убаюкивающим. Даже боль куда-то ушла, хорошо было лежать на этом песке, не думая ни о чем и наслаждаясь тем, что вдруг пришла полная расслабленность, и не надо никуда больше бежать. Он даже закрыл глаза и на мгновение провалился в сладкую

пустоту. Вынырнув из нее, он снова ощутил приятное тепло песка.

Он услышал, что над ним что-то громко хлопает. Раздавались и какие-то другие неприятные звуки. Что это? Ах, да, это ведь птицы, о которых он на мгновение забыл. Как все это было? Он бежал к роще, чтобы от них спастись, но роща исчезла, и спастись было нельзя. Значит, надо встать, чтобы защищаться, пока хватит сил.

Он с трудом перевернулся на спину. В небе над ним кружили птицы Лигейи, их было много, даже не сосчитать, сколько. Облокотившись о песок, он с усилием встал на колени, и вдруг снова пришла боль. Но тогда же пришла и злость, которой раньше почему-то так долго не было. Он поднялся на ноги и стал ждать нового нападения, чувствуя, что вместе со злостью вдруг появилась непонятная и неизвестно на чем основанная уверенность, что он победит и что уже близок конец битвы с птицами.

Несмотря на резкую боль в колене, от первой же из спикировавших на него птиц он сумел все-таки — в который уже раз — увернуться. На него падала вторая птица, и Маккиш ждал. Она целилась ему в голову, и он поднял руки, чтобы схватить ее на лету за жилистую шею и отвернуть намертво маленькую головку с непомерно огромным клювом.

Руки ощутили противное тепло голой птичьей шеи; он сжал ее, чувствуя, как под ладонью лихорадочно бьется голубая артерия, и это биение вдруг прекратилось, а сама птица, обмякнув, свалилась к его ногам. Еще два или три раза в агонии щелкнул клюв, монстр встрепенул крыльями и затих.

Сразу четыре птицы упали на него, и все четыре не промахнулись. Но, не обращая внимания на то, что зубы-гвозди снова рвут его тело, Маккиш вцепился в голую птичью шею, стараясь нащупать эту голубую пульсирующую жилку. Вот жилка, вот она перестала биться;

и еще одна птица, затрепетав, свалилась на песок. Он схватил шею другой. И другое крылатое чудовище, сразу обмякнув, мешком плюхнулось к его ногам. Теперь, действуя уже хладнокровно, методично, Маккиш принялся за третьего врага, а четвертая птица, поняв, что происходит что-то неладное, разжала гвозди клюва и улетела с недовольным воем.

Он с отвращением отбросил последнего из врагов и посмотрел в небо. Над ним кружились четыре птицы, но теперь они, он знал, уже не нападут: они поняли, что человек нашел оружие против них, и, значит, он стал сильнее, чем они.

Маккиш медленно опустился на жаркий песок. Теперь ему было даже смешно. Скольких мучений и крови стоила ему эта битва, а победить было так просто. У чудовищных птиц есть уязвимое место — артерия на голой шее, — достаточно надавить на нее, и монстр погибнет. Он засмеялся: на шее была ахиллесова пята. За это открытие он заплатил дорогой ценой, но победил.

Он смотрел в небо. Птицы с недовольным клекотом покидали место битвы. Одна из них на мгновение закрыла крыльями красное жаркое солнце, по лицу победителя прошла тень...

И тут же все исчезло.

5

Маккиш сидел за столом, на прежнем месте, и перед ним лежал чистый лист бумаги. Машинально Маккиш провел ладонью по комбинезону. Ткань была цела. Тело было здоровым, в нем чувствовалась приятная бодрость. Сражения с птицами не было. Все это ему привиделось. Причина очевидна: как и на Данилевского, на него напали галлюцинации. Причем — это он осознал сразу же — точно такие же, те же самые галлюцинации.

Он встал и машинально посмотрел по сторонам. Вот шкаф, вот кровать, вот дверь в кухонный отсек. Все

привычно, все, как должно быть. Да, галлюцинации кончились, он вернулся в реальный мир. И сейчас не время размышлять о причинах — это можно будет сделать позже, сейчас надо сопоставить галлюцинации, испытанные им и Данилевским. Сопоставление не даст ответа о причине, но, может быть, укажет, где надо искать ответ.

Усевшись за стол с приборами под прозрачным куполом, он уже собрался снова приняться за дневник Данилевского, но в этот момент прозвучал сигнал связи, и на экране появилось крупное лицо командира.

— Данилевский прибыл, прошел обследование, — сообщил Степанов после обычного приветствия.

— Ну и как? — сухо поинтересовался Маккиш.

— Врач утверждает: состояние здоровья нормальное. О переутомлении речи нет. Психика в полном порядке. Правда, отмечен эмоциональный спад, вызванный тем, что он, разведчик, был вынужден просить замену. Ну и галлюцинациями.

— Значит, к здоровью галлюцинации отношения не имеют? — поинтересовался Маккиш.

— Да, это загадка.

Возникла пауза. Командир вопросительно смотрел на Маккиша. Потом он спросил:

— Были галлюцинации?

— Были, — не очень охотно признался Маккиш.

— Какие?

— Те же, что у Данилевского. Бой с птицами.

На экране возникла громадная рука Степанова, он стал тереть ладонью наморщенный лоб.

— Пока у тебя никаких предположений?

Маккиш пожал плечами.

— Никаких.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Сейчас я буду сравнивать свои видения с тем, что видел Данилевский, — хмуро ответил Маккиш.

— Я бы тоже начал с этого, — сказал Степанов.

Маккиш промолчал. Прошло полминуты. Лицо Степанова все не исчезало с экрана.

— Розе привет передай, — попросил Маккиш. — Пожалуйста!

— Передам, — пообещал командир, словно бы ждавший от Маккиша чего-то другого, и экран тут же погас.

Маккиш включил дневник предшественника.

Вот сведения о работе автоматов-тектоников... нет, о первой галлюцинации дальше... вот выводы Данилевского о цикличности атмосферных процессов, сделанные с помощью автоматов-метеорологов... еще дальше... стоп!

Под куполом зазвучал тенор Данилевского. Данилевский явно подбирал слова с трудом. Вполне понятно: не так уж просто здоровому и нормальному человеку описывать посетившие его вроде бы ни с того ни с сего галлюцинации, и причем знать, что с этим описанием потом познакомятся другие люди. Ну, так что он рассказывает о своих наваждениях?

«Еще должен занести в дневник сообщение о странном случае, — неуверенно говорил Данилевский. — Как к нему отнестись, пока не знаю. Вероятнее всего, то, что я испытал, вызвано переутомлением, потому что иных причин найти не могу. Впрочем, охотнее я искал бы любое другое объяснение, потому что чувствую себя превосходно. Но все по порядку, пускай это и покажется, как кажется мне самому, необычным...»

Данилевскому было хуже, подумал Маккиш. Он не ждал этого, галлюцинации напали на него неожиданно, и он вполне мог растеряться и все приписать нервам. А я знал, что они могут быть, или даже, пожалуй, знал, что они будут...

Голос с магнитной ленты окреп и обрел уверенность. Разведчик, как полагается разведчику, взял себя в руки и вновь стал хладнокровным исследователем. Маккиш слушал.

Все было точно так же, как у него. Точно так же Данилевский вдруг оказался в песчаной пустыне, без

скафандра, и на него напали те же самые отвратительные хищные птицы. Точно так же он побежал к роще, отбиваясь на ходу от птиц, и точно так же роща исчезла.

Стоп! Дальше было не совсем так.

Маккиш прокрутил ленту назад, чтобы прослушать последние фразы еще раз. И тогда тенор Данилевского, уже совершенно спокойный и будничный, сказал:

«Роща, до которой оставалось всего несколько шагов, исчезла. На меня свалились сразу несколько птиц, и под их тяжестью я упал на песок. Птицы терзали мое тело, я чувствовал боль, но встать не мог, сил уже не было. Мной овладело странное безразличие ко всему, что происходит, я закрыл глаза. Похоже, что птиц стало еще больше. Я чувствовал, что они рвут меня на куски, у меня мелькнула мысль, что все кончено. После этого я увидел, что снова сижу за столом под куполом форпоста, и, следовательно, ничего этого не было...»

— Так! — сказал Маккиш вслух. — Интересно! Здесь есть, оказывается, небольшая разница. Галлюцинации, оказывается, по-разному закончились. Но что это дает?

Он задумался.

Ничего это пока не давало. Если предположить, что видения вызваны каким-то веществом или излучением, могли ли у двух разных людей быть одинаковые видения? Излучение или вещество рождает образы, действуя на мозг; вряд ли оно вызовет одни и те же образы. Впрочем, возможно и другое: излучение будит только самые верхние слои памяти, последнюю память. Хищные птицы Лигейи и у того, и у другого разведчика должны были оказаться самым последним впечатлением, и вот тогда сходство видений объяснимо. А различные концовки привидевшихся картин можно объяснить разницей темпераментов, различием характеров.

Он оборвал цепочку размышлений. Нет, ничего пока такие размышления не давали. Они были слишком абстрактны, отталкивались от предположения, которое никто не доказал, и, значит, были пока беспочвенными.

Маккиш снова обратился к магнитному дневнику. Любопытно, была ли какая-то периодичность в галлюцинациях, посещавших Данилевского? После первого видения Данилевский, взяв себя в руки, занимался будничными делами. Выпустил черепах, которые должны были достичь берега океана и вести исследования в его водах. Обработал первые сейсмические материалы. Отдыхал. Обедал. Отправил на работу черепах-геологов.

Стоп! Вот она, запись о второй галлюцинации. Маккиш быстро подсчитал: она случилась через восемь часов двадцать четыре минуты. Сама галлюцинация была точно такой же, как первая, Данилевский описал ее почти слово в слово. Конец видения был столь же печален; разведчик почувствовал, что сопротивляться больше не может, и тогда все прекратилось.

Так, теперь можно перейти к третьей галлюцинации...

Спустя несколько минут Маккиш сделал любопытное открытие. Промежуток между началом второй и началом третьей галлюцинациями составлял те же восемь часов и двадцать четыре минуты. Четвертая повторилась через такой же срок, пятая и шестая тоже... и так далее.

Он вдруг представил, каково это было Данилевскому, тоже, без сомнения, заметившему эту периодичность; каково это было — раз за разом ждать, когда хищные отвратительные создания словно наяву начнут рвать тело, и иллюзия окажется полной, даже боль будет вполне достоверной. Всего Данилевский пережил ровно двадцать совершенно одинаковых галлюцинаций. Неудивительно, что на «Астролябии» у него нашли психологический спад, а другой, менее подготовленный человек, запросто получил бы нервное расстройство или хуже того.

Однако действительно ли галлюцинации были вполне идентичными? Если слушать записи по очереди, одну за другой, похоже, что так, а если...

Маккиш вернулся к самой первой записи, а потом

прослушал запись о последней галлюцинации. Разница была: в последний раз Данилевский потерпел поражение в сражении с птицами значительно быстрее, чем в прежних воображаемых боях. Что это значило? Если галлюцинации как-то связаны с душевным состоянием, это могло значить то, что у него действительно начали сдавать нервы, либо, что он давно уже понял, чем быстрее он сдастся, тем скорее видение окончится. Любопытно...

Да, все это было любопытно, но по-прежнему ровным счетом ничего не объясняло. Хотя уже позволяло наметить некоторую программу дальнейших действий. Сначала надо было переждать еще одну галлюцинацию, а в том, что она будет, сомневаться, пожалуй, не приходилось. Сравнить первую галлюцинацию со второй. Потом можно будет перебазировать форпост на другое место. Если причина явления — какое-то вещество, чье месторождение находится поблизости, дальнейшие видения будут слабее или исчезнут совсем. Потом можно будет начать поиски этого удивительного вещества со всепроникающим излучением, хотя автоматы-геологи не нашли ничего необычного.

Вещества, кстати, дающего излучение (если только, разумеется, причина в этом, но пока можно принять предположение в качестве черновой гипотезы) через строго определенные промежутки времени. Восемь часов двадцать четыре минуты это... это... И тут вдруг Маккиш понял, что это такое. Восемь часов двадцать четыре минуты — это ровно две трети суток Лигеи, составляющих двенадцать земных часов и тридцать шесть земных минут с секундами. Почему же именно такой промежуток?

Маккиш просто физически чувствовал, как его мысль бьется о какую-то невидимую преграду. Если бы излучение появлялось раз в сутки, тогда еще можно было бы что-то предположить, попробовать найти для такой точности объяснение. Например, в определенный час

лучи красного солнца ТП-66 попадают на запасы таинственного вещества под строго определенным углом, и этого достаточно, чтобы оно начало свою таинственную работу.

Он вздохнул. Очень примитивной была бы такая гипотеза. Была бы похожа, скажем, на размышления пещерного человека, объясняющего для себя причины, по каким день сменяется ночью. Нет, пока ему не построить разумной гипотезы. Надо ждать и собирать новые данные.

И вдруг еще одна мысль молнией вспыхнула в голове Маккиша. Она заставила его вскочить с места, со всех ног броситься в шлюзовую и надеть скафандр.

Он вышел из форпоста наружу. Все было по-прежнему: рощица с голубыми деревьями, желтый песок и эти отвратительные птицы, перекликающиеся высоко в небе.

Маккиш отошел от форпоста в сторону. Он смотрел в небо. Так и есть, птицы заметили его и приготовились к атаке. Но он не стал включать защитное поле, он поднял вверх руки и ждал.

Это были, наверное, другие птицы, не те, что уже знали, как больно может ударить одежда, в которую одет человек, и поэтому нападали смело. Но первую же из птиц Маккиш на лету схватил за жилистую шею и нажал на пульсирующую голубую жилу. И все было точно так же, как в видении: обмякнув, птица упала к его ногам, а другие поспешили покинуть место сражения.

Маккиш медленно побрел к форпосту, и мысль его снова билась о невидимую преграду. Об ахиллесовой пяте этих чудовищных птиц он не мог знать раньше. В первый раз, во время настоящего нападения, которое отразило защитное поле, он даже не разглядел, что на шее этого монстра бьется голубая артерия. И если так, значит, во время галлюцинации узнал то, чего никак не мог знать, а ведь видения, даже самые причудливые, всегда основаны на реальном опыте человека.

Красное солнце на глазах поднималось все выше. Когда на несколько мгновений оно застыло в зените, Маккиш увидел, как посреди равнины с голубой травой вдруг прямо на глазах пробились из земли и потянулись к солнцу побеги молодых деревьев. За каких-то десять минут побеги окутались дымкой голубых листьев, и там, где не было ничего, возникла молодая рощица, точно такая же, что возле форпоста. Да, на этой планете было на что посмотреть. А солнце, перевалив вершину неба-свода, уже стало спускаться вниз.

Маккиш постарался поживее представить, как здесь бывает, когда наступает период ураганных ветров. Деревья, конечно, вырываются с корнем, ураган несет их над материком, как спички. Все считается с поверхности планеты, и только мрачные горные хребты, кое-где поднимающиеся над материком, стоят незыблемо. Наверное, где-то там, в каких-нибудь горных пещерах и находят убежище хищные птицы Лигейи. А сухопутные зверьки, должно быть, зарываются глубоко в землю, потому что на поверхности спастись невозможно. К тому же, судя по некоторым геологическим находкам, иной раз ветры набирают такую силу, что гонят на материк из океана гигантские волны, заливающие громадные площади. Ничто на поверхности планеты не может противиться стихии, форпост, например, был бы пушинкой сметен ураганом. Здесь было бы уничтожено любое творение человеческих рук, каким бы грандиозным оно ни было. И если б на Лигейе могла возникнуть цивилизация, трижды в год неминуемо уничтожалось бы все, что она успевала возводить на планете в промежутки между ураганами.

Но потом стихают суперураганы, палящее солнце одно за другим высушивает на материке громадные озера океанской воды. Сначала материк, покрытый желтым песком, пустынен, только горы высятся над ним. Но пе-

сок покрывается голубой травой, а потом вот так, на глазах, из-под земли пробиваются побеги, полные не-сокрушимой жизненной силы, и то там, то тут одна за другой возникают рощи голубых деревьев. Проходит, наверное, неделя, другая; ежедневно там, где солнце высушило землю, вырастают деревья, и планета преображается.

Перед глазами — чудесный, искрящийся мир, и даже жаль становится, что он непригоден для жизни, что пройдет время, и ураганы, волны снова сотрут все с лица земли.

Он подумал, что платину добывать здесь будет трудно. Впрочем, можно, наверное, создать подземные поселения и в них переживать периоды ураганов и наводнений. А возможно, решение будет иным: построить поселения-спутники на орбитах вокруг Лигейи и трижды в год любоваться стихийными бедствиями сверху, из космоса.

Маккиш ждал: восемь часов тянулись медленно. Красное солнце наконец зашло, и наступила непродолжительная ночь. Маккиш дал себе короткий отдых, до рассвета. Потом он заполнил первые метры своего дневника и просмотрел информацию, собранную одной из черепах-геохимиков. Другие черепахи должны были вернуться позже. Потом Маккиш приготовил обед и остался недоволен своим аппетитом: было похоже, что он нервничает. Затем он снова вернулся к дневнику Данилевского, чтобы проверить, не упущены ли им какие-либо важные подробности. Пожалуй, желание снова прослушать дневник тоже говорило о том, что он нервничает, но Маккиш пошел навстречу своему желанию. Нет, ничего, он, конечно, не упустил. Но к дневнику все-таки обратился не зря — сделал открытие: время между последней галлюцинацией Данилевского и его собственным первым сражением с птицами составило не восемь часов двадцать четыре минуты, а ровно вдвое больше, шестнадцать сорок восемь. Один приступ наваждений

был словно пропущен... или интервал между ними почему-то увеличился.

Это тоже заставляло задуматься, но опять-таки ничуть не приближало к разгадке.

Маккиш ждал. Если пропуск был случайным, очередной сеанс наваждения должен был начаться вот-вот. Если интервал увеличился — тогда только еще через восемь с лишним часов. Впрочем, возможно, разные люди по-разному реагируют на действие этого... он искал подходящее слово... на действие того, что вызывает наваждения, и, значит, у него будут совсем другие интервалы?

Но он ждал, и наконец часы показали, что после первой галлюцинации прошло ровно восемь часов двадцать четыре минуты. Маккиш приготовился: вот сейчас снова растворятся стены форпоста, он окажется в пустыне, снова налетят птицы, но, в отличие от Данилевского, он снова выйдет в сражении победителем.

Время прошло. Он по-прежнему сидел за большим столом под прозрачным куполом, и все было по-прежнему.

Маккиш вздохнул и позволил себе расслабиться. Значит, у него действительно будут другие интервалы. Он встал. Надо было продолжать обычную работу. Много чего еще предстояло сделать разведчику на Лигейе; на очереди были микробиологические исследования. И Маккиш вдруг подумал о том, что, возможно, в этот самый момент — он взглянул на часы — Роза Редкоус, изящно склонившись над микроскопом, тоже занимается наукой.

Он направился к лабораторному столу, но не дошел до него, потому что по пути бросил рассеянный взгляд по сторонам. Все было по-прежнему за прозрачной стеной купола: островки ярко-желтого песка, голубая трава, рощицы деревьев с голубыми листьями, прозрачное небо, красное солнце, карабкавшееся вверх. Однако в этом ставшем уже привычным мире появилась еще одна деталь, которой быть здесь никак не могло.

Маккиш застыл на месте, глядя, как в голубом небе движется какое-то решетчатое сооружение, отдаленно напоминающее первые земные аэропланы.

С решетчатым сооружением происходило что-то неладное: оно двигалось рывками, словно бы кто-то порывисто дергал его за невидимую нить, и то взмывало вверх, то проваливалось вниз, едва не касаясь поверхности Лигейи. Наконец оно неуклюже ткнулось в островок песка, рядом с которым были три дерева, росших так, что издали они напоминали римскую цифру IV, и на глазах развалилось на части.

Из обломков появился человек — без скафандра. Шатаясь, он сделал несколько шагов в сторону от места катастрофы и упал. Потом с трудом поднялся и прошел еще несколько метров.

Обломки за его спиной как-то неправдоподобно неторопливо, словно бы показывали замедленную киносъемку, вспыхнули зеленым огнем, и тогда человек снова упал. Летательный аппарат, потерпевший катастрофу, разгорался все сильнее, а пилот продолжал неподвижно лежать на песке.

7

Одевать скафандр Маккиш не стал: почему-то он знал, что сейчас может обойтись без него. С птицами он сражался без скафандра, и воздух Лигейи был в тот момент пригоден для дыхания. Сейчас было то же самое, и к тому же нельзя было терять времени...

Он пробежал шлюз и оказался за стенами форпоста. Сразу же его снова обжег палящий зной. Воздух, ворвавшийся в легкие, был сухим и горячим, и уже через несколько мгновений перед глазами Маккиша поплыли красные круги. Он чуть сбавил скорость и стал ждать, когда организм приспособится к этим нестерпимым условиям.

Почему-то было очень тихо. Потом послышались гул-

кие и частые удары. Некоторое время Маккиш пытался определить их природу и, наконец, понял: в висках стучала кровь. Он еще немного сбавил скорость, стараясь дышать глубже и ровнее. Пройдет несколько минут, он втянется в ритм, и тогда темп можно будет взвинтить.

Красные круги мешали видеть, но сквозь них пробивались все-таки зеленые искры огня, к которому надо было бежать. Огонь, кажется, разгорался все сильнее, а пилот лежал совсем рядом с обломками. Может быть, в конце концов раздастся взрыв — взорвутся резервуары с горючим летательного аппарата, и тогда пламя дотянется до пилота, и спасти будет некого.

Маккиш побежал быстрее. Круги перед глазами уже исчезли, и тише становились удары в висках. Яснее были теперь и мысли. Отчетливо в голове Маккиша вдруг прозвучал вопрос: почему нигде вокруг нет этих четырехкрылых птиц, которые неминуемо должны были бы на него напасть?.. Впрочем, сейчас только и не хватало еще одного сражения. Хорошо, что их нигде не было видно...

Он бежал все увереннее, постепенно приближаясь к тому мигу, когда тренированный бегун находит второе дыхание. Еще десяток метров, еще...

И теперь его голова была занята только одной главной мыслью, которая почему-то пришла только сейчас, хотя должна была прийти сразу же, в тот самый момент, когда он вдруг увидел за прозрачной стеной купола то, чего никак не могло быть.

Как, каким образом на Лигейе появился этот летательный аппарат? И этот человек? И кто он? Ничего этого действительно не могло быть — ни пилота, ни летательного аппарата, — если б на Лигейе была разумная жизнь, не могло быть так, что за все это время на материке не нашлось ни малейших ее признаков. Но в первое мгновение Маккиш не думал об этом, потому что сразу же бросился человеку на помощь. Могло ли все это быть или не могло, в конце концов, это вопрос для последующих размышлений, а помощь была нужна немед-

ленно. О том же, что все это значит, он узнает теперь уже совсем скоро, когда добежит до места катастрофы. Там все станет понятным, а пока надо метр за метром двигаться сквозь это раскаленное пекло вперед.

Огонь впереди разгорался, а пилот, лежавший ничком, по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Теперь, правда, до него оставалось совсем немного. Еще десяток метров, еще... Теперь совсем рядом. Еще немного, и еще...

Он добежал, остановился и, переводя дыхание, дал себе несколько мгновений отдыха. Рядом с огромным зеленым костром, в который превратились теперь обломки летательного аппарата, жара была совсем уж нестерпимой. Обжигающий воздух казался плотной стеной, которая не позволяла сделать ни шагу дальше. Но до пилота оставалось еще несколько метров и, зажмурившись, Маккиш шагнул сквозь эту обжигающую стену.

Он закашлялся, дыхание перехватило, за этой стеной невозможно было дышать. Нагнувшись, он осторожно взял пилота под мышки и, чуть приподняв, протащил его несколько метров по песку. Дышать по-прежнему было невозможно, и перед глазами Маккиша снова поплыли красные круги. Чувствуя, как уходят силы, он протащил безжизненное тело еще немного и остановился. Но останавливаться было нельзя, и он ушел от огня еще дальше, и здесь уже можно было дышать и открыть глаза.

Он перевернул человека на спину, но не успел рассмотреть его толком, потому что тут же каким-то чутьем понял, что вот сейчас, через мгновение, раздастся взрыв. Тогда он сам бросился на песок, правой рукой вжимая в песок пилота, и сейчас же, будто этого он только и ждал, раздался оглушительный грохот, и над головами двух людей пронесся обжигающий смерч.

Выждав несколько минут, Маккиш осторожно пошевелился. Все было в порядке, тело слушалось. Он приподнял голову и огляделся. Огня больше не было, взрыв

уничтожил все, что могло дать ему пищу. Маккиш встал на ноги. Только теперь, собственно, он мог взглянуть на человека, неизвестно как и откуда попавшего на Лигейю, которому он, похоже, спас жизнь... если только он еще жив.

Человек, одетый в голубой костюм довольно странно-го покроя, был на удивление мал ростом; если б он встал на ноги, то далеко не достал бы Маккишу и до плеча. Кожа лица была медно-красной, губы толстыми, нос слегка приплюснутым, волосы казались соломенными.

Ладно, продолжать размышлять о том, почему и как этот человек оказался на Лигейе, было совсем не время. Маккиш опустился на колени и попробовал расстегнуть комбинезон. Комбинезон был странным — нигде никаких признаков застёжек. Однако биение сердца человека Маккиш ощутил и сквозь плотную серебристо-голубую ткань. Тогда он поднял тело пилота на руки и быстрым шагом двинулся к форпосту.

Странное дело: стук сердца этого неизвестно откуда взявшегося пилота словно бы отдавался в нем самом, он словно бы входил в резонанс с его собственным сердцем. Сначала эти удары отдававшегося в нем чужого сердца были сильными и частыми. Потом Маккиш почувствовал, как они стали замедляться. Несколько минут спустя кожа человека побледнела и стала серой. Тогда Маккиш, держа его на руках, побежал. Бежать было тяжело, неудобно, и Маккиш взвалил обмякшее тело на плечо. Купол форпоста сверкал в лучах красного солнца, как драгоценный камень, зрелище было очень красиво, это Маккиш отметил машинально, но до форпоста было не меньше километра. С ношей на плече, в палящий зной, по вязкому песку, это займет минут пять-шесть, если не больше...

Он преодолел это километровое пекло за пять минут. Он чувствовал, как с движением секундной стрелки все реже бьется сердце пилота. Зато, казалось, вот-вот

вырвется из груди его собственное сердце. Не было времени отдышаться, и, уложив человека на кровать, Маккиш бросился к аптечке. Стимулирующую инъекцию — первое средство — надо было сделать немедленно. Потом раненого надо было обследовать с помощью микродиагностика, который определит дальнейшее лечение.

Шприц готов, осталось обнажить руку, чтобы сделать укол. Но эта странная серебристо-голубая ткань без застежек никак не подавалась, она сидела на теле человека так, будто составляла с ним одно целое. Пытаясь найти у запястья какую-нибудь пуговицу, кнопку, петлю, Маккиш вдруг понял, что у пилота не пять пальцев, а шесть. Но и об этом не было времени размышлять, потому что ткань вдруг сама собой завернулась, открыв крепкую медно-красную руку чуть повыше локтя. Маккиш сделал укол; потом, подумав, сделал еще один. Вот теперь можно положить на грудь пострадавшего микродиагностик, и прибор начнет работу, которая всегда казалась Маккишу чуть ли не сверхъестественной. Ну как, в самом деле, это может быть, чтобы маленькая плоская коробочка, помещенная рядом с человеком, через несколько считанных минут выдавала самую полную информацию о состоянии его здоровья, а если человек болен, еще и указывала, какие нужны препараты. Он включил микродиагностик и сел на стул рядом с кроватью.

У человека, неизвестно каким образом и откуда попавшего на Лигейю, вдруг дрогнули губы. Несколько мгновений спустя лицо начало розоветь, к нему возвращались краски жизни. Маккиш бросил взгляд на индикаторы микродиагностика и ничего не понял: появившиеся там показатели были совершенно невероятными, они не имели ничего общего с привычными параметрами; но так и должно было быть, потому что маленький человек, лежащий сейчас на кровати в жилом отсеке форпоста, не был человеком.

Лишь только теперь Маккиш — он и сам удивился этому — допустил до своего сознания мысль, казавшуюся столь простой и очевидной. Лигейя обитаема, только по какой-то совершенно необъяснимой, непонятной причине до сих пор это не обнаружено. И вот на его глазах пилот-лигейянин потерпел аварию вблизи форпоста, и он, Маккиш, сумел спасти его от гибели.

Нет, нет, нет! Не так мы себе представляли самую первую встречу, как-то отстраненно, словно бы это касалось не его, а кого-то другого, подумал Маккиш, и в этот момент у пилота дрогнули веки.

Маккиш застыл на месте, всматриваясь в лицо инопланетянина. Лицо снова было медно-красным, живым. Грудь пилота стала ритмично опускаться и подниматься, теперь он дышал полно и глубоко. Веки продолжали трепетать, и, наконец, пилот открыл глаза.

Глаза оказались большими, по земным меркам даже слишком большими; из-за иссиня-черного цвета они казались бездонными. Но еще некоторое время глаза все еще были неживыми, ничего они не выражали.

Мысль возвращалась в них постепенно, какими-то скачками. И Маккиш следил за этим, затаив дыхание и боясь пошевелиться. Вот черные зрачки сдвинулись с места. Вот в них отчетливо отразилось непонимание, недоумение. Глаза остановились на лице Маккиша, и недоумение в них усилилось. Потом в них мелькнуло какое-то новое выражение, и лицо пилота тронула слабая улыбка...

А в следующий момент пилота-инопланетянина не стало, как, впрочем, не стало и микродиагностика, и шприца, да и самого жилого отсека.

Маккиш все еще стоял под прозрачным куполом, неподалеку от лабораторного стола. Здесь все было по-прежнему: приборы, экран видеосвязи, письменный стол.

Он растерянно огляделся по сторонам.

За прозрачными стенами форпоста тоже все было

по-прежнему: деревья, трава, песок, птицы, три дерева в виде римской цифры IV. Обломков летательного аппарата, следов зеленого костра, конечно, нигде не было.

Он устало потер ладонями лицо. Этих обломков, как и самого летательного аппарата, разумеется, и не могло быть, потому что точно через восемь часов двадцать четыре минуты его снова посетила галлюцинация. Правда, совсем не такая, как в первый раз. У Данилевского таких галлюцинаций не было.

8

Ну, так что все это значит?

За спиной Маккиша раздался голос Степанова, окликавший его по имени. Он обернулся, лицо командира на экране было явно встревоженным.

— Да, — отозвался Маккиш.

— Ну, наконец-то, — сказал Степанов. — Что происходит?

— А что было? — спросил Маккиш.

— Ты несколько минут стоял совершенно неподвижно. Смотрел в одну точку. Ничего не слышал.

«Понятно, — подумал Маккиш, — значит, все это время я стоял в полной неподвижности».

— Галлюцинация?

Маккиш кивнул.

— То же самое?

— Есть существенная разница.

Очень быстро, так, словно решение было принято им уже давно, Степанов сказал:

— Я буду у тебя через девять часов.

Маккиш кивнул.

— Вылетаю прямо сейчас. Но... может быть, ты хочешь вернуться?

Маккиш покачал головой и коротко ответил:

— Нет! Я тебя жду.

Здесь и в самом деле нужен был опыт еще одного

человека, подумал Маккиш, и, наверное, даже не одного; здесь происходило что-то такое, чего не переживал еще ни один из разведчиков. Хорошо, что здесь будет именно Степанов, потому что как ни говори...

— Командование экспедицией я временно передам Грозному, — сказал Степанов, и интонации были такими, как будто ему надо было оправдать свое решение.

— Правильно, — сказал Маккиш. — Я тебя жду, а пока мне бы хотелось привести свои мысли в порядок.

Экран погас. Маккиш снова остался наедине с непонятным. Теперь ненадолго. Впрочем, если все будет по-прежнему, еще одну галлюцинацию он переживет в прежнем одиночестве. Третью.

Сначала Маккиш занес подробный рассказ о том, что происходило, в магнитный дневник. Потом, повинуясь странному желанию, одел скафандр и вышел из форпоста наружу.

Ветер, заметно усилившийся, гнул ветки с голубыми листьями и поднимал маленькие барханы на островках песка. Красное солнце поднималось в зенит, и причудливо колыхавшиеся тени деревьев заметно укорачивались. Проходя мимо одного из деревьев — оно было остроконечным, — Маккиш подумал о том, что тень его похожа на стрелку компаса: показывает как раз на то место, где растут в виде римской цифры IV три дерева и где, как привиделось ему во время галлюцинации, упал летательный аппарат. Он шел и думал о том, что галлюцинация оказалась поразительно реальной — местность перед ним была точно такой же, в самых мельчайших деталях, как и увиденная им во время... во время чего? Он знал, что там, куда показывает тень-стрелка, он, конечно, не найдет ничего, и все-таки продолжал идти вперед; и снова его мысль словно билась о невидимую преграду: отскакивала от нее и снова билась, как бьется об оконное стекло случайно залетевшая в комнату бабочка, никак не догадываясь о том, что совсем рядом, всего в нескольких сантимет-

рах, широко открыта форточка. Где-то в этой невидимой преграде перед Маккишем, может быть, тоже совсем близко, была брешь, но искать ее приходилось на ощупь, и поэтому неизвестно, сколько времени могло уйти на поиски.

Он дошел, наконец, до места, где росли три приметных дерева, и остановился. Это было поразительно: совпадение галлюцинации и реальности оказалось абсолютным. Это было невероятно, невозможно, и все-таки было именно так. Вот клочок голубой травы, запомнившийся потому, что он был идеальной треугольной формы, словно так и задумал какой-то неведомый садовник; вот сломанная порывом ветра, упавшая с одного из деревьев ветка, вертикально воткнувшаяся в песок. Возможно, она так и приживется, вырастет на Лигее еще одно дерево. И разница была только в одном: в видении, которое посетило Маккиша некоторое время назад, вот здесь, рядом с равнобедренным треугольником травы, лицом к нему лежал человек, которого он хотел спасти; и у подножия трех одиноких деревьев дымились обломки его летательного аппарата, а теперь не было ничего, и песок, конечно, выглядел так, как будто на него никогда не ступала нога человека.

И, разумеется, именно так и обстояло дело: по нему действительно никогда не ступала нога человека.

Маккиш помедлил. Воображение у него было живым, а память хорошей, и он легко вновь представил себе все, что уже видел однажды на этом месте: пилота, пожар и себя самого — без скафандра, не так, как сейчас.

Потом он медленно побрел назад, к форпосту.

Так что же все это могло значить?

И, прежде всего, почему вторая галлюцинация так разительно отличалась от первой, в то время как галлюцинации Данилевского были все одинаковы, если не считать того, что постепенно он стал все быстрее и быстрее проигрывать сражения птицам?

А он, Маккиш, победил.

Он резко остановился, пораженный тем, что вдруг ослепительно вспыхнуло в его голове.

Он победил, и поэтому вторая галлюцинация была у него другой. Данилевский терпел поражения, и поэтому был обречен сражаться с птицами. А если бы Данилевский тоже хоть раз победил бы?.. Но он проигрывал раз за разом, и галлюцинации у него повторялись.

Повторялись, как будто кто-то ждал, когда же он все-таки найдет оружие против птиц, а решение было таким простым, требовалось только немного воли, стойкости, мужества.

Маккиш помотал головой. Нет, это все-таки было невозможно. Но... ничем другим это тоже невозможно объяснить... или пока невозможно. Значит, какой бы невероятной она ни казалась, надо достроить эту гипотезу до конца. Итак...

Он опустился на песок и, чувствуя, как сильно бьется сердце, стал развивать эту невозможную, невероятную, фантастическую и вместе с тем все объясняющую мысль.

Галлюцинации — искусственного происхождения. Они специально вызываются, например, каким-нибудь излучением. Испытуемому дается задача — сначала бой с птицами. И, хотя испытуемый остается во время вызванной галлюцинации в неподвижности, в мозгу его происходит работа, которая кем-то и как-то фиксируется и оценивается. Мозг принимает решение, определяющее поведение человека в заданной ситуации. Разные люди ведут себя по-разному. Мозг Данилевского никак не мог решить предложенную задачу, и поэтому задание все время повторяли. А он, Маккиш, победил, и тогда ему сразу же предложили другое задание.

Но кто и зачем?

Зачем? Да просто для того, чтобы узнать цену существу, появившемуся вдруг на Лигее. Для того чтобы

определить, чего от него можно ждать, достоин ли он внимания...

Солнце перевалило точку зенита, и тени сразу стали ощутимо удлиняться. Солнце заливало своими лучами равнину, на которой не было ничего, кроме песка и деревьев, а Маккиш все сидел на песке, глядя в одну точку и продолжая гипотезу дальше.

Данилевский испытания не выдержал, а сам он решил задачу с первой попытки. Возможно, ему просто повезло; возможно, у него лучше реакция, больше выносливости, чем у Данилевского, и это определило те решения, которые принимал его мозг во время вызванной галлюцинации. Вероятно, первое испытание — бой с птицами — было испытанием на смелость и находчивость. Тогда второе — на доброту, сострадание, готовность помочь...

Он снова покачал головой. Если галлюцинации действительно были испытанием, не слишком ли жестокими они оказались? Данилевскому они измотали нервы... хотя, возможно, он сам виноват, раз так быстро сдавался. И почему, собственно, испытания были жестокими? Ведь на самом деле ни Данилевскому, ни ему самому не грозило никакой реальной опасности. Все было воображаемым, все было похоже на тренировочный полет, когда для курсанта имитируются различные экстремальные ситуации, а на самом деле он не покидает Земли и работает на тренажере.

И все-таки... И все-таки, если какая-то цивилизация встречает представителей другой цивилизации, нужны ли вообще какие-то испытания? Ведь такие встречи, должно быть, невероятно редки.

Он усмехнулся и, как маленький мальчик в песочнице, стал струей сыпать на ладони песок. А как, собственно, вели бы мы себя сами, если б это на Землю вдруг прилетел разведывательный корабль неизвестно откуда? Бросились бы мы к НИМ с радостью, как об этом чаще всего писали, представляя себе такой момент,

писатели-фантасты, или же все-таки прежде всего проявили бы разумную осторожность. Последнее, наверное, было бы вернее...

Ну а что же теперь? Второе испытание, надо полагать, он тоже выдержал. Придя на помощь неизвестному существу, он, по-видимому, показал ИМ, что он, пришелец, способен на доброту и понимание.

Он встал. И тогда сразу же маленькое окошко в сплошной стеклянной преграде на пути его мысли, которое отворилось было на мгновение, вдруг снова захлопнулось. Потому что то, о чем он думал, было невозможно. Лигейя была пуста, автоматы не могли не заметить хоть каких-нибудь признаков разумной жизни, будь они даже на дне океана. Две другие планеты системы тоже были необитаемы, и, значит, некому было проверять земных разведчиков галлюцинациями. Некому.

Маккиш медленно возвращался в форпост, и под его ногами мягко шуршал раскалившийся песок. На мгновение красное солнце закрыла тень: в небе, громко перекликаясь, спешили куда-то несколько четырехкрылых птиц. И от этого Маккиш, повинаясь непонятной ассоциации, почему-то почувствовал себя царем Эдипом, стоящим перед сфинксом и мучительно ощущающим свое бессилие.

9

Когда очередной восьмичасовой отрезок времени стал подходить к концу, Маккиш понял, что начинает нервничать. До этого он работал: встретил вернувшихся черепах и выпустил на работу других. Занимался микробиологическими исследованиями. Внес собранную автоматами информацию в магнитный дневник. Но за полчаса до того, как, судя по всему, должен был начаться следующий сеанс наваждений, Маккиш поймал себя на том, что третий раз диктует в дневник одну и ту

же фразу. Тогда он резко нажал клавишу и остановил ленту. Он не мог позволить себе нервничать. Для того чтобы понять, наконец, что все это значило, надо было твердо и крепко держать себя в руках. Только вот сможет ли он понять?

Степанов был теперь совсем близко. Пройдет час, может быть, чуть больше, и его космокатер опустится рядом с форпостом. Правда, это будет уже после нового сеанса галлюцинаций, которые или все прояснят, или все запутают еще больше.

Лицо Степанова появилось на экране, как только Маккиш подумал о нем — командир словно был наделен даром телепатии. Лицо Степанова казалось хмурым и озабоченным, но, приглядевшись, Маккиш заметил в нем и какие-то неуловимо новые черты, каких на корабле никто никогда не видел. И он вдруг понял: да ведь Степанов, кто бы мог подумать, попросту рад, что летит на работу в форпост, и что его ждет загадка, с какой, пожалуй, еще никто из разведчиков не сталкивался.

— Идеи есть? — спросил Степанов.

— Есть, — отозвался Маккиш, — но только одна.

— Говори.

— Планета населена, и галлюцинации — это проверка на то, кто мы такие, и стоит ли вступать с нами в контакт. Ставя перед нами разные задачи, они каким-то образом понимают, как бы мы поступили в заданной ситуации. Есть, правда, одна загвоздка.

— Загвоздка?

Маккиш заставил себя улыбнуться.

— Население планеты, должно быть, совершенно невидимо. И невидимо все, что ими возведено, сооружено, построено. Невидимы корабли, летательные аппараты, заводы, энергоустановки... Это цивилизация невидимок.

Хмурое лицо Степанова разгладилось, в глазах появились огоньки.

— Если ты можешь выдвигать такие гипотезы, — сказал он, — дела с тобой обстоят не так уж плохо.

— Да я не шучу, — сказал Маккиш и вдруг почувствовал неожиданную обиду. — Не шучу, — повторил он упрямо.

Степанов улыбнулся широко и открыто.

— Ладно, еще немного, и мы с тобой во всем разберемся. Я уже почти долетел.

Экран погас. Степанов остался один, в своем космодатере, подлетающем к Лигейе. А он, Маккиш, один остался в форпосте. Один на один с загадкой.

И вдруг каким-то необъяснимым чутьем он понял, что действительно не шутил сейчас, что сказал Степанову истину, хоть и кажется она невероятной и невозможной; и кто-то вдруг снова словно бы приотворил перед ним то крошечное отверстие, сквозь которое мысль его могла наконец выйти за непреодолимую преграду.

Маккиш встал. Ему вдруг сразу стало легко и просто. За несколько последних часов он трижды отвергал пришедшую к нему после второй галлюцинации безумную мысль и трижды снова к ней возвращался, потому что... Потому что не мог найти ничего другого. Но для того, чтобы принять гипотезу, не хватало доказательств и не было необходимых объяснений. И вот теперь, когда он попытался ответить на вопрос командира не очень веселой шуткой, все вдруг словно встало на свои места. Это было озарение, похожее, например, на озарение Менделеева, увидевшего свою периодическую систему во сне, но это озарение было подготовлено всей прежней настойчивой работой мысли, искавшей решение.

И возможно, это озарение было составной и необходимой частью ИСПЫТАНИЯ, которое ему пришлось держать, и которое он, похоже, выдержал. Он представил, как сейчас кто-то внимательно следит за ходом его мысли, возможно, его рассуждения, как прежде его галлюцинации, проецируются на каком-то экране, и он стал додумывать все до конца.

Лигейя необитаема, потому что трижды в год на нее обрушиваются ураганы, сметающие все на своем пути. Здесь не осталось бы ничего, любое из сооружений человеческих рук было бы опрокинуто, сдуто, сметено пушинкой. Но проходит пора урагана, и вновь появляются деревья и трава, снова воздух рассекают птицы, нашедшие где-то убежище, из каких-то потайных нор выползают животные и греются в теплых солнечных лучах. Так неужели человек не нашел бы в таких условиях самого простого, но гениально простого решения? Да ведь он сам, размышляя о том, каково будет здесь работать землянам, решил задачу, причем даже двумя способами, и каждый из них верен.

А испытание?

Действительно ли оно было необходимо для того, чтобы люди одной планеты протянули руку людям другой? Наверное, если б форпост был развернут на Лигейе чуть позже, все было бы по-другому. Но у НИХ была возможность испытать существо, появившееся у них дома с неизвестными целями и неизвестно откуда, и ОНИ испытали его, чтобы убедиться в том, что он храбр, добр, находчив. И пока все говорит о том, что он вел себя так, как ОНИ ждали от него этого. От чего это зависело? От его подготовки, тренированности? Возможно. А Данилевский? Что ж, и он в конце концов решил бы, вероятно, задачу. Человек должен был бы решить ее, пусть не с первой попытки, но с десятой, с сотой. Наверное, так будет всегда: чтобы подняться на следующую ступень, человек всегда должен будет пройти ИСПЫТАНИЕ, показать кому-то и прежде всего самому себе, что он, человек, может все.

Маккиш ходил взад и вперед под прозрачным куполом форпоста. Теперь время тянулось медленно, а ему хотелось, чтобы оставшиеся минуты пронеслись мгновенно. И теперь он уже почти наверняка знал, что будет ему показано во время третьего сеанса испытания. И не ошибся.

Стены форпоста в назначенный час вновь растворились. Маккиш снова стоял на песке, без скафандра, и смотрел, как на безжизненной и безлюдной до этого равнине один за другим поднимаются из-под земли странные решетчатые сооружения, которые были, вероятно, домами, заводами, энергостанциями, уходящими с помощью каких-то специальных механизмов на время ураганов глубоко в недра планеты, слышал, как наполняется воздух гулом голосов, и увидел, как навстречу ему идут люди, шестипалые, в серебристо-голубых одеждах, делающие на ходу знаки приветствия: руки скрещаются над головой и раскачиваются взад и вперед. И он тоже сделал такой же знак и пошел к ним.

Все, видение тут же кончилось, он снова был в форпосте, один.

Направляясь в шлюзовую, Маккиш улыбался. Вот сейчас произойдет то, чего никогда еще не было ни с одним человеком, но он не чувствовал волнения, ему просто было хорошо. Вот сейчас он наденет скафандри выйдет на поверхность Лигейи. Минут через тридцать здесь, рядом с форпостом, опустится космокатер Степанова. Но еще до этого, должно быть, он, разведчик Маккиш, наяву увидит, как появляются на поверхности планеты дома Лигейи, наяву услышит, как воздух наполняется голосами людей Лигейи; и он пойдет им навстречу.

НА КУБОК КЛАРЕНСА

Маленькие космические катера, выстроившиеся на серых плитах посадочной площадки, были совершенно одинаковы, друг от друга они отличались лишь номерами и цветом. При жеребьевке Маккишу достался ярко-красный катер за номером «семь», и он счел это счастливым предзнаменованием. До этого по какой-то случайности, почти невозможной по теории вероятностей, ему трижды подряд выпадала фиолетовая «чет-

верка», и все три раза он даже собственного рекорда не мог на ней повторить, не то, чтобы завоевать Кубок.

Стоя напротив открытого люка, Маккиш внимательно разглядывал свою «семерку». Конечно, все эти спортивные юркие корабли, как и требуют правила, совершенно одинаковы, и все-таки... Существовали ли когда-нибудь две машины, схожие абсолютно во всем? Пусть они идентичны до винтика, пусть технология изготовления всех деталей автоматизирована донельзя, все равно рано или поздно у любой машины проявится свой собственный норов. У любой! Ведь так было всегда и во все времена, выпускал ли человек швейные машины, или паровозы, или автомобили, самолеты и т. д.

Маккиш бросил взгляд на высокого белокурого Александра Гостенина, нынешнего владельца Кубка. Тот также внимательно разглядывал доставшийся по жребию космокатер, словно разгадывал его характер. Все перед стартом похожи друг на друга, все словно бы взвешивают скрытые возможности своего спортивного снаряда — и рекордсмены, и новички.

Новичков, к слову, в этот раз было трое, и никого из них Маккиш не знал.

Перед строем космокатеров появились главный судья и его помощники. Значит, прямой репортаж о начале соревнований уже начался, смотрят его во всех ста тридцати четырех планетных системах, освоенных человечеством, на множестве научных станций и кораблей, разбросанных по Вселенной, и в бесчисленном множестве разведывательных форпостов, развернутых на не изученных еще планетах. Правда, сами соревнования начнутся попозже, когда все космокатера долетят до планеты Кларенса, лягут на круговые орбиты, и вот тогда...

Маккиш, как и все остальные девять участников, забрался в кабину, закрыл за собой люк, уселся в кресло пилота. Ожили приборы, засветились экраны

обзора. На левом экране был виден замерший перед стартом судейский космокатер. Прошло еще несколько долгих минут.

— Первый — старт! — послышался из динамика голос судьи-диспетчера — Второй — старт! Третий — старт!..

Услышав свой номер, Маккиш нажал пусковую кнопку...

Катер летел со сверхсветовой скоростью. И уже несколько часов спустя на центральном экране засветился темный, упругий на вид шарик планеты Кларенса.

Во все времена, вплоть до соревнований на Кубок Кларенса, спортсмены, как известно, настраивались на предстоящую борьбу по-разному. Если одним были необходимы тишина и покой, сосредоточенность, то другим — остросюжетные фильмы или бодрые, подстегивающие музыкальные ритмы. У каждого вырабатывается какой-то психологический стереотип. У Маккиша он тоже был: каждый раз, когда он приближался к планете Кларенса, то старался во всех подробностях представить, как все это было в самый первый раз, когда планету открыл капитан Дональд Кларенс.

Кларенс сам рассказывал об этом: мемуары капитана хорошо известны. Но писал он их много лет спустя, и, конечно, многое уже притупилось в памяти; в общем, тончайших оттенков всего того, что пришлось ему пережить, до читателя он уже не мог донести. Да и был он прекрасным космопилотом, человеком смелым, предприимчивым, спортсменом, исследователем, но вот писателем явно не был.

Итак, как же это было в самый первый раз?

Дональда Кларенса, англичанина по происхождению, судьба забросила в этот район Вселенной двадцать восемь лет назад. Он совершал обычный транспортный рейс, курс пролегал по пустынным местам, гра-

нице мира, освоенного людьми. Было известно, что в этом районе есть маленькая, ничем не примечательная звезда. Но Кларенс открыл рядом со звездой крошечную планету, о существовании которой никто и не догадывался. Планету, в соответствии с кодексом космического флота, надлежало исследовать. И на маленьком разведывательном боте Дональд Кларенс попытался высадиться на ее поверхность.

Тогда и начались чудеса.

Планета словно бы отталкивала бот от себя. Ее прозрачная атмосфера оказалась упругой и непреодолимой преградой. Причем характер сил отталкивания, причины, какими они вызывались, нельзя было выявить никакими приборами. Невидимая преграда существовала, и все тут. Капитан Кларенс не прекращал попыток добраться до поверхности. Тогда и выяснилось, что кое-где в атмосфере существовали своеобразные узкие «каналы», по которым можно было спуститься чуть ниже. Но затем бот вновь упирался в невидимую преграду, и приходилось возвращаться назад.

В самой планете не было ничего примечательного — поверхность ее была сплошной пустыней, ни растительности, ни животного мира. Но сам необъяснимый феномен заслуживал внимания.

Кларенс сделал еще несколько попыток. На ощупь, наугад, проникая то в один, то в другой невидимый канал, капитан смог пробиться в глубь атмосферы на какую-то сотню метров. И только!.. Ему удалось, правда, выяснить, что сеть этих «каналов» внутри атмосферы довольно сложна, они пересекаются, изгибаются, разветвляются.

Может быть, среди них есть и дорога к самой поверхности планеты?

Упрямый капитан Дональд Кларенс явился сюда позже со специальной экспедицией. Феномен заинтересовал ученых, появились разного рода гипотезы. Но и новую экспедицию ждало поражение: приборы рав-

ным счетом ничего не показывали, никаких аномалий, а проникнуть в глубь атмосферы было невозможно. «Каналы», прорезающие ее, походили на некий пространственный лабиринт, каждый ход которого заканчивался тупиком. Правда, из этого лабиринта всегда можно было выбраться, потому что компьютер исследовательского корабля, естественно, запоминал все изменения направления движения, и электронная память служила «нитью Ариадны».

Маккиш представлял, что должен был испытывать Кларенс, когда его корабль из раза в раз наталкивался на невидимую стену. Из иллюминаторов корабля атмосфера просматривалась насквозь, поверхность планеты, казалось, была совсем рядом, но словно бы чья-то невидимая сильная рука останавливала корабль. Маккишу тоже не раз случалось испытывать то же самое, но у Кларенса, несомненно, все было, конечно, гораздо острее. Человек, сумевший залететь так далеко от Земли, повелитель сложнейших механизмов, вдруг ощутил себя совершенно беспомощным. Это было похоже... да, это было похоже, например, на муху на оконном стекле, которая никак не может пролететь сквозь него.

Загадку планеты Кларенса экспедиция так и не разгадала. Предположение об искусственном происхождении планеты отпадало, потому что поверхность ее была явно природной. И планета, получившая имя Дональда Кларенса, пополнила длинный список необъяснимых загадок, которых уже немало преподнесла людям Вселенная.

Но капитан Кларенс еще несколько раз возвращался сюда. Как и в любом англосаксе, в нем была спортивная жилка. Пусть не удалось разгадать феномен планеты, названной его именем, но можно было хоть попытаться опуститься к ее поверхности чуть ближе.

Вот так и появился новый вид спорта, потому что у капитана нашлись смельчаки-последователи. Каждый

из них был вооружен предыдущими знаниями: ведь количество сведений о ходах-каналах удивительного атмосферного лабиринта росло, каждый старался продвинуться в атмосфере дальше другого. Давным-давно на Земле люди старались подняться на Эверест, высочайшую вершину, отступали, но предпринимали все новые попытки, пока наконец они не увенчались успехом. Спорт XXII века соответствовал уровню технических возможностей времени. Беспорядочные попытки сменились организованными соревнованиями, которые проходили раз в год, в них принимали участие люди, имеющие хоть какое-то отношение к космосу и владеющие космической техникой.

Он сам, Маккиш, был разведчиком-исследователем, работавшим в форпостах не изученных еще планет, Гостенин был космобиологом... Каждый надеялся выиграть Кубок Кларенса, который учредил в конце концов бравый капитан-первооткрыватель; чтобы его выиграть, надо было проникнуть в атмосферу планеты дальше всех. И сейчас Кубок был у Александра Гостенина...

Планета Кларенса росла на центральном экране. По правилам соревнований, космокатера стартовали к ней со специально созданной рядом со звездой второй планеты, на которой были базы, ремонтные мастерские, космогостиницы. За розыгрышем Кубка Кларенса следили все, потому что оставалась загадка, потому что человек не мог не идти вперед, потому что любую преграду надо было ему преодолеть.

А сам Кубок Кларенса? Ничего не было примечательного в этой статуэтке из золотисто-розового камня, добываемого на планете Крама из системы ТГ-79-029 и изображающей космопилота, держащего на ладони прозрачный шар, изрезанный ходами пространственного лабиринта.

И каждый год после соревнований, когда космокатера возвращались на стартовую площадку, кто-то

брал статуэтку в руки и поднимал высоко над головой, чтобы Кубок Кларенса в руках нового победителя мог увидеть весь мир.

Космокатера легли на исходные орбиты. Они были совершенно одинаковы по параметрам, только расположены в разных плоскостях. «Входов» в атмосферный лабиринт было известно уже так много, что никто из участников соревнований не получал преимущества перед другими, как бы ни пролежала его орбита. Всем были известны и «проверенные» уже тупики; второй раз в них никто не упрется. Но в любой точке атмосферного пространства мог открыться новый канал-ход, и можно было попытаться счастья... до нового тупика. А затем, возвращаясь назад, снова искать неизвестные ходы, чтобы потом опять упереться в тупик. После каждого соревнования число открытых и занесенных в память вычислительных машин каналов все увеличивалось, и лабиринт становился еще запутаннее и загадочнее.

Поглядывая на разноцветные точки на экране дальнего обзора — космокатера-соперники, — Маккиш ждал. Эти последние минуты перед сигналом главного судьи, который тоже сейчас крутился вокруг планеты Кларенса на судейском корабле, были самыми тяжелыми, по опыту Маккиш хорошо это знал. Даже более тяжелыми, чем те четыре часа, что отводились участникам на попытку прорвать атмосферу. Надо было психологически настроить себя, стать как бы частью своего маленького корабля, чтобы корабль был послушен малейшему движению пальцев, лежащих на пульте, мгновенно угадывал желание пилота. Это был очень болезненный процесс — слить свой ум, волю с мерным рокотом двигателей, молниеносной работой компьютеров, свечением циферблатов на пульте.

Но в момент старта это невероятное напряжение разом снималось и пилот словно получал от корабля дополнительный заряд энергии. Однако потом физическая усталость все возрастала от беспорядочных блуж-

даний в лабиринте — направо, налево, вверх, вниз, — и так все четыре часа, отведенных на соревнование. Четыре часа это предел, на самом деле смертельно устать еще раньше, и кое-кто прекращал борьбу задолго до истечения срока.

Правда, тот, кто сдавался раньше времени, не скоро потом будет вновь допущен к соревнованиям. Многие мечтали выиграть Кубок Кларенса, и для отбора девяти участников — оптимальное число, учитывая небольшие размеры удивительной планеты, — приходилось проводить предварительные испытания.

На шкале сравнительного высотомера засветились девять разноцветных точек. Прибор не будет фиксировать все сложные перемещения космокаторов, он отметит только глубины погружения в атмосферу каждого из участников состязаний. Тот, кому удастся опуститься ниже всех, станет на этот раз победителем. Толщина атмосферы планеты Кларенса невелика — всего-то около ста километров, но даже нынешний показатель Гостенина составляет пока лишь 22 783,04 метра.

Пропел мелодичный сигнал готовности. Томительная пауза перед стартом подходила к концу. И мгновение спустя, едва на приборной панели зажглась стартовая лампочка, Маккиш рванулся вперед, и сразу же вздрогнули, пришли в движение все девять разноцветных огоньков на шкале сравнительного высотомера.

Два часа пятнадцать минут спустя он дал себе короткую передышку. Руки, ноги, спина, шея уже налились свинцовой тяжестью, голова кружилась от этих постоянных рывков космокатора вверх-вниз, вправо-влево, вперед-назад.

А достижения за это время были весьма скромными: даже до повторения личного рекорда оставалось ни много ни мало 2019 метров.

Впрочем, этот рекорд как раз легко можно было

повторить. Ведь его маршрут хранится в памяти компьютера, и надо лишь дать команду к исполнению. Можно даже при желании повторить и победное достижение Гостенина. Но в том-то и дело, что любой рекорд кончается тупиком, а надо искать новые пути... и открывать новые тупики.

Закрыв глаза, Маккиш чувствовал, как отступает понемногу усталость. Правда, вместе с ней уходило и время. Он снова открыл глаза.

На шкале высотомера прыгали вверх-вниз разноцветные точки. Ниже всех опустилась пока зеленая — космокатер номер два. Красная «семерка» Маккиша находилась пока где-то на среднем уровне.

Зеленая точка поднялась вверх, застыла как бы в раздумье, поднялась еще чуть выше, и вдруг она резко ушла вниз и снова остановилась. Тотчас же ускорили движение вверх-вниз и все остальные точки. Каждый из пилотов не спускал глаз с высотомера, удача любого из них тут же подстегивала остальных.

Все! Отдых кончился и для Маккиша.

Он резко бросил космокатер вперед по коридору, в котором остановился, и через пару минут, как и следовало ожидать, снова наткнулся на преграду. Резко натянулись пристяжные ремни на груди. Короткая остановка, потом задний ход, отступление назад. При этом космокатер идет не ровно, а как бы стучится все время о стенки канала, пробуя, не откроется ли где-нибудь новый ход.

Космокатер провалился вниз — вот он, еще один канал. Маккиш развернул свой спортивный снаряд и помчался по новому ходу. Впрочем, чем больше скорость, тем ощутимее будет и удар о новую преграду.

Теперь на высотомере резко устремилась вниз красная точка, подстегивая пилотов других космокатеров. Канал был извилистым, на поворотах космокатер, прижимаясь к невидимым стенкам, слегка тормозил, а потом, ускоряясь, вновь устремлялся вперед.

Ярко-красная муха, сумевшая-таки проникнуть в структуру прозрачного стекла и ошалело мечущаяся по его капиллярам, стремясь вырваться наружу с другой стороны...

На этот раз удар был очень ощутимым, у Маккиша даже потемнело в глазах. Медленно, осторожно он повел космокатер назад, ощупывая им стенки.

Вот он, новый канал, уходящий вправо. Но там же и новый тупик. Вот еще один ход... Маккиш помчался по нему, развив еще большую скорость. И спустя две минуты снова с размаху ударился о невидимую преграду.

Он опять дал себе короткий отдых, удар снова был чувствительным.

А зеленую точку красная пока так и не догнала.

Любопытно, где фиолетовая точка рекордсмена? Оказывается, Гостенин сильно отстал, пропустив вперед не одного-двух, а сразу шестерых соперников.

Назад, вправо, влево, вверх, вниз. Новый ход... Теперь он вел вверх, и, повторяя его изгибы, катер описал кривую и снова пошел в глубь атмосферы. Конечно, новый удар не заставил себя ждать.

Минут двадцать спустя Маккиш снова остановил космокатер. В этих соревнованиях неминуемо настанет момент, когда все начинает казаться бессмысленным. Пробриться к поверхности планеты невозможно, об этом нечего и думать. Да и зачем? Что могло ждать человека на этой плоской равнине, даже если он найдет ход? Только сознание того, что в памяти компьютера теперь будет маршрут, по которому добраться сюда сможет каждый желающий. Нелепыми были бесконечные шатания космокатера взад-вперед, вверх-вниз, вправо-влево, нелепым был Кубок Кларенса, нелепой была и сама открытая капитаном планета с атмосферой, изрезанной каналами. Несуразный природный феномен, только и всего. Существует он, и ладно, надо

было зафиксировать его существование и тут же об этом забыть.

Маккиш блаженно вытянул гудящие ноги, расслабил тело и несколько минут сидел неподвижно. Сейчас он еще немного отдохнет и поведет космокатер назад. Вот, кстати, желтая и голубая точки на шкале высотомера уже были наверху, на исходных позициях: умницы-пилоты «шестерки» и «четверки» раньше всех поняли всю нелепость происходящего, почему-то раньше ускользавшую от сознания, и теперь, конечно, никогда уже не будут участвовать в соревнованиях на Кубок сумасброда Кларенса.

А лучше всего вообще их отменить.

Он, Маккиш, тоже никогда не будет в них участвовать. Пускай другие стучатся на своих космокатерах в прозрачные стенки, испытывают головокружения, перегрузки и ни с чем не сравнимую усталость. Физическую усталость, которая в конце концов многократно помножается на тяжелую усталость от сознания нелепости всего происходящего.

Маккиш двинулся назад. Правда, совершенно машинально он продолжал простукивать стенки канала. И довольно скоро открыл новый ход, он резко уходил вниз. Мгновение помедлив, пилот повернул космокатер.

Ход свернул вправо, потом влево. Понемногу Маккиш увеличивал скорость, а ход никак не кончался. Он был самым длинным из всех, по каким приходилось сегодня двигаться ярко-красной «семерке».

Скорость космокатера возросла. Летели мгновения. Красная точка на высотомере поползла вниз, пошла к зеленой, обошла ее. И Маккиш вдруг почувствовал, как спадает то напряженное ожидание удара, которое раньше никогда не отпускало его.

Все! Теперь сомнений не оставалось. Ему несказанно повезло: он — именно он! — нашел наконец единственно правильный ход. Доказательством этому служит хотя бы то, что еще ни разу никто не открывал в

атмосфере канал такой длины. Доказательством было и ощущение того, что удара больше не будет: ведь интуиция для космопилота такое же необходимое условие, как реакция, мастерство.

Космокатер продолжал забираться в атмосферу планеты Кларенса все глубже.

А потом он ударился о невидимую преграду с такой силой, что лопнул один из ремней, привязывающих Маккиша к креслу, и пилот на несколько минут потерял сознание.

Когда он пришел в себя, все было по-прежнему. Надсадно ревели двигатели космокатера, а сам он стоял на месте, упираясь в невидимую преграду и дрожал всем корпусом.

Маккиш пошевелился, машинально потрогал лопнувший ремень, покрутил головой. Голова гудела, и перед глазамиплыли разноцветные круги. Нет, на этот раз действительно хватит! В конце концов у него есть работа исследователя-разведчика, где тоже немало разнообразных загадок, причем решаются они, как правило, чисто логическим путем, и для этого вовсе нет необходимости каждый раз разбегаться, чтобы удариться с размаха лбом о невидимую стену.

На планете Пандейра, например, он сумел разгадать загадку происхождения минерала та-ча-ка-фа-на, ставившую в тупик геологов. На Итаке выследил загадочное невидимое существо, присутствие которого человек чувствовал каким-то шестым чувством, а самые точнейшие приборы ничего не фиксировали.

Исследователь-разведчик, работающий в форпостах на разных планетах, это ученый широкого профиля, а вовсе не каскадер, участвующий в головокружительных трюках, чтобы позабавить других людей.

Сейчас он повернет назад и постарается навсегда забыть о самом существовании планеты Кларенса. Вот и оранжевая «единица» благоразумно перестала гнаться за невозможным и лежит теперь на стартовой орби-

те, дожидаясь, пока все остальные последуют ее примеру.

Вот, сейчас...

А все-таки интересно, куда он забрался на этот раз? Побил ли рекорд Гостенина?

Маккиш запросил компьютер космокatera, и на экране дисплея засветился пройденный маршрут.

Несколько долгих минут Маккиш тяжело смотрел на его очертания. Потом он провел рукой по глазам, как будто хотел снять с них пелену. Потом даже провел по линиям пальцем, словно не верил глазам.

Можно ли было поверить тому, что он увидел?

В голове Маккиша прыгали обрывки бессвязных мыслей. Наконец они стали определеннее, и он снова взялся за клавиши дисплея. Интересно было узнать, какими были маршруты других космокатегов.

И тут же Маккиш сделал любопытнейшее открытие, которое почему-то так долго никому не давалось. В атмосферу планеты Кларенса космокatera входили, следуя одними и теми же линиями маршрута, пусть они даже начинались в разных ее точках. А потом начинался хаос. Рекордный маршрут Гостенина был очень сходен с тем, который только что проложил он сам на своей «семерке». Вернее, до известного места. Потом «линия Гостенина» тоже утрачивала смысл. Сам же он, Маккиш, случайно продолжил эту линию так, как надо, но потом, совсем недавно, тоже сбился с пути.

Теперь Маккишу даже стало смешно. Таким простым оказалось решение, а чтобы найти его, нужны были годы, и даже новый вид спорта понадобился. Но теперь-то он знает, что надо делать!

Он еще немного помедлил. Атмосферу теперь он пройдет, в этом сомнений почти не было. А что ждет его на поверхности планеты?

Он ввел в компьютер программу дальнейшего полета. Компьютер сам поведет космокатер: сначала не-

много назад, а потом от некой точки вперед. Сложный, замысловатый маршрут проделает он, прежде чем опустится на планету.

Космокатер двинулся назад, дошел до обусловленной точки, остановился. А потом двинулся вперед маршрутом, который Маккиш ввел в память компьютера.

Скорость корабля понемногу увеличивалась, сейчас, по программе, он должен был резко свернуть влево, описать замысловатую кривую, потом пойти по прямой. Должен был... если, конечно, Маккиш все решил правильно.

А может быть, космокатер вот-вот снова с размаху ударится о невидимую преграду?

За мгновение до поворота Маккиш покрепче уселся в кресле. Все-таки теперь остался только один пристяжной ремень... Но космокатер повернул, описал кривую, пошел дальше...

Маккиш отстегнул ремень. Он больше не понадобится. В душе пилота поднималась теплая волна радости. Он сумел разгадать то, что ускользало от других. И впереди ждет награда, которая, конечно, много ценнее Кубка Кларенса.

Потому что космокатер шел по маршруту, который в точности повторял написанную неведомой рукой формулу достижения сверхсветовой скорости. Те, кто создавал эту планету, словно бы закрыли ее на ключ, и попасть на нее мог только тот, кто достоин этого.

Достойны этого, очевидно, только цивилизации, достигшие самых высоких ступеней развития, знавшие в том числе и эту формулу. Физические законы Вселенной всеобщи, принцип достижения сверхсветовой скорости один и тот же для любого разумного существа. Простой ключ, но надо было проявить еще немного наблюдательности, чтобы найти его.

Как и почему эта формула «вписана» в атмосферу с помощью земных математических символов, в конце

концов дело десятое. Может быть, сама эта атмосфера как бы читает мысли любых разумных существ, постигает их язык и на ходу перестраивает свою структуру?

Космокатер сделал еще несколько виражей, выписывая в атмосфере очертания огромных размеров формулы.

Планета пуста, на ее поверхности нет ничего, что можно было бы считать созданием чьих-то чужих рук...

Но ведь не зря же хозяева ее так тщательно закрыли вход. Простая мысль: они хотели вступить в контакт или передать что-то лишь тем, кто способен вступить с ними в разговор.

Космокатер уже одолел большую часть маршрута. Должно быть, с недоумением, неверием, непониманием следят сейчас за красным огоньком на своих высотомерах пилоты восьми остальных космокатеров. А «семерка» вот-вот коснется поверхности планеты Кларенса.

ФАНТАСТИКА В ШУТКУ

ЗАГАДКА ЭТАНЫ

Автоматика не подвела: включавшиеся по приказу электронного мозга локаторы выбрали хорошее место, потом мозг, сделав молниеносный расчет, включил тормозные двигатели, и тут же в рубке зазвучала мягкая, приятная музыка, под которую, как давно установили космофизиологи, легче переносятся перегрузки. Затем, в тот самый миг, когда это было нужно, из днища корабля выдвинулись девять металлических ног-опор, снабженных амортизаторами. Теперь поверхность планеты была совсем близко... И несколько минут спустя амортизаторы мягко погасили скорость, звездолет замер в неподвижности, и спинки кресел членов экипажа тут же автоматически поднялись. Все, полет окончен!

Командир, как ему и полагалось, был более сдержан. Он не бросился к иллюминаторам, как это мгновенно сделали Навигатор, Исследователь и Бортинженер, а занялся приборами. Приборы показывали, что за бортом плюс двадцать пять по Цельсию и что воздух по химическому составу почти не отличается от земного — ну хоть прямо сейчас выходи без скафандра. Установив это, капитан и сам мог бы теперь взглянуть в иллюминатор, но по какой-то необъяснимой конструкторской прихоти иллюминаторов в рубке было только три, хотя членов экипажа — четыре. Командир кашлянул, выдержал паузу и наконец сдержанно спросил:

— Ну и что там?

— Пока все как на Земле, — ответил Навигатор, и в его голосе отчего-то прозвучало разочарование.

— Большое ровное поле, — прокомментировал Исследователь. — Вдали лес. Да ты сам посмотри. Я подвинусь...

Да, звездолет стоял точно в центре большой поляны, поросшей зеленой травой, а вдали, на горизонте, темнела полоска леса. Ничего больше вокруг не было, и это казалось странным. Командир озадаченно почесал затылок. Но на то он и был Командиром, чтобы не теряться в любой ситуации, и он тут же принял решение.

— Выпустить зонды-разведчики!

Зонды исследовали местность в радиусе в сотню километров. Вокруг лежали поля, леса и совершенно земные болота. Ничего больше не было, и в сердца членов экипажа начало заползать сомнение. Но не могло же...

— Нет, этого не может быть! — твердо сказал Командир. — Ошибиться на Земле не могли, и, значит, мы прилетели туда, куда надо.

— Конечно! — хором ответили Навигатор, Исследователь и Бортинженер.

Ошибки действительно быть не могло. Расшифрованная информация, содержащаяся на борту инопланетного корабля-автомата, некоторое время назад залетевшего в Солнечную систему (сколько же времени, сил, труда потребовала расшифровка!), позволила установить, что корабль был послан именно отсюда, с третьей по счету планеты одной из ближайших к Солнцу звезд, что на этой планете есть высокоразвитая цивилизация и что она уже тысячи лет посылает к Солнцу направленные информационные передачи, которые почему-то никто не улавливал. Кстати, почему? Здесь была какая-то загадка, но ее и нужно было разгадать экспедиции землян. Экспедиции, которой впер-

вые в истории человечества предстояло встретиться с людьми другого мира.

— Увеличьте радиус поиска! — распорядился Командир.

На разведку отправились зонды дальнего действия. Но они еще не успели вернуться, как случилось нечто необъяснимое. У всех четырех членов экипажа одновременно разболелись зубы, причем все тридцать два. Это было невозможным, невероятным — кто же не знает, что в дальние экспедиции уходят только идеально здоровые люди, — но все-таки случилось.

Бортинженер — голова его была повязана платком — сидел за столом и от зубной боли раскачивался из стороны в сторону. Навигатор с лицом мученика крупными шагами ходил по рубке взад и вперед, бормоча себе под нос что-то невразумительное. Командир и Исследователь старались держать себя в руках: Командир проверял записи в бортовом журнале, а Исследователь сосредоточенно смотрел в иллюминатор и ждал, когда вернутся зонды дальнего действия.

Прошел час, потом другой. Необъяснимое явление — зубная боль — не прекращалась, и, когда зонды вернулись на борт звездолета, собранная ими информация была встречена безо всякого энтузиазма, хотя вполне этого заслуживала.

— Значит, все правильно! — процедил Командир.

— Да, разумная жизнь действительно есть, — раскачиваясь от боли из стороны в сторону, произнес Бортинженер.

— Ой, — простонал Навигатор.

— Обнаружены города, магистрали, различные промышленные объекты, — промычал Командир с таким выражением, словно бы надеялся, что эти слова принесут ему хоть на миг облегчение.

— Значит, скоро состоится контакт, — мрачно кон-

статировал Исследователь. — Первый контакт. В истории человечества произошло событие огромного значения.

— Ой, — простонал Навигатор.

Следующий час не принес облегчения. Правда, на короткие мгновения зубная боль вдруг прекращалась — у всех одновременно, и это опять-таки было необъяснимо, — но затем следовали новые приступы. А еще через час...

— Нет, надо все-таки что-то делать! — сказал Исследователь. — В конце концов мы мужчины, космолетки, первопроходцы. И что бы ни случилось...

С осуждением взглянув на платок Бортинженера, все так же сидевшего, раскачиваясь из стороны в сторону, за столом, он встал и направился к приемопередатчикам.

— Сейчас мы подадим им сигнал, — сказал он со всей возможной твердостью. — Сейчас состоится контакт. К тому же, — пробормотал он в сторону, — может быть, у них есть совершенное быстродействующее средство от зубной боли...

— Да, отправьте им информацию о нашем прибытии! — мужественно распорядился Командир.

Исследователь сел за пульт и включил приемопередатчик. Несколько мгновений он щелкал тумблерами и вращал ручки настройки. Потом его лицо вдруг просветлело. Некоторое время он сидел неподвижно, с блаженной улыбкой, и словно бы прислушивался к чему-то, происходившему у него внутри.

— Что... прошло? — выдавил из себя Бортинженер.

Боясь поверить себе, Исследователь кивнул головой.

— А у меня все еще болят! — мрачно отозвался Навигатор.

— Отправляйте информацию! — мужественно повторил Командир.

Исследователь взялся за одну из ручек, и тут же его лицо снова скривилось. Повинуясь первому побуж-

дению, он повернул ручку в прежнее положение, и его лицо опять посветлело.

— Друзья! — пробормотал он... — Кажется... я... эврика... Идите все сюда... ближе...

Мгновение спустя все члены экипажа звездолета как можно теснее прильнули к панелям приемопередатчика. На их лицах играли счастливые улыбки. Исследователь делал какие-то быстрые расчеты с помощью портативного электронного мозга. Наконец он подвел итог, выпрямился, вздохнул и включил приемопередатчик на какой-то определенный, рассчитанный им режим. Тотчас же на приемных экранах вспыхнуло изображение, появились лица инопланетян, коренных обитателей этого мира (ничем они не отличались от землян!), изображения чужих городов, которые понемногу трансформировались в привычные земные слова и цифры...

И полчаса спустя земляне знали уже все.

— Господи! — давясь от смеха, пробормотал Командир. — И хороши же мы оказались в их глазах!

— Но кто же знал, кто же знал, — с трудом выговорил Исследователь.

— Нет, тысячелетия... — Навигатор смахнул выступившую от приступа смеха слезу. — Тысячелетия... И никто ничего не мог понять... Никто...

— Шалфеем полоскали, — выдавил из себя Бортинженер.

Раздался громовой взрыв хохота.

— А зубные врачи, зубные врачи... — простонал Командир.

На его глазах выступили слезы. Но усилием воли Командир взял себя в руки.

— Значит, так. Заношу в бортовой журнал. Направленное информационное излучение жителей планеты Этаны, которое тысячелетиями направлялось в сторону Солнечной системы, было рассчитано на то, чтобы возбудить колебания в зубных нервах и этим дать

понять людям, что идет передача. Для того чтобы преобразовать информацию в звуковой и изобразительный ряд, необходимы были соответствующие приемники, в которых электромагнитные колебания возбуждались бы с той же частотой, что и в нервах. Когда частота совпадает, зубная боль, понятно, исчезает. Однако тысячелетия...

— Да, никто так и не мог ничего понять! — смеясь, перебил Бортинженер.

Лицо Командира помрачнело. Ему вспомнились века страданий, которыми заплатило человечество за непонимание. Впрочем, земляне уже знали: в жестокости жителей Этаны трудно было обвинить. Колебания в нервах возбуждались с таким расчетом, чтобы человек, разумное существо, должен был ощущать их лишь в самой слабой степени. Однако то, что ответной информации с Земли не поступало, заставляло жителей Этаны постепенно увеличивать мощность. Впрочем, информационный поток за миллиарды километров, конечно, рассеивался, и зубы у землян болели не все и не у всех. К тому же, разные люди наделены разной степенью чувствительности и восприимчивости.

Навигатор вновь зашелся в неудержимом приступе смеха.

— А ведь причины зубных болезней и до сих пор были неизвестны!

— Да, каких только не было медицинских гипотез, — подхватил Исследователь. — А зуб просто не выдерживал перегрузок.

— И на Земле у кого-то и сейчас зубы болят, — простонал Навигатор.

— Шалфеем полощут, — с трудом выдавил из себя Бортинженер, и в рубке снова грянул взрыв хохота.

— А ведь, действительно, все так просто, — задумчиво молвил Исследователь. — Ведь нерв — самый чуткий приемник. И достаточно было простой пристав-

ки-преобразователя... Нет, для разгадки, оказывается, нужен был еще и наш звездолет!..

Командир, как и полагается Командиру, опомнился первым.

— Время! — сказал он, посмотрев на часы. — Они ждут, пора выходить из звездолета. Все-таки — первый контакт!

ПРИВЕДЕНИЕ ПОДОБНЫХ

$$(a+b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$$

Из учебника алгебры для
шестого класса

Очень медленно шестиклассник Петя Иванов стер с доски предыдущую запись и еще медленнее стал записывать пример. Татьяна Ивановна, учительница математики, продиктовала:

— А плюс б в квадрате минус а плюс ц в квадрате плюс аб минус ц в квадрате. Надо привести подобные члены. Если вы хорошо усвоили алгебраические формулы, которые мы проходили на прошлом уроке, пример окажется нетрудным... Иванов, постарайся записывать побыстрее!

Очень медленно Петя Иванов написал на доске условие и надолго задумался...

Нет, определенно: в этой части Вселенной трудно было рассчитывать на успех. Одни звезды были чересчур горячими, а другие уже остывали. Размеры светил тоже не обещали условий, при которых на одной или нескольких планетах вокруг звезды может возникнуть жизнь. И наконец, здесь не встречалось ничего, что было бы наделено бесспорными признаками искусственного происхождения. Ничего!..

Зонд-разведчик — шар серебристого цвета —

со сверхсветовой скоростью перемещался от одной звезды к другой. Задерживаясь у звезд, он оценивал, анализировал, делал выводы. Но... ничего! Наконец возле какой-то мощной звезды он погасил скорость и лег на орбиту вокруг нее, чтобы связаться с Координационным Советом — высшей инстанцией Широких Исследований, которые вот уже долгое время вела цивилизация тразеинов, достигшая самых высоких ступеней развития и освоившая к текущему моменту множество планетных систем нескольких соседствующих Галактик.

Зонд аккумулировал энергию голубой звезды и преобразовал ее в мощный информативный импульс. С огромной скоростью импульс пронизал космос и ушел к очень далеким от этого места Галактикам тразеинов. Потом пришел ответ. Ответ, который можно было предвидеть.

Если б только автоматика была наделена воображением, зонд-разведчик живо представил бы себе, как принималось решение. В большом зале Решений появились дежурные члены Совета — полупрозрачные, искрящиеся разноцветными огоньками шарики (да, именно такими были внешне тразеины), каждый создал себе из пространства подставку по вкусу и настроению, и, разместившись на этих подставках, дежурные начали дебаты. Огоньки их вспыхивали и погасали — соответственно движению мысли того или иного дежурного, — однако к концу обсуждения зал засветился общим красным светом: значит, решение было принято единогласно. И все это невероятно быстро, так как на таких обсуждениях в целях экономии время спрессовывалось.

Получив ответ, зонд-разведчик оставил круговую орбиту и продолжил поиск. Таково было решение Совета, и теперь зонду предстояло оценивать не только звезды, но и детально изучать их планеты. Парадокс, но теоретики в последнее время все настойчивее говорили о том, что в этой части Вселенной, очень отдаленной от ее

центра, условия для возникновения жизни могут быть совершенно особыми, что она может даже возникнуть близ звезд, которые совершенно непригодны вроде бы для роли светила, согревающего жизнь. В Совете, конечно, не могли упустить случая проверить эти теоретические воззрения (впрочем, и противников у них было множество), и, раз ни одна из звезд не подходила по привычным параметрам, значит...

У первой, второй, третьей, десятой звезд на планетах не было никаких признаков жизни. Что ж, теории, даже самые красивые и неожиданные, так часто остаются лишь теориями! Одиннадцатая звезда была маленькой и не очень горячей. Автоматы зонда мгновенно определили ее возраст. Нет, здесь тоже было явное расхождение с классическими теориями и реальной практикой. В течение нескольких мгновений зонд исследовал первую и вторую планеты. Затем приблизился к третьей. И тут же вся его автоматика, все чуткие приборы и анализаторы были повергнуты, если только можно так сказать про автоматику, в недоумение.

Планета была полна движения, какие-то странные предметы двигались по ее поверхности, и в атмосфере, и по воде. Однако было ли это жизнью? Во всяком случае, это совершенно не было похоже ни на одну из изученных уже форм жизни во множестве других звездных системах.

Импульсы-щупальца с лихорадочной быстротой обегали всю планету. У тонкой автоматики зонда все больше и больше рос интерес к явлению. Если это была жизнь, то в основе ее лежало нечто совершенно непредставимое.

Перестроив свою структуру, зонд-разведчик в тысячи раз уменьшился в размерах. Теперь он мог опуститься на поверхность планеты и остаться незамеченным.

Он опустился.

И вдруг — это случилось действительно вдруг —

автоматика зонда уловила импульс настоящей жизни. Он исходил от одного из двигающихся по планете предметов, который тоже никак не подходил под каноны Разведанных и Изученных Форм Жизни, но, очевидно, это все-таки была жизнь, потому что импульс, уловленный автоматикой, был Мыслью. Непонятной, неизвестно на что обращенной, но Мыслью. Причем, как вдруг стало ясно логическим устройствам зонда, это была не просто Мысль, а просьба о помощи.

Но, поняв это, логическое устройство встало в тупик. Зонд-разведчик не мог помочь носителю Мысли, он столкнулся с совершенно непознанным.

До конца урока было еще очень далеко, пример казался очень длинным и трудным, в голове не было никаких мыслей, а тут еще, как назло, прямо над ухом раздалось негромкое жужжание какой-то назойливой мухи, которой, впрочем, почему-то не было видно. Тяжело вздохнув, шестиклассник посмотрел в окно. За окном ярко светило солнце, раздавался шорох листьев да шелест шин по теплomu асфальту. Наконец он тяжело, с усилием, перевел взгляд на доску, где, словно приговор, был написан пример

$$(a + b)^2 - (a + c)^2 + ab - c^2 =$$

— Ну что же ты, Иванов? — словно бы откуда-то издалека донесся голос учительницы, и в нем ясно прозвучали те особые нотки, после которых в классных журналах обычно появляются отметки, не радующие ни родителей, ни педсоветы.

Нет! Нельзя сказать так, что Петя Иванов, стоящий сейчас с тоской у доски, был закоренелым двоечником и лентяем и вместо того, чтобы готовить уроки, целыми днями играл в футбол или в какие-нибудь другие игры, или читал фантастику, или смотрел телевизор;

как, впрочем, нельзя сказать и того, что он был лучшим учеником шестого класса «А» — лучшим был другой человек. Но учился Петя, как правило, с удовольствием, в меру занимался спортом и посещал занятия астрономического кружка. Однако даже у лучших из лучших бывают, как известно, моменты, когда что-то не ладится, не получается с первого взгляда, хотя ведь получится, рано или поздно получится, если есть целеустремленность, настойчивость, желание преодолеть временную трудность. Вот и у Пети Иванова случился такой момент: никак не мог он вспомнить формулу, которую Татьяна Ивановна объясняла вчера, а если б вспомнил, пример, без сомнения, решил бы сразу и получил бы свою обычную твердую четверку.

— Так что же, Иванов? — со сгущающимися недобрыми интонациями спросила учительница, и шестиклассник подумал с тоской: «Ну хоть бы кто помог!»

На мгновение Пете показалось, что жужжание невидимой мухи стало особенно громким, даже каким-то басовитым. А в следующее мгновение ему показалось, что стало совсем тихо, потому что в его голове вдруг ни с того ни с сего — бывает же так! — ослепительно вспыхнула эта формула. Вспомнил!

— Квадрат суммы, Татьяна Ивановна, — начал Петя Иванов, — равен квадрату первого числа плюс удвоенное произведение первого числа на второе плюс квадрат второго числа. Значит, Татьяна Ивановна, получится, что...

Мелок радостно застучал по доске. Красивым, даже каким-то нарядным был весь этот выведенный Петей ряд букв и цифр. Следя за ходом решения, Татьяна Ивановна согласно кивала головой, а когда пример был решен, учительница сказала:

— Вот так, ребята, мы впервые произвели алгебраическое действие, которое называется приведением подобных. Садись, Иванов, четверка!..

Зонд-разведчик вылетел из окна класса на улицу и стал подниматься вверх. Ему предстояло выйти на орбиту, вновь увеличиться в размерах и продолжить исследования других планетных систем. На этой планете он свою задачу выполнил, и теперь автоматика зонда испытывала чувство гордости, если только так можно сказать об автоматике. Но, наверное, можно, потому что речь ведь идет об автоматике, созданной тразеинами, цивилизацией, достигшей самых высоких ступеней развития. Автоматика гордилась, потому что была разгадана еще одна тайна космоса, понято было то, что лежало в основе этой странной жизни, так непохожей на все другие. Но разгадка потребовала колоссальной работы многих служб, расположенных на одной из дальних Галактик. А путь, ведущий к разгадке, оказался таким...

Уловив мысленную просьбу о помощи со стороны существа, оперирующего какими-то необъяснимыми, не имеющими никаких аналогов понятиями, зонд сам не смог ему помочь. Тогда мощным мгновенным импульсом зонд передал информацию в ту Галактику, где были размещены все научные службы тразеинов. Мыслящее существо, пусть и совершенно неведомой формы жизни, просило о помощи, и, значит, надо было помочь, не считаясь ни с какими затратами.

Это была невероятно трудная задача: $(a + b)^2 - (a + c)^2 + ab - c^2 =$ Поначалу тразеины-ученые встали в тупик, и многое, очень многое пришлось сделать для того, чтобы ответ пришел вовремя: пришлось затратить на решение энергию целой звездной системы, пришлось замедлить и даже пустить назад время, но работа, оказалось, стоила, стоила таких усилий! Не только ради того, чтобы помочь мыслящему существу, попавшему в беду, но и ради еще одного шага познания. Потому что, разгадав тайну приведения подобных, тразеины поняли и всю суть науки алгебры, отталкиваясь от постигнутого, они открыли для себя все фор-

мулы, которыми так широко пользовались на этой странной планете. А после алгебры, опираясь на познанное, открыли геометрию, тригонометрию, высшую математику, открыли целый мир, наполненный цифрами и формулами, неизвестный им прежде.

Вот так и был сделан еще один шаг на пути познания тайн Вселенной: в основе этой странной цивилизации лежало то, что ее представители называли математикой. Мир чисел и отвлеченных понятий... И пусть открытие не несло тразеинам никакой практической пользы, открытие всегда остается открытием.

Зонд-разведчик улетал все дальше. Автоматика зонда размышляла о том, как трудно, наверное, было бы представителям только что встреченной цивилизации поверить, что можно обходиться без вычислений, создавая, строя, исследуя. О том, что ни один из ее индивидуумов не смог бы представить, что все эти действия с буквами и цифрами совершенно не нужны тразеинам, потому что они — высшая цивилизация — умеют любые конструкции создавать из пространства, мыслью, а размеры любого предмета и суть любого явления становятся ясны им и так, просто на взгляд. И что эти естественные способности, с которыми возникла цивилизация, все усложняются и совершенствуются в процессе эволюции.

Зонд думал: не только это, но и многое другое трудно было бы представить мыслящему существу встреченной цивилизации, потому что не может оно выйти за привычные рамки мысли. Но сколько же существует еще на далеких от этой планеты Галактиках такого, что показалось бы местному мыслящему существу совершенно невозможным. И уж, наверное, это существо еще долго будет наивно полагать, что только математика может стать тем универсальным средством, с помощью которого только и могут понять друг друга разные цивилизации...

Зонд был уже у следующей планетной системы, по-

ра было продолжать исследования. Но еще на короткий миг автоматика мысленно вернулась к раскрытой загадке, и снова ею овладела гордость. Тразейны, понятно, и впредь будут обходиться без пользования всеми этими формулами, к которым встреченную цивилизацию привели условия жизни и природные законы ее планеты. Но ведь тайна была разгадана — еще одна тайна Вселенной, которых столько уже было в истории науки тразейнов. А ради того, чтобы разгадывать тайны, зонд и продолжал путешествие. Какая тайна будет следующей?

...Петя Иванов вечером готовил уроки. Квадрат разности был равен квадрату первого числа минус удвоенное произведение первого числа на второе плюс квадрат второго числа. Примеры на приведение подобных решались быстро, в тетради в клеточку росли строчки букв и цифр. Петя торопился на очередное заседание астрономического кружка. Он должен был прочесть доклад о дальних Галактиках.

СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Иных слов здесь не подберешь: разведчику О Ши с планеты Там-Та, что обращается вокруг звезды Аник-волог, на этот раз повезло, сказочно, невероятно повезло. Он только что развернул свой наблюдательный пункт и тут же обнаружил чужую жизнь. Редчайшая удача! Ведь разведчик всегда обосновывается на новой планете наугад, там, куда принес его луч-транспорт, и уж только потом, в случае необходимости, наблюдательный пункт переносится на другое, на третье место.

Теперь О Ши оставалось узнать, что собой эта жизнь представляет, насколько разумны жители пла-

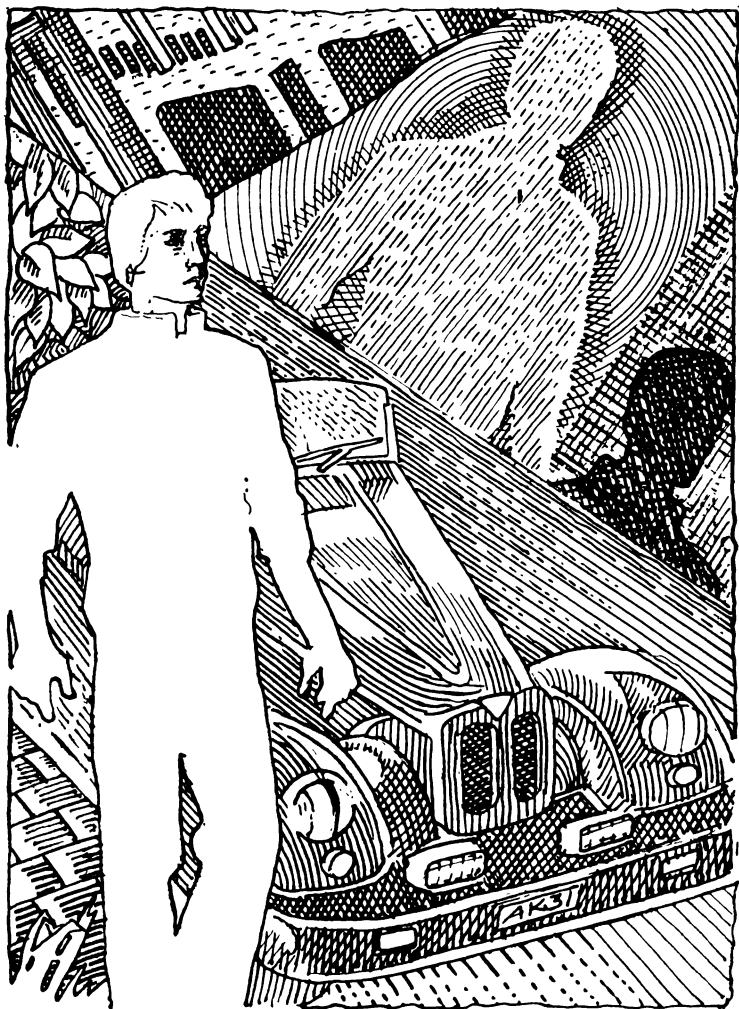
неты, на какой стоят ступени развития и какова их научно-техническая оснащенность. Все это — для того чтобы понять, достойна ли цивилизация приема в Великое Межзвездное Сообщество Развитых Форм Жизни.

Понятно, что О Ши невидим был для местных жителей. Невидима была и его аппаратура, многочисленные датчики, приборы, записывающие и фиксирующие устройства. Невидимым наблюдательный пункт делала особая оболочка вокруг него. А находился пункт неподалеку от большого сооружения явно искусственного происхождения, к нему вела длинная тропа явно искусственного происхождения. По тропе двигались местные жители — к искусственному сооружению и от него.

О Ши наблюдал.

Местных жителей было много. В общем-то, они были схожи между собой, но — небезынтересная особенность — отличались друг от друга цветом, причем цвета были самыми разными. Но это не было особенно удивительным. О Ши знал, что на Ангольде-Ватране, например, разумные обитатели просто-напросто меняли цвет в зависимости от посещающего их и быстро меняющегося настроения. Ангольдцев-Ватранцев уже приняли в Великое Межзвездное Сообщество, которое позволяет всем его членам, обогащаясь взаимным опытом, быстро шагать по ступеням прогресса. Так что же ждет жителей этой новой планеты?

Разведчик работал: наблюдал, взвешивал. Первое впечатление, внесенное в журнал наблюдений, было таким: местные жители достаточно подвижны, обладают хорошей координацией движений. Второе впечатление — внешний вид их приятен. Как знают все члены Межзвездного Сообщества, во Вселенной существуют самые разнообразные внешне формы жизни, наделенной разумом. Но этим, наблюдаемым, были свойственны весьма пропорциональные, радующие взгляд линии. Видимо, чтобы придать аборигенам — так обычно на-

зывают местных жителей — именно такую форму, эволюции потребовалось немало времени. Но, как быстро понял разведчик, научно-технический уровень цивилизации этой планеты был крайне невелик. То есть он отсутствовал начисто. Ни один из аборигенов не имел никаких инструментов. Некоторые из них несли на себе — на себе! — какую-то поклажу.

О Ши сконцентрировал внимание на здании, к которому стремились местные жители. Направленный луч особого прибора быстро принес полную информацию. Здание совершенно определенно служило для гигиенических целей: разноцветные местные жители в специальных помещениях — весьма примитивных, но чего другого и следовало ожидать? — купались в струях воды, а в других помещениях местные жители...

Стоп!

И в одно мгновение О Ши все стало ясно; его охватило горькое разочарование. Опять ему не повезло! Для каждого разведчика самой завидной целью оказывается обнаружение цивилизации, достаточно развитой для того, чтобы ее можно было принять в Межзвездное Сообщество. Такие находки редки, крайне редки. Имя счастливца-разведчика, к какой бы форме разумной жизни, входящей в Сообщество, он ни относился, пользуется особым почетом, в его честь слагаются гимны и стихи, на любой из планет Сообщества он — самый почетный гость. А вот неудачникам, вроде него, О Ши, с планеты Там-Та, что обращается вокруг звезды Аниколог, всегда попадают планеты, населенные существами, которым куда как далеко до той черты, после которой цивилизация считается достаточно развитой.

О Ши угрюмо анализировал видеоинформацию.

Все, сомнений не оставалось: цивилизация оказалась не только не развитой технически, но вдобавок находилась на одной из самых низших ступеней развития общества.

Потому что общество, без сомнения, было рабовла-

дельческим. У местных жителей, таких красивых, пропорциональных внешне, были рабы. Пусть и не похожие на них самих, но подчиненные, забытые существа.

Вероятно, как это иногда случается, здесь, на этой планете, эволюция пошла двумя различными путями. И вот более совершенные существа покорили других, менее совершенных, и заставили их работать на себя. Рабы мыли своих повелителей, а те принимали это как должное, спокойно, в полной неподвижности, подставляли свои бока струям воды и наслаждались процедурой. Рабы безропотно чистили и скребли своих хозяев.

О Ши пригляделся и понял — здание предназначалось не только для гигиенических, но и для лечебных, профилактических целей. Рабы в считанные мгновения заменяли своим повелителям отдельные части тела — видимо, развитие медицины на этой планете опередило техническое развитие и развитие общественного сознания — на другие, новые части. И в каждом движении, жесте угнетенных несчастных существ чувствовалась рабская покорность судьбе и безысходность.

О Ши призадумался: интересно, бывают ли здесь попытки рабов взбунтоваться? Интересно и то, с помощью каких средств рабов здесь держат в страхе и покорности?

Еще несколько мгновений наблюдений и анализа, и О Ши понял: эволюция, разделившая существ этой планеты на два вида, распорядилась так, что одни, повелители, двигались неизмеримо быстрее других. Все решала разница в скорости! Маленькие, слабые, неповоротливые существа просто не могли победить. А победители в виде хоть какого-то поощрения за работу — как О Ши не заметил этого сразу — позволяли рабам время от времени насладиться этой скоростью. Но, разумеется, не только насладиться, но в первую очередь дать им понять, насколько велика между ними эта разница в скорости и, значит, в судьбе.

О Ши отметил в своем журнале интересную особен-

ность: оказывается, у местных разумных существ внутри тела есть специальная полость, в которую, через особые закрывающиеся клапаны, и заходят слабые и угнетенные существа. Ну да, внутри каждого из аборигенов, которые быстро движутся сейчас перед О Ши по тропе, обязательно есть хоть одно из этих низших существ. Повелители, понятно, не упускают ни одного случая поставить рабов на свое место.

Итак, все, конец! Нет больше нужды в исследованиях, наблюдениях, нет необходимости переносить наблюдательный пункт в другие точки планеты; бесспорно, здесь везде происходит одно и то же. Так пусть же здесь все идет своим чередом! На планету надо будет вернуться через очень отдаленное время, когда цивилизация подойдет, наконец, к той черте, которая...

Человек бережно погладил капот. Ему показалось, что на капоте есть пылинка, которой на самом деле не было, и он ее сдул. Автомобиль, ярко-оранжевый, только что помытый, начищенный, сиял глянцем, радовал глаз стремительностью форм. Автомобиль был похож на щеголя, который готовится к выходу в свет.

Человек обошел свою машину кругом. Ему вдруг захотелось осторожно, ласково погладить протектор левого переднего колеса; и он погладил его, ощутив прохладу и шероховатость резины.

Он сел за руль, посмотрел на часы. Конечно, времени на поездку сюда, в загородный Центр обслуживания легковых автомобилей, ушло предостаточно, но зато теперь машина выглядела так, как будто только сейчас сошла с конвейера. Как приятно будет сейчас мчаться по шоссе, слушая, как шуршат шины, и наслаждаясь ласковым летним ветром, продувающим кабину насквозь! Но теперь впереди множество дел: надо успеть в Институт к тому моменту, когда в лаборатории начнется опыт, потом пойти в библиотеку, прочесть реферат, потом

успеть на очень интересную лекцию по астрономии, а потом...

Он тронул машину с места, выехал на шоссе.

В сотне метров от Центра обслуживания было очень красивое место: в поле росли кругом шесть берез, словно бы водивших белый хоровод. И, конечно, человек в автомобиле не знал, что только что, всего мгновения назад, рядом с этим березовым хороводом располагался невидимый для людей наблюдательный пункт разведчика-инопланетянина, оценивающего уровень развития землян и готовность их к вступлению в Межзвездное Сообщество Развитых Форм Жизни. И что луч-транспортёр уже унес — с невероятной скоростью — О Ши и его аппаратуру, и всю собранную информацию, и все разочарование в космос, на корабль тамтанцев, который на очень высокой орбите — обычная предосторожность разведывательной службы — обращался вокруг Земли.

ИНТЕРВЬЮ

В кабинете Писателя-фантаста длинными рядами теснились книжные шкафы. Сквозь стекла были видны корешки десятков тысяч книг. На почетном месте стоял шкаф с произведениями самого хозяина кабинета. Писатель сидел в кресле, за рабочим столом, а Журналист, берущий у маститого автора интервью, напротив. Календарь на столе показывал 24 ноября 2055 года.

— ...Уэллс? — без всякого выражения переспросил Писатель. — Вы сказали — Уэллс?

— Ну, конечно же, Уэллс! — воскликнул Журналист.

Несколько мгновений, удивленно глядя на собеседника, он словно бы прислушивался к тому, что происходит у него в голове, сам пораженный этой неожиданной мыслью.

— Ну, конечно, Уэллс! — повторил Журналист. —

И как только я не замечал этого раньше. Ну ведь правда! Кто придумал Машину Времени?

— Уэллс, — сказал Писатель без всякого выражения.

Он зачем-то тронул рукой объемистую папку с рукописью своего нового романа, лежащую перед ним на столе, немного подумал и добавил:

— Теперь, правда, сами знаете, Машину Времени надо считать не фантастической идеей, а лишь гениальным предвидением. Ведь после того, как на самом деле был открыт способ путешествий во времени, описанием экскурсий в прошлое никого больше не удивишь. Вы и сами, наверное, обращались в Бюро Демонстрации Истории?

— Я был на открытии Колумбом Америки, на поле битвы при Ватерлоо, в верхнем палеолите, а также на рыцарском турнире в Эшби-ле-суази-пре-Клер, — нетерпеливо отозвался Журналист. — Ну, хорошо! А кто впервые использовал в фантастике идею Человека-Невидимки?

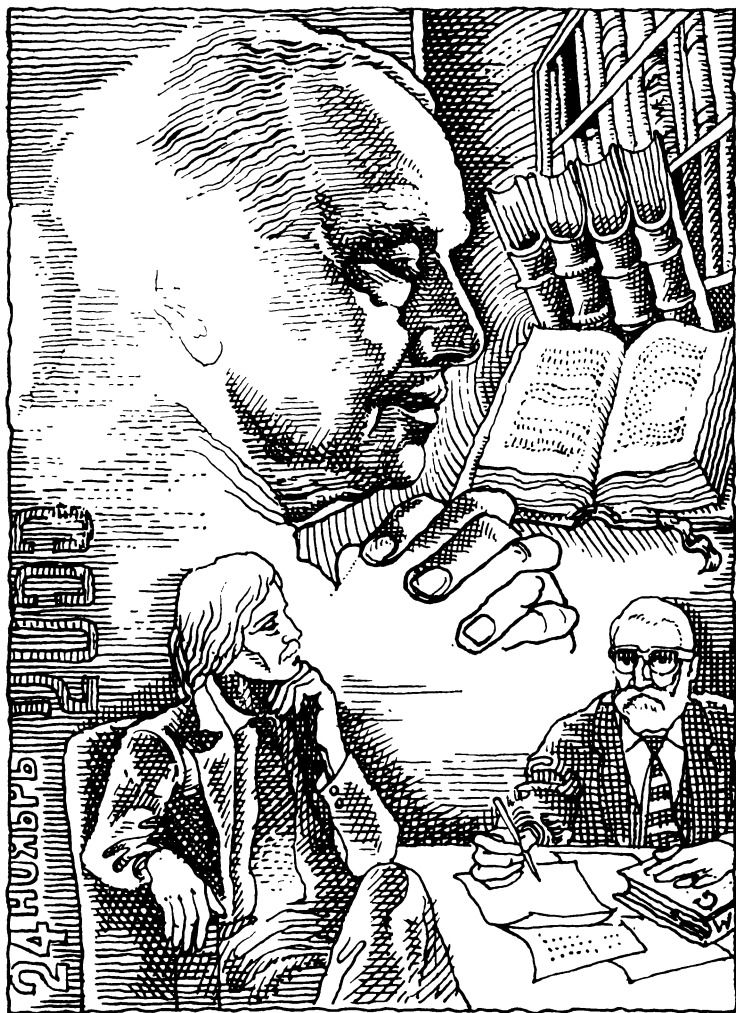
— Уэллс, — ответил Писатель без всякого выражения и посмотрел на шкаф с книгами.

— А Нашествие Марсиан? — спросил Журналист. — А смежные миры? Ну, какие еще фантастические ситуации используются писателями до сих пор?.. Вторжение Прошлого в Будущее или Будущего в Прошлом... Смотрите-ка, и в самом деле! Нет, спорить тут нельзя! Все, абсолютно все ситуации, применяемые фантастами до сих пор, и вами... — он запнулся, мгновение поколебался, но потом твердо проговорил: — Все ситуации, применяемые фантастами до сих пор, и вами, кстати, тоже, были придуманы еще Уэллсом!

Фантаст устало выпрямился.

— Значит, вы тоже заметили это? — спросил он тихо. — Да, вы полностью правы! С этим сталкивается каждый фантаст — с тем, что все до него уже придумал Уэллс. И «Новейший ускоритель». И «Пищу богов». И многое другое. И это просто поразительно. Даже про-

сто несправедливо! — Фантаст начинал волноваться. — Ведь все самое интересное в фантастике, все это было придумано одним человеком. Он не оставил своим грядущим коллегам почти ничего!..

Писатель с досадой отодвинул в сторону рукопись своего романа, немного помолчал, а потом у него вдруг вырвалось совершенно неожиданно даже для него самого:

— И когда я встречался с Уэллсом — Бюро Демонстрации Истории устроило мне получасовую экскурсию, — я его спрашивал, легко ли он находил идеи? А он, вы только представьте, ответил...

Фантаст осекся и испуганно взглянул на собеседника. На лице Журналиста было написано недоумение: он не был уверен, правильно ли он понял смысл слов Писателя-фантаста. Когда наконец у него не осталось сомнений, он встал и резко сказал:

— Вы говорили с человеком из прошлого? Инструкция гласит, что на экскурсиях Бюро Демонстрации Истории можно лишь смотреть на объекты и субъекты. Любое общение с субъектом может привести к неожиданному повороту в ходе истории! Вы нарушили инструкцию!

Писатель виновато опустил глаза. Журналист возвышался над ним как обвинитель. В кабинете наступила долгая тишина. Потом Писатель виновато сказал:

— А что же мне оставалось делать?.. — Он помолчал еще немного. — Да любой фантаст, попав к Уэллсу, поступил бы на моем месте точно так же! Надо самому быть фантастом, да, самому биться над идеей, сюжетом, и самому чувствовать, что все уже, все уже... — Голос Писателя окреп. — Да что там! — Он взмахнул рукой, сделал усилие, сдерживая себя, и заговорил уже спокойнее: — Я проговорился вам, это верно. Теперь уже нет смысла молчать, и я расскажу все до конца. Но вы должны понять правильно: когда я отправлялся к

Уэллсу, у меня и в мыслях не было нарушать инструкцию, я хотел лишь взглянуть...

Журналист покачал головой и вновь спустился в свое кресло.

— Итак, все по порядку, — звенящим голосом продолжил Писатель. — Бюро Демонстрации Истории доставило меня в Лондон, на улицу, где он жил, к подъезду его дома. Это был год, когда он закончил «Машину времени», книгу, ставшую знаменитой, одну из первых своих вещей. Я стоял и ждал: Герберт Уэллс должен был выйти на улицу, и Бюро точно рассчитало момент. И вот он появился... элегантный... с улыбкой, которая показалась мне насмешливой... Он не был похож на свои портреты, я думал, что он окажется совсем другим; и вот именно это обстоятельство вдруг словно бы подтолкнуло меня. В моей голове молнией пронеслась дикая, нелепая мысль, и, прежде чем я успел все обдумать, ноги сами поднесли меня вплотную к Уэллсу, и я с ним заговорил. А эта дикая, нелепая мысль была такой: если попросить его не писать фантастических романов, то все уже перечисленные нами ситуации будут изобретены другими писателями. Возможно, и на мою долю выпадет что-то значительное...

— Это черт знает что такое! — воскликнул Журналист. — Это совершенно неслыханно, вы ведь давали письменное обязательство ни при каких условиях...

— Да-да, я давал! — Фантаст вновь начинал волноваться. — Уэллс был гениальным человеком. Но он оказался и по-настоящему великодушным человеком, он вошел в положение своих грядущих коллег. Итак, я подошел к Уэллсу и взял его за рукав сюртука...

— Взяли его за рукав!.. — ужаснулся Журналист.

— ...Я ему рассказал обо всем — о нашем времени, о себе. Представьте его первую реакцию!.. В общем, в конце концов я сказал: «Вы будете не только фантастом! Вы напишете много реалистических книг, которых вполне достаточно, чтобы сделать вас знаменитым!» Коро-

че. — Взгляд Писателя сверкнул. — В разговоре со мной он так и сыпал совершенно невероятными идеями, делясь со мной будущими замыслами. Это был какой-то фейерверк, наваждение! Наверное, он мог бы написать еще сотню фантастических книг, помимо тех, которые мы знаем. Но я повторяю: Уэллс оказался по-настоящему великодушным человеком, он обещал не писать больше фантастику. Он решил остановиться на «Машине времени» — она уже вот-вот должна была выйти в свет, — и писать впредь только реалистические вещи. Ну ладно! Мы как друзья расстались с Уэллсом, я вернулся в свою эпоху... А вот теперь вы скажите! — Писатель грохнул кулаком по столу, и на столе подпрыгнула папка с его новым романом. — Скажите! Почему, когда я вернулся, в голове у меня было совершенно пусто! Уэллс выполнил обещание, никаких фантастических книг он больше не писал, и что же?.. Я мгновенно забыл и о Смежных мирах, и о Невидимке, и обо всем, что только можно придумать. Я ломал голову и ничего не мог вспомнить! Ничего!! А современная фантастика?! — Голос Писателя дрогнул. — Я кинулся к книгам и — не поверите! — ни Невидимки, ни Смежных миров, ничего! Вся фантастика представляла собой лишь бесконечные вариации на тему Машины Времени. А мои собственные книги исчезли. Шкаф был пуст! Там лежала только стопка чистой бумаги.

Во взгляде Журналиста ясно проявилось недоверие. Губы его тронула ироническая улыбка. Он посмотрел на книжные стеллажи, на шкаф, где стояли произведения хозяина кабинета...

Писатель-фантаст отвернулся.

— А что же мне оставалось делать? — спросил он глухо. — Я отправился в Лондон, к Уэллсу, снова. И попросил его считать уговор недействительным.

ОБ АВТОРЕ

Владимир Малов родился в 1947 году. Учился в Московском институте инженеров землеустройства, довелось ему побывать в геодезических экспедициях. Но, как это нередко бывает, однажды заговорила в нем жилка иной профессии. Нельзя сказать, что этот зов оказался для него неожиданным: первый свой рассказ Владимир написал еще в школе. Теперь же, после экспедиций и института, потребность писать стала осознанной.

И он круто меняет профессию — становится журналистом. Работает в журналах «Юный техник», «Вокруг света», газете «Комсомольская правда», оканчивает Литературный институт имени М. Горького.

Он автор нескольких книг: «Академия «Биссектриса» (фантастика), «Затерянные экспедиции», «Легенды ведут к открытиям», «В. Арсеньев» (эти книги историко-географического плана).

«Фортост «Надежда» — первая книга писателя в серии БСФ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Посылка	6
...Остался один...	57
Под Солнцем Матроса Селкирка	109
Форпост «Надежда»	175
На Кубок Кларенса	225

ФАНТАСТИКА В ШУТКУ

Загадка Этаны	242
Приведение подобных	248
Своим чередом	255
Интервью	261
Об авторе	267

НОВОСТИ ФАНТАСТИКИ

При издательско-полиграфическом объединении ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» создано Всесоюзное творческое объединение (ВТО) молодых писателей-фантастов. Оно имеет уже девять региональных отделений, практически охватывающих всю страну. Объединение построено на принципе полной самоокупаемости, со своими финансами и своим штатом сотрудников. Года три назад о такой возможности можно было только мечтать. И вот результат: за год подготовлено к изданию более десяти сборников. Рассмотрены произведения более 350 авторов. Темпы, прямо скажем, журнальные.

Регулярно ВТО собирает региональные творческие семинары, где на секциях под руководством известных писателей-фантастов, членов Союза писателей, проходит обсуждение рукописей молодых авторов. Готовые произведения рекомендуют к публикации. Те, что можно «дотянуть», отдают авторам на доработку. Отдельные вещи доводятся до ума с редакторской помощью.

Одна из самых представительных творческих встреч молодых писателей «Борисфен-88» прошла в октябре 1988 года неподалеку от Днепропетровска в Орловицине. Так называется живописное место на Самаре — притоке Днепра. (Кстати, Борисфеном древние греки окрестили Днепр.) Собралось более 80 пишущих фантастику молодых людей самых разных профессий, а те, кто не смог приехать, прислали свои рукописи.

Демократизм обсуждений, объективность оценок сра-

зу же создали творческую атмосферу. Были открыты новые имена, которые читатель в скором времени встретит в «Румбах фантастики» (под такой «шапкой» выходят сборники ВТО).

В издании молодых без риска не обойтись. Читатели понимают, какое это нелегкое дело — селекция талантов: В их поиске можно даже решиться и на такую крайность, о которой сказал известный критик и писатель Ал. Михайлов: «И если хоть одна из ста первых книжек через сто лет станет реликтом, музейным экспонатом выдающегося художника слова, поступок издательства тоже войдет в историю литературы».

Литературные процессы развиваются по своим внутренним законам, определяемым ходом развития общества, его состоянием. Сейчас в фантастике как никогда нужны смелые конструктивные идеи будущего. Удачно сказал об этом писатель-фантаст Артур Кларк в своем пожелании к читателям газеты «Советская Россия» (1988, 27 ноября): «Фантазируйте, фантазируйте и фантазируйте. Самые смелые фантазии обязательно станут явью. И верьте, что это так и будет».

Малов В. И.

М 19 Форпост «Надежда» / Худож. А. Катин. —
М.: Мол. гвардия, 1989. — 270[2] с., ил. — (Б-ка
сов. фантастики).

ISBN 5-235-00646-1

Повести и рассказы о космических полетах и контактах с
представителями иноцивилизаций.

М 4702010200—106
078(02)—89 144—89

ББК 84Р7

ИБ № 6078

Малов Владимир Игоревич

ФОРПОСТ «НАДЕЖДА»

Заведующий редакцией **В. Щербakov**
Редактор **В. Родиков**
Художественный редактор **В. Федотов**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректоры **В. Назарова, Л. Четыркина**

Сдано в набор 08.09.88. Подписано в печать 28.12.88.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,9. Усл. кр.-
отт. 12,25. Учетно-изд. л. 12,4. Тираж 100 000 экз. Цена
1 р. 20 к. Изд. № 2155. Заказ 9—99.

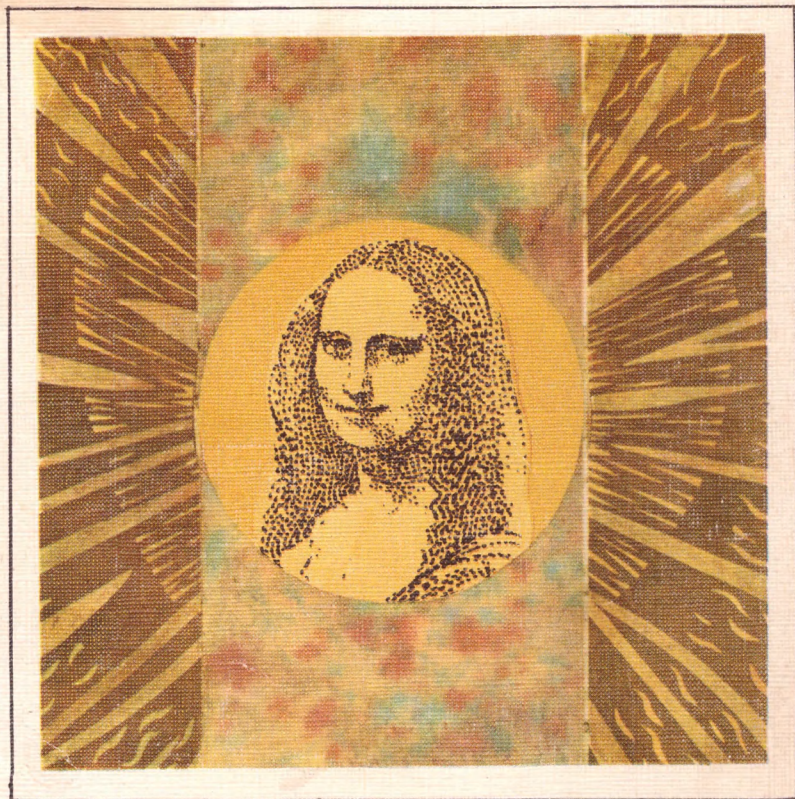
Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового
Красного Знамени издательско-полиграфического объединения
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва,
К-30, Сушевская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь»
ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфиче-
ского объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119,
Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-00646-1

1 р. 20 к

молодая гвардия

ВЛАДИМИР МАЛОВ ФОРПОСТ «НАДЕЖДА»